

ISSN 2219-6048 (ONLINE)

2021

Том 13 1

Историческая

и социально-образовательная мысль

HISTORICAL AND SOCIAL EDUCATIONAL IDEA

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Историческая и социально-образовательная мысль

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 13 №1

2021

Главный редактор:
док. ист. наук, профессор
Бугай Н. Ф.

Заместитель главного редактора - научный редактор:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией:
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии:
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Корректор:
А.Ф. Мишина

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар,
мкр. Пашковский,
ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: +7 905 471 31 94

E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

НОЧУ ДПО Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов; АНПОО Северо - Кубанский гуманитарно - технологический колледж.

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» представляет собой сетевое, периодическое, рецензируемое научное издание.

Миссия журнала - публикация оригинальных статей, рецензий и историографические обзоры российских и зарубежных учёных, а также молодых исследователей на русском и английском языках, повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества по истории, образованию и социологии.

Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Свидетельство о регистрации:

Эл. № ФС77-37034 от 04.08.2009

(ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

ISSN 2219-6048 (Online)

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Historical and Social-Educational Idea

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume 13 #1 2021

Editor-in-Chief:

N. F. Bugay
Dr. Sci. (History), Professor

**Deputy Editor-in-Chief -
Scientific Editor:**

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

**Editor for the
English Version:**

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Proofreader:

A.F. Mishina

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301,
Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080, Russia
Editorial Office Journal
«Historical and Social-
Educational Idea»
Phone/fax: +7 905 471 31 94
E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

N-SEPI oAPE Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
AN-PPEO Northern Kuban Region College for the Humanities and Technologies.

Web Version address:

<http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" is online, a periodical, peer-reviewed, scientific publication.

The mission of the journal is the publication of original articles, reviews, historiographic reviews of Russian and foreign scientists, as well as young researchers in Russian and English, increasing the level of scientific research and the development of international scientific cooperation in history, education and sociology.

Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue No 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Certificate of Incorporation:

El No. FS77 - 37034 of August 4th, 2009

ISSN 2219-6048 (Online)

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

«Историческая и социально-образовательная мысль» - это сетевой, научный, рецензированный журнал, основной целью, которого является публикация научных статей высокого качества по историческим, социологическим и педагогическим научным специальностям с целью стимулирования дальнейших социально-гуманитарных исследований и академических дискуссий, посвященных различным аспектам, параметрам и уровням социальности.

Журнал принимает к публикации оригинальные научные тексты в рамках следующих профильных специальностей:

- 07.00.02 Отечественная история;
- 07.00.03 Всеобщая история;
- 07.00.15 История международных отношений и внешней политики;
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.06 Социология культуры, духовной жизни;
- 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания;
- 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской этики.

Концепция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» подразумевает междисциплинарный характер социального знания. Исследования, ориентированные на изучение современной реальности, связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания.

"The Historical and Social-Educational Idea" is online, a scientific, peer-reviewed journal, the main purpose of which is to publish high-quality scientific articles on historical, sociological and pedagogical scientific specialties in order to stimulate further social and humanitarian studies and academic discussions on various aspects, parameters and levels of sociality.

The journal accepts original scientific texts for publication in the following profile specialties:

- 07.00.02 Russian History;
- 07.00.03 World History;
- 07.00.15 History of International Relations and Foreign Policy;
- 22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes;
- 22.00.06 Sociology of Culture, Spiritual Life;
- 13.00.01 General Pedagogy, History of Pedagogy and Education;
- 13.00.02 Theory and Methods of Training and Education;
- 13.00.08 Theory and Methodology of Professional Education.

The editorial board of the journal is guided in their activities by the principles of science, objectivity, professionalism, information support of the most significant specialized research and compliance with the standards of publishing ethics.

The concept of the scientific journal "The Historical and Social-Educational Idea" implies the interdisciplinary nature of social knowledge. Studies focused on the study of modern reality connect the historical past with the realities of modernity and allow us to explain the present and predict the future, often using the methodology of related branches of scientific knowledge.

Главный редактор:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Москва. Россия

Научный редактор

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Краснодар. Россия

Редакционная коллегия**Состав редакционной коллегии по историческим наукам**

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Владивосток. Россия

Ма Вэйюнь, доктор исторических наук, профессор, Центр исследований России при Хэйлунцзянском университете, заместитель председателя Ученого совета

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Харбин. Китай

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Екатеринбург. Россия

Сактаганова Заурез Галимжановна, доктор исторических наук, Профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Бунетова, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

г. Караганда. Республика Казахстан.

Хон Вунг Хо, кандидат исторических наук, профессор истории, Центр восточных исследований, факультет международных отношений, Государственный университет Донгук
Сеул. Республика Корея

Состав Редакционной коллегии по социологическим наукам.

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Ереван. Армения

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Ростов-на-Дону. Россия

Гузенина Светлана Валерьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения Российского общества социологов (РОС), Член Международной Социологической Ассоциации (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
г. Тамбов, Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Брно. Чешская Республика

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Краснодар. Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна, профессор, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, Международный языковой бизнес-сервис ESZETT, член Российского профессорского собрания, член Общества социологов России.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
г. Аннандейл, шт. Вирджиния, США

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, Университет Сан-Франциско
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
Сан-Франциско. США

Шишкина Ольга Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Владивосток, Россия.

Состав Редакционной коллегии по педагогическим наукам.

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Блейх Надежда Оскаровна, заслуженный деятель науки и образования, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова», академик Российской Академии Естествознания
ORCID iD: 0000-0002-6715-9185
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
г. Таганрог. Россия

Дыбовский Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, профессор, Школа языка и культуры аспирантуры, Осацкий университет
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Осака. Япония

Эдита Поорова, доктор, (теория обучения английского языка и педагогика высшего учебного заведения), зам. декана факультета социальных наук по международным связям Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве,
ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118
г. Трнава Словакия.

Editor-in-Chief

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Moscow. Russia

Scientific Editor

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Krasnodar. Russia

Editorial board

Composition of the Editorial Board for Historical Sciences

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Vladivostok. Russia

Ma Weiyun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Research Center of Russia at Heilongjiang University, Deputy Chairman of the Academic Council

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Harbin. China

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Yekaterinburg. Russia

Zauresh G. Saktaganova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Karaganda State University named after E. A. Bunetov, Director Of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Karaganda. Republic of Kazakhstan.

Hong Vung Ho, Candidat of Historical Sciences, Professor of History, Center for Oriental Studies, Faculty of International Relations, Donguk State University

Seoul. Republic of Korea

Composition of the Editorial Board for Sociological Sciences.

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Yerevan. Armenia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Rostov-on-Don. Russia

Svetlana V. Guzenina, Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Chairman of the Tambov regional branch of the Russian Society of Sociologists (ROS), Member of the International Sociological Association (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
Tambov, Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic);
Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Brno. Czech Republic

Valery Kasyanov, Doctor of Social Sciences, Doctor of History Professor, Head of the Department of Russian history, Kuban state University state University
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Krasnodar. Russia

Marina V. Sukhomlinova - Professor, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences. International Language Business Service "ESZETT". The Member of the Professor's Assembly and the Member of the Sociologists' Society in Russia.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
Annandale, Virginia, USA

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
San Francisco. USA

Olga E. Shishkina, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Vladivostok. Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Vera P. Bederkhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Nadezhda Os. Blaikh, Honored Worker of Science and Education, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID 0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Taganrog. Russia

Alexander S. Dybovsky, Candidate of Philology, Honorary Professor of the School of Language and Culture of the Osaka University Graduate School. In 2019-2020, invited researcher of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures of the Osaka University Graduate School.
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Osaka. Japan

Edita Poorova, Ph.D. (*Theory of English Teaching (PhDr.), Higher Education Pedagogy (Ph.D.)*), Vice-Dean for Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius
ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118
Trnava, Slovakia

Редакционный совет

Состав редакционного совета по историческим наукам

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Токио. Япония

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Ростов-на-Дону. Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
ScopusID: 57192267254
Владивосток. Россия

Мамсиров Хамитби Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России», профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

Юн Санг Вон, доктор исторических наук, профессор истории Кореи, Государственный университет Чонбук, директор Исследовательского центра Корё сарам Чонджу. Республика Корея

Состав редакционного совета по социологическим наукам.

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
ScopusID: 8870184100
Тель-Авив. Израиль

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Гданьск. Польша

Латипова Нодира Мухтаржановна, профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социальная работа». Национальный университет Узбекистана
г. Ташкент, Узбекистан

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Владивосток. Россия

Токтосунова Адаш Искендеровна, доктор политических наук, профессор, председатель Общественного объединения "Диалог культур и цивилизаций"
Бишкек. Кыргызстан

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Состав редакционного совета по педагогическим наукам.

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID: 56530681200
Краснодар. Россия

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
ORCID iD 0000-0002-7263-4673
Краснодар. Росси

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus Author ID: 57194034492
Генуя. Италия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
ScopusID: 57191886265
Новосибирск. Россия

Editorial Board

Composition of the editorial Board for historical Sciences

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Tokyo. Japan

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Pre-sidential Academy of National Economy and Public Administration
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Rostov-on-Don. Russia

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
ScopusID: 57192267254
Vladivostok, Russia

Khamitbi B. Mamsirov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Honored scientist of the Kabardino-Balkarian Republic, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.
Nalchik, Russia

Yoon Sang Won, Doctor of Historical Sciences, Professor of Korean History, Chonbuk State University, Director of the Koryo Saram Research Center
Chonju. Republic of Korea

Composition of the editorial Board for Sociological Sciences.

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitsky, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
ScopusID: 8870184100
Tel-Aviv. Israel

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Gdansk. Poland

Nodira M. Latipova, Professor, Doctor of Sociological Sciences Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Head of the Department of Social Work. Tashkent, Uzbekistan

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Vladivostok. Russia

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, President of Public Association "Dialogue of Cultures and Civilizations"
Bishkek. Kyrgyzstan

Madina M. Shakhbanova, Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID:56530681200
Krasnodar. Russia

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
ORCID iD 0000-0002-7263-4673
Krasnodar. Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University
Samara. Russia.

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus ID: 57194034492
Genoa. Italy

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
ScopusID: 57191886265Novosibirsk. Russia

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В декабре 2022 года исполняется 100 лет образования Советского Союза. В связи с этой исторической датой, знаковым событием в жизни нашей страны редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в ДИСКУССИИ, посвященной «100-летию образования Союза ССР», которая будет проходить в течение 2021 года и 2022 года. Эта проблема затронула каждого из нас, она не может не волновать наше общество.

У нас есть возможность возвратиться к этим проблемам, переосмыслить их, сделать выводы, опираясь на ставшие доступными новые архивные источники, накопленный богатый опыт в изучении таких научных проблем как многонациональная государственность, нациестроительство.

Это позволяет нам возвратиться и к анализу тех социальных технологий, на основе которых строилось новое «многонациональное объединение народов» – Советский Союз. Мы также имеем возможность раскрыть эволюционный процесс, выявить причины его создания и недостатки, оценить роль народов, партий и общественных движений, личности в этом деле, показать также сущность причин распада государства, представить глубокий анализ положения на постсоветском пространстве.

Форма подачи материала свободная.

К участию в дискуссии приглашаются научная общественность, соискатели, аспиранты, преподаватели вузов.

Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди представителей научной общественности.

*С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»
доктор исторических наук, профессор,
действительный государственный советник
Российской Федерации III класса*

Бугай Николай Федорович

редакция журнала "Историческая и социально-образовательная мысль"

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<i>Отечественная история</i>	<i>National History</i>
Бугай Н. Ф. г. Москва, Россия Этнические меньшинства на южных территориях страны: проблемы становления лазов в условиях советского периода (1918–1950-е годы)	N.F. Bugay Moscow, Russia 17 Ethnic minorities in the southern territories of the country: problems of the formation of Laz in the conditions of the Soviet period (1918–1950s)
<i>Социальная структура, социальные институты и процессы</i>	<i>Social Structure, Social Institutions and Processes</i>
Ефремова Д.В. Йошкар-Ола, Россия Трансформации института туризма в обществе потребления на фоне пандемии коронавируса 2020	D.V. Efremova Yoshkar-Ola, Russia 36 Transformation of the institute of tourism in the consumer society in the background of the COVID-19 2020
Рамазанов Р.О. г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия Теологическое образование в современном российском обществе: состояние и проблемы (на примере примечетской школы)	R.O. Ramazanov Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia 52 Theological education in modern Russian society: state and problems (on the example of a school at mosque)
<i>Социология культуры, духовной жизни</i>	<i>Sociology of culture, spiritual life</i>
Токтосунова А.И., Алымбаева Т.Б. г. Бишкек, Кыргызстан Ч. Айтматов о глубокой пропасти между людьми и живой, страдающей природой и формирование экологического сознания сегодня	A.I. Toktosunova, T.B. Alymbaeva Chinghiz Aitmatov About a Precipice Between People and Alive Suffering Nature and the Formation of Ecological Consciousness 70
Чжан Ян, Ван Сюэтао, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай Сравнительный анализ одежды и обычаев малых народностей провинции Хэйлунцзян (на примере орочонов и маньчжуров)	Zhang Yang, Wang Xuetao, Heihe City, Heilongjiang Province, China 79 A Comparative Study of Heilongjiang Minority Costumes and Customs (taking Oroqen and Manchu as examples)
Шахбанова М.М. г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия Религиозная идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности	M.M. Shakhbanova Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia 93 Religious identity of the urban population of Dagestan in the structure of social identity
<i>Общая педагогика, история педагогики и образования</i>	<i>General pedagogy, history of pedagogy and education</i>
Абрамов С.М., Акулов С.А. г. Екатеринбург, Россия Попытка осмысления феномена патриотизма в контексте смены поколений и его воспитания в отечественной системе образования	S.M. Abramov, S.A. Akulov Ekaterinburg, Russia 109 An attempt to comprehend the phenomenon of patriotism in the context of generational change and its upbringing in the domestic education system

Mikhailova A.G. Sevastopol, Russia	123	Михайлова А.Г. г. Севастополь, Россия
Self-determination impact on motivation in the conditions of professional education		Влияние самоопределения на мотивацию в условиях профессионального образования

ИНФОРМАЦИЯ

134

INFORMATION

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-17-35

УДК: 930.1

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА НА ЮЖНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СТРАНЫ:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛАЗОВ
В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА
(1918–1950-е годы)**

БУГАЙ Николай Федорович
Институт российской истории РАН
г. Москва, Россия
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Анотация: В предлагаемой статье на основе выявленных в архиве Российской академии наук новых архивных документов, с привлечением разработок исследователей истории этнических меньшинств на территории Союза ССР, России раскрыты роль и место лазского этнического меньшинства юга в пределах Абхазии и Грузии.

Лазы как этническое меньшинство претерпели все трудности преобразований, в том числе и негативного свойства. Со стороны Правительства СССР к ним предпринимались деструктивные меры воздействия – принудительное переселение, депортация.

Мухамед Ванлиши, лаз по национальности, будучи членом Правительства Аджарской АССР, министром, писателем, направил на имя Л. Берии письмо, содержание которого тронуло чувства последнего. Лазы были возвращены со спецпоселения к своим собственным очагам. Эта сторона жизни этнического меньшинства Грузии – лазов – нашла отражение в документах «Особой папки Сталина».

В публикации упоминаются многие из действующих представителей лазов в разные периоды истории Грузии и Абхазии и этнических меньшинств, проживавших на их территории. На жизни лазов отразилась и проводимая Грузией политика по осуществлению «кристаллизации общества», преследовавшей целью формирование государственности с одной этнической общностью, единой культурой.

Введение. Кратко изложена разработка самой проблемы в научных трудах автора и других исследователей. Это и своеобразная реакция на жалобы со стороны самих лазов о том, что на историю этнического меньшинства не обращается должного внимания. Мало что известно в историографии лазов и об их лидерах, возглавлявших разного рода движения за свободу и справедливость, решении социальных проблем в обществе, вовлечении лазов в партийное и государственное строительство. Частично раскрыто содержание принимавшихся в отношении лазов мер карательного свойства, показаны причины и возможности преодолеть

выстроенную систему в отношениях между государством и обществом, этническими меньшинствами.

Методы. Содержание статьи основывается на разных методах исследования, в первую очередь методе историзма, последовательного изложения событийного ряда, характеризующего содержание исторических событий, их взаимосвязь с сопутствующими событиями. Важно применение и просопографического метода изложения материала о главном политическом деятеле лазов, представителях высших органов власти. Путем применения нарративного метода более широко представлена этническая общность лазов и ее участие в решении многих вопросов национальной государственной политики, взаимодействия самой этнической общности в системе межэтнических связей. Для выстраивания событийного ряда приобретает особую ценность использование информационного метода. Этот метод вполне применим и к анализу национальных процессов, происходивших в регионе проживания лазов. В изложении статьи применен также метод сравнительно-исторического анализа.

Результаты. Настоящая статья строилась прежде всего на архивных документах о лазах, выявленных в архиве Российской академии наук. Это позволило представить более широкую характеристику лазам как этническому меньшинству и наряду с известными материалами показать расселение лазов по территории регионов проживания. Документы архива позволяют раскрыть роль и место создаваемой в структуре Коммунистической академии Секции по изучению национального вопроса.

Выявлены формы и методы работы в Комакадемии по изучению истории национального вопроса и этнических меньшинств.

Ключевые слова: лазы, нацменьшинства, советское строительство, нациестроительство, миграции, переселение, депортация, Турция, война

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Этнические меньшинства на южных территориях страны: проблемы становления лазов в условиях советского периода. (1918–1950-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13. № 1. С. 17-35

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-17-35

ETHNIC MINORITIES IN THE SOUTHERN TERRITORIES OF THE COUNTRY: PROBLEMS OF THE FORMATION OF LAZ IN THE CONDITIONS OF THE SOVIET PERIOD (1918–1950s)

Nikolay F. BUGAY

Institute of Russian History RAS

Moscow, Russia

e-mail: nikolay401@yandex.ru

Abstract: The proposed article, based on new archival documents identified in the archives of the Russian Academy of Sciences, with the involvement of researchers in the history of ethnic minorities on the territory of the USSR, Russia, reveals the role and place of the Laz ethnic minority in the south within Abkhazia and Georgia. Laz, as an

ethnic minority, have undergone all those difficulties of transformation, including negative ones. Destructive measures were taken against them by the Government of the USSR – forced resettlement, deportation. Mohamed Vanlishi, Laz by nationality, being a member of the government of the Adjarian ASSR, minister, writer, sent a letter to L. Beria, the content of which touched Beria's feelings. The Lazes were returned from the special resettlement to their own homes. This side of the life of the ethnic minority of Georgia – Laz was reflected in the documents of "Stalin's special folder" The publication mentions many of the current representatives of the Laz in different periods of the history of Georgia and Abkhazia and ethnic minorities living on their territory. The life of the Laz was also influenced by the policy carried out in Georgia to implement the "crystallization of society", pursuing the formation of statehood with one ethnic community, one culture.

Introduction. The development of the problem itself in the scientific works of the author and other researchers is briefly stated. This is also a kind of reaction to complaints from the Laz themselves that the history of the ethnic minority is not being paid enough attention to. Little is known in the historiography of the Laz and their leaders, who led various kinds of movements for freedom and justice, the solution of social problems in society, the involvement of the Laz in party and state building. The content of punitive measures taken against Laz is partially revealed, the reasons and possibilities to overcome the built system in relations between the state and society, ethnic minorities are shown.

Methods. The content of the article is based on different research methods. First of all, the method of historicism, a sequential presentation of the series of events that characterize the content of historical events, their relationship with accompanying events. It is also important to use the prosopographic method of presenting material about the main political figure of the Laz, representatives of the highest authorities. By using the narrative method, the ethnic community of the Laz is more widely represented and its participation in solving many issues in national state policy, the interaction of the ethnic community itself in the system of interethnic ties. The use of the information method is of particular value for building up an event series. This method is also quite applicable to the analysis of national processes taking place in the region where the Laz live. In the presentation of the article, the method of comparative historical analysis was also applied.

Results. This article was based primarily on archival documents about the holes, identified in the archives of the Russian Academy of Sciences. This allowed a broader characterization of the Laz as an ethnic minority. Along with the well-known materials, show the settlement of Laz in the territory of the regions of residence. The documents of the archive make it possible to reveal the role and place of the Section for the Study of the National Question created in the structure of the Communist Academy. The forms and methods of work in the Communist Academy in the study of the history of the national question and ethnic minorities have been clarified.

Keywords: Laz, national minorities, Soviet construction, nation-building, migration, resettlement, deportation, Turkey, war

For citation: Bugay N.F. Ethnic minorities in the southern territories of the country: problems of the formation of Laz in the conditions of the Soviet period (1918–1950s) // *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol.13 No.1.P. 17-35. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-17-35

Введение

В последние годы в историографии сформировалось мнение об отсутствии публикаций по истории такой этнической общности как лазы, проживавшие на территории Грузии, Абхазии и подвергшиеся со стороны органов государственной власти репрессивной мере - принудительное переселение с территории пограничных регионов Союза ССР в места столь отдаленные.

Автор: Arnold Platon / Англия. Википедия
Author: Arnold Platon / England. Wikipedia

В то же время из истории этнической общности известно, что лазы выступали активными участниками общественно-политических преобразований в советском государстве в 1930–1940-е годы. Они были отмечены и в колхозном движении, и в проведении мер, связанных с национально-государственным строительством, формированием системы советов как органов народной власти, с партийной жизнью региона и национальным движением. Они известны и как защитники Родины в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Тем не менее существует множество разных оценок как грузинских, так и ученых других стран в отношении лазского движения. В этом плане свое слово сказали и некоторые известные западные ученые, занятые изучением истории народов Закавказья, в частности Суни (Syni), Мартин (Martin), Хирш (Hirsch) и другие. В науке имеются разные точки зрения по самым приоритетным вопросам истории этнической общности: коренизация государственного аппарата власти, проходившая в конце 1920-х и начале 1930-х годов; роль и место лазов в совет-

ском строительстве в условиях принудительного переселения народов, депортации, во взаимоотношениях с Турцией и др.

Следует отметить, что в данном случае зарубежными авторами не совсем точно определены характеристики этнических меньшинств. То они классифицируются как «малые народы», то, по их мнению, эти малочисленные этнические общности «представляли щекотливую проблему субэтнических групп, входящих в состав грузинского народа (лазы, мингрелы, аджарцы)». Они представлялись по-разному в трактовке многих «других политических точек зрения», относились в официальных государственных документах к «прочим народам».

Что касается расселения, то в конкретном случае провел большую исследовательскую работу по выявлению численных характеристик общности лазов исследователь Н.В. Багапш [2]. Опираясь на материалы местных республиканских архивов, автор внес уточнения в имеющиеся сведения о численности лазского населения в районах Грузии и Абхазии. Были внесены коррективы, в том числе и в данные самого лидера лазской интеллигенции И. Циташи [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.2. Л.22об. Из Стенограммы заседания Секции по изучению национального вопроса; 14], в подсчетах которого Н.В. Багапш обнаружил несоответствие реальному положению дел [19, с. 31].

Проводимой политикой коренизации применительно к этническим меньшинствам прежде всего определялась цель – достижение народами равенства, социально-экономического развития разных национальных районов, выявление особенности наращивания экономического потенциала, возрождение культуры народов, институционализация управления национальными процессами, формирование гражданской нации, трансформация ее в советскую нацию, анализ трудностей, возникавших в поэтапном решении задач, а затем и сущность мер по сворачиванию объявленного курса на коренизацию, что было открытым нарушением национальной политики.

Эта мысль находит аргументацию в исследованиях российских ученых, в частности в работах доктора политических наук Н.В. Михайловой. «В Конституции СССР 1936 г., Конституции РСФСР 1937 г., как и в конституциях других союзных республик, – замечает автор, – не было упоминания о национальных меньшинствах, о существовании в то время национальных районных и сельских советов, о политике “коренизации”» [15, с. 136].

Результаты

Так исторически сложилось, что лазы оказались на территории двух соседних государств – Союза ССР (Грузинская ССР) и Турции. Основной район поселения лазов приходится на Турцию. На 1916 г. в Сухумском округе проживали 956 граждан с мусульманским вероисповеданием, говоривших на языке южно-кавказской семьи [2].

По мнению Н.В. Багапша, они все принадлежали лазской общности.

Анализировались и данные переписи населения 1926 г., согласно которой на проживании оставалось только в Закавказской СФР в числе «прочего населе-

ния»: лазов – 41 чел., в сельской местности их было 598 чел.; сванов – 13 158 чел.; курдов – 52 173 человека [ЦГА КБР. Ф.236. Оп.1. Д.6. Л.159; Л. 26, 28 и др.]¹.

Н.В. Багапш констатирует, что 508 представителей лазской национальности были гражданами другой страны.

При этом они были расселены максимально как в Сухумском уезде (305 чел.), так и на территории, подведомственной Андреевскому сельскому совету (298 чел.) [2, с. 71].

В 1920-х годах в сел. Абхархук Гудаутского района проживали 58 лазских семей. Из всех лазов Грузии 137 человек свободно общались на родном языке. Никто не знал грузинского языка, остальные могли общаться на турецком языке.

В 1930 г. лазы проживали не только в сел. Абхархук, но и преимущественно в сел. Цара-Шбаара. К 1930 г. численность лазов составляла в Абхазии около 5 тыс. человек. Эти показатели были завышенными. В 1930 г. для лазов выделялась земля в Очамчирском районе, где было организовано колхозное хозяйство «Красный Лазистан». И уже в 1932 г., как сообщал И. Циташи, лазов значилось всего 2 тыс. человек [19, с. 31], то есть в численные характеристики лазов были внесены коррективы.

Лазы по-прежнему проживали главным образом в районах Турции и Грузинской ССР. В Турции сосредоточивалось до 90% лазского населения. Здесь лазы расселялись в основном в Северо-Восточной части страны, на Черноморском побережье. Здесь проживали также хемшины, общавшиеся также на лазском языке.

Компактно проживали лазы во второй половине 1930 г., как и в 1918 г., в деревне Сарпи (Аджария). В целом же среди населения Грузии лазы составили более 800 человек. Все были зарегистрированы как турки еще со времен Кемалю Ататюрка.

В феврале 1935 г. И. Циташи обращается с письмом на имя И. Сталина, в котором излагает информацию о положении общности лазов, отмечая при этом, что из числа лазов в 1921–1928 гг. выехали в Турцию 4,5 тыс. человек [РГАСПИ. Ф.667. Оп.1. Д.12. Л.80-90]².

Обращение способствовало тому, что Правительство Грузии обязано было заняться проблемой обустройства лазов. В этом же году руководство КП(б) Грузии пригласило И. Циташи на заседание бюро. Решением КП(б) Грузинской ССР была создана Комиссия по изучению положения лазов. И. Циташи обращался кон-

Рис: 1920-е годы. Искандер Т. Циташи (Циташвили), общественный деятель 1920s. Iskander T. Tshitashi (Tshitashvili), public figure

¹ Материал по представительству национальных меньшинств в Закавказской ФСР. революционный комитет Нагорного округа Терской области.

² И.Т. Циташи секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину о положении лазов в Грузии, 1935 г.

кретно по проблеме лазов в Коминтерн (1937 г.), к К. Махарадзе, Л. Берия, Г. Димитрову.

Следует заметить, что лазское население как в Грузии, так и в Турции не оставалось без внимания и Правительства Союза ССР. Дело в том, что в СССР сохранялась надежда на распространение идей пролетарской революции, в том числе в государствах Ближнего Востока. Если учитывать эту цель, то территория Лазистана (см. карту) могла бы быть исходной позицией для реализации этой благородной задачи. В целом же лазы воспринимались в СССР как отдельная нация.

Очевидно, что данные переписи 2014 г., как и предыдущие, надо принимать как условные. В Абхазии было учтено 128 современных граждан лазской национальности. И расселены они численностью от 1 до 38 человек в 18–20 селениях республики.

При этом представители лазской общины в Союзе ССР находились и в высших государственных органах советской власти. Одним из таких был советский писатель из лазов Мухамед Ванлиши, работавший в высшем органе власти министром Правительства Грузинской ССР (Аджария). Имеются сведения и о принадлежности к лазам Л.П. Берии. Именно на это указывал М. Ванлиши в письме на имя Л. Берии в 1944 г., то есть после выселения этнических общностей – турок-месхетинцев, курдов и хемшин. Известны эти события и применительно к лазской общине в период принудительного переселения с территории Грузинской ССР.

Лазы относятся к этническому меньшинству Союза ССР, в частности Грузии. Тем не менее, некоторые их представители, начиная с 1918 г., проживали и вне границ Грузии (кроме Турции).

Военный отряд лазов, Батуми, 1919 г.
Laz military detachment, Batumi, 1919

В связи с тем, что истории этнических меньшинств все-таки уделялось мало внимания, применительно к этнической общности существует еще немало вопросов, ожидающих своего решения в научном плане.

О том, что этническая общность в прошлом была постоянно в центре внимания, свидетельствуют изредка встречающиеся документы в архивохранилищах страны, которые, несомненно, важны для раскрытия некоторых аспектов истории меньшинств. Занимаясь изучением документов истории национальной политики в архиве Российской академии наук, автор изучил содержание фонда Управления Коммунистической академии (Ф.361).

В этот период были сделаны первые шаги в организации изучения вопросов национальной политики. Такая задача была поставлена перед Секцией по изучению национального вопроса, специально создававшейся в структуре Коммунистической академии – высшего учебного заведения и научно-исследовательского учреждения РСФСР и СССР. Многие стороны этой проблемы были обобщены в докладе в конце января 1929 г. зав. национальным сектором ЦК ВКП(б) С.М. Диманштейном¹.

Наряду с вопросом культурного строительства он определил и такие актуальные для изучения аспекты, как национальное государственное строительство и состояние народного образования среди этнических общностей, уделил внимание теме взаимоотношений между национальными республиками [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.5,6,7]. Однако в организационном порядке вопрос дальше не продвигался.

Из автономий Северного Кавказа в центре внимания выступала Дагестанская АССР, в которой остро стояла проблема сохранения многоязычия и особенно языков этнических меньшинств. По данным С. Диманштейна, на территории автономии в ту пору насчитывалось 36 различных языков, а именно 6 – основных народностей, а также 30 наречий [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.2. Л.5,6]. Огромное значение приобретало решение проблемы организации обучения на одном национальном языке. Эта задача становилась в системе обучения приоритетной.

Изучение этих процессов в Коммунистической академии становилось одним из самостоятельных направлений в осуществлении культурного строительства в автономиях. Шел период накопления опыта в решении подобных проблем и на других территориях многонационального Кавказа.

Определенные попытки, именно в этом плане, предпринимались в апреле 1929 г., на V Всегрузинском съезде Советов, на VI съезде Советов в 1931 г., а также на съездах советов, проходивших в Азербайджанской и Армянской республиках. Представителей этнических меньшинств вовлекали в активное участие в строительстве социалистического общества, хотя и на их долю выпало немало горя и страданий, порожденных в условиях функционирования персонифицирован-

¹ Диманштейн Семен Маркович, член Наркомнаца с 1918 г., редактор журнала «Жизнь национальностей». С 1924 г. – зав. национальным сектором ЦК ВКП(б), член Комитета содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР (Комитет Севера). С 1929 г. – зав. национальным сектором ЦК ВКП(б). См. подробно: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковеда. – Жертвы политических репрессий в советский период (1917–1991). СПб., 2003. 496 с.

ной власти и связанных с ужесточением уже во второй половине 1929-х годов власти сталинской административно-командной системы управления.

Автор статьи ранее в своих публикациях основное внимание уделял истории принудительных переселений на территории страны, в том числе и Закавказья, в систему которых вовлекались и лазы [2]. Таким образом, это касалось истории этнических меньшинств в основном после 1930-х годов.

Тем не менее, было бы целесообразным рассмотреть по мере возможности и события, связанные с жизнью лазов в Грузинской Республике, в советской Грузии с 1918 г. по начало 1930-х годов. Общее содержание вопросов, их направленность в этом плане были изложены в краткой форме представителем лазской интеллигенции Искандером Циташи (Циташвили). Это произошло 28 мая 1929 г. в ходе дискуссии по докладу «Национальные взаимоотношения в Грузии», представленному Комиссии по изучению национального вопроса, которая действовала при Коммунистической академии [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.22,22об.].

В своем выступлении И. Циташи изложил обстановку в 1918 г. в Грузинской Республике. Среди лазов наблюдался уклон в сторону группы, примкнувшей к тюркофильскому движению.

Однако изменение ситуации, связанной в том числе и с ликвидацией кулачества, а именно тех, у кого лазы служили в хозяйстве, потеря своей собственности, как и утрата своего языка, обостряли обстановку в регионах проживания лазов в Грузии. Проведением в жизнь тюркофильских идей, как замечал И. Циташи, занимались Паголидзе и Курдише. В период правления Грузией Н.Н. Жордания (с 24 июля 1918 г.) был сформирован Лазистанский комитет при Учредительном собрании республики. Комитет начал активную агитацию среди лазского населения за присоединение к Грузии [6, с. 19-54].

Был подготовлен меморандум, направленный в Лигу наций. Образовалась национальная партия, так называемое Лазистанское Учредительное собрание. Лазистанский комитет территориально действовал в Трапезунде.

Каким же образом воспринимались все эти начинания в Турции?

Особенно жестоким оказалось для этнических меньшинств время Османской империи. Как писал об этом профессор университета Западной Македонии Фотиадис, который представил в г. Анапе (Российская Федерация) выставку, посвященную исходу национальных меньшинств с территории Турции в первой четверти XIX в. Он сделал особый акцент на 1915 г., когда было подвергнуто полному истреблению армянское население. Излагая эти события, Фотиадис заметил, что в этот период уничтожались все, кто не подчинялся

Циташи Искандер Теймуразович (1904, г. Фындыклы, Османская империя – 22.VI.1938, г. Тбилиси). Лазский писатель, педагог, лингвист, переводчик и общественный деятель

Tsitashi Iskander Teimurazovich (1904, Fyndikli, Ottoman Empire – 22.VI.1938, Tbilisi). Lazsky is a writer, teacher, linguist, translator and public figure

отуречиванию: арабы, черкесы, лазы, кызылпашуды, езиды, алавиты, сирийцы-христиане, грузины [12].

Лозанская международная конференция, проходившая в 1923 г., не решила эту проблему¹.

Действия Комитета тут же пресекались любыми способами. Возникал вопрос, для кого Лазистан – для турок или лазов? Спустя некоторое время состав Лазистанского комитета был арестован, а комитет разгромлен.

Национальное движение ограничивалось районом территории Лазистана, заселенной лазами. Северная часть Лазистана была занята грузинскими войсками, где проводилась политика грузинского руководства. В связи с этим был разработан комплекс мер карательного свойства, в числе которых И. Циташи называет преследование лазского языка и открытие грузинских школ.

Члены Комитета один за другим покидали Лазистан, переходили на территорию Грузинской ССР. Последовало восстание в Лазистане, целью которого было изгнание с территории грузин.

В это же время, как замечал И. Циташи, лазы активно выступали против проводимой политики включения их в состав грузин и считали лучшим выходом согласиться стать тюрками. Возрастали внутренний протест, протестные настроения против грузин, сопровождавшиеся реальными действиями лазов. Они не направляли своих детей в школы с грузинским языком, а только в те школы, где преподавался и грузинский, и турецкий языки. Лазский язык отличался от грузинского и больше совпадал по содержанию с мингрельским языком.

Тем не менее грузинское правительство выдвинуло лазам ультиматум, основная мысль которого сводилась к следующему: «Вы живете на территории Грузинской республики, а поэтому будьте любезны и писать, и говорить на собраниях на грузинском языке» [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.22,22об.].

Одним словом, по отношению к лазам господствующим становилось открытое шовинистическое настроение. В Турции, как отмечалось в докладе, находилось до 200 тыс. лазов. Они, как считал И. Циташи (Циташвили), и «являлись по большей части культурным ядром турецкой интеллигенции среди населения. Они выступали проводниками революционного движения, а также в активной форме против грузинизации лазского населения» [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.22,22об.].

В противовес притеснительной политике со стороны грузин была высказана идея о создании лазско-мингрельской автономии [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.22об.].

Эти особенности развития событий в среде лазов сохранены в стенограмме заседания Секции от 10 июня 1929 г.

В Комиссии по изучению национального вопроса Комакадемии 28 мая 1929 г. проблема рассматривалась в более широком плане уже на примере союзной многонациональной республики Грузия [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.5]. В данном случае поле деятельности принимало заметно расширенный характер. Это

¹ Лозанская международная конференция по урегулированию положения на Ближнем Востоке после провала иностранной военной интервенции в Турции и победы «Кемалистской революции». Созывалась по инициативе Великобритании, Франции и Италии. В работе конференции также участвовали представители от Греции, Японии, Королевства сербов, хорватов.

обуславливалось и тем, что на территории республики расселялись представители 36 этнических общностей: грузины, армяне, турки, русские. Остальные в отчетных документах, содержащих количественные характеристики этнических общностей, значились под грифом «прочие».

В Аджарии главным образом значились отуреченные грузины и грузинские евреи. При этом отмечалось, что в составе городского населения значилось: армян – 21%, грузин – 8,3% [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.6,7]. Вероятно, не случайно с этим вопросом возникает, как отмечалось еще в середине 1920-х годов, и вопрос об уменьшении армянского населения в городах Грузии, в первую очередь в Тбилиси.

Ученые, занятые в названной секции, понимали, насколько важно в условиях того времени значение кадрового вопроса. Поэтому велась работа и в этом направлении, многие материалы которого в конце февраля 1930 г. были обобщены и транслированы в докладе «Проблема национальных кадров в период создания республик» (А. Амосов) [А РАН. Ф.361. Оп.2. Д.1. Л.1-40].

По мере знакомства с публикациями современных ученых Грузии и Абхазии, а также с материалами грузино-немецкого проекта «Сталинские массовые репрессии грузин. 1937–1938 гг. Перспектива грузино-кавказской периферии» создается впечатление, что авторы как бы соревнуются друг с другом, каким образом более точно воссоздать портрет представителя лазской интеллигенции – Искандера Циташи (Циташвили, он же Алексей Цветков).

В чем же проявляется недовольство ученых грузино-немецкого проекта по отношению к И. Циташи? Некоторые из претензий просто вызывают недоумение, в первую очередь заключающиеся в том, что он обращался в разные инстанции с вопросами об улучшении материального положения своего народа, о его консолидации, о компактном проживании и пр. Вероятно, готовившие проект не знакомы с русской пословицей: «Под лежащий камень вода не течет». Это право остается и за ученым, и политиком – использовать все возможные формы организации своей деятельности. Важен итог. Это не дает повода приклеивать ярлыки И. Циташи – «типичный графоман, рассылавший письма во всевозможные органы власти и учреждения».

Необходимо уточнить. Письма и обращения он направлял главным образом партийным функционерам, руководителям государства, известным международным деятелям (Димитров и др.). Он действовал в жестких рамках того времени (вторая половина 1930-х годов), в условиях бесконечных репрессий, притеснений, строгого контроля. Естественно, был острожен. Но его письма содержательны, имели ясный посыл и подчинены общей цели – улучшению жизни лазов. Итог работы был малопродуктивным в тех условиях (лазов всех принудительно переселили), но и его судьба свидетельствует о многом – расстрел¹.

И. Циташи выступал последовательным приверженцем передовых по тому времени идей, не меняя своих оценок по вопросу о предпринимаемых мерах, выражая этим и позицию представителей лазской общности как в Грузии, так и Абхазии. Они отвечали своему лидеру тем же.

¹ До ареста И.Т. Циташи являлся руководителем сектора Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Осужден 21 июня 1938 г.

Политические лозунги сводились к следующим: выступление лазов против включения их в состав грузинского населения, грузинской нации; выделение, таким образом, в отдельную этническую группу, что, естественно, ускоряло бы ее и национальное развитие, и культурное возрождение; защита своей лазской самобытной культуры; создание автономии лазского народа.

Этой последовательностью отличались действия лазов и в советский период. И. Циташи отстаивал замену дисперсного проживания лазов в Грузинской ССР и выступал за их компактное расселение; поддерживал участие лазов в военной защите завоеваний в абхазском движении; ратовал за консолидацию сил этнической общности вокруг абхазского движения и его лидеров; был сторонником выступлений с целью защиты родного лазского языка, в связи с чем И. Циташи занимался и практической работой – разработкой алфавита лазского языка, созданием учебника.

По нашему мнению, в определенной мере затрагивает этот период истории в своей научной статье и к.г.н. Н.В. Багапш [2, с. 26-78].

Автор обратил основное внимание на созидательную деятельность И. Циташи. Опираясь на просопографический метод исследования, он раскрывает условия, в которых приходилось работать И. Циташи, способ применения им действий. Автор также воссоздает сам процесс формирования Циташи как политической личности, лидера этнической общности. Усилия были направлены на улучшение материального положения общности лазов, создание газеты на родном языке, и сам же Циташи участвовал в ее организации. Вскоре появилась первая в мире газета на лазском языке «Красная звезда», которая издавалась в Сухуми с 1929 по 1938 г.

Он выступал с предложением об улучшении дел в производственном секторе (рыбное хозяйство, табаководство и пр.). Лазы имели навыки ведения хозяйства, это было в основном аграрное население. Многие из них в Грузии (Абхазии, Мингрелии) работали в хозяйствах кулаков.

Весной 1938 г. греческому населению Грузии, в основном крестьянскому (более 800 семей), пришлось из-за строительства Храмской ГЭС покинуть территорию республики и переселяться в Орджоникидзевский (122 семьи) и Краснодарский (678 семей) края. Руководство краев занималось путем переговоров с колхозами предоставлением земельных наделов для греков. Благодаря этому случаю Грузия освободилась от греков, хотя в Абхазии они еще оставались.

Спустя год, греки будут также принудительно выселены с названных территорий. Аналогичным образом развивалась ситуация на Кавказе и в среде других этнических меньшинств (лазы, частично сваны, чехи, немцы, цыгане, представители отдельных этнических общностей Дагестанской АССР).

В 1944 г. в связи с выселением с территории Грузии представителей турок-месхетинцев, курдов и хемшинов (более 100 тыс. человек) к «неблагонадежным» была причислена и общность лазов, особенно лазов-граждан с турецкими фамилиями (в общей массе около 200 человек). Они наряду со всеми переселялись в Киргизскую ССР и Узбекскую ССР.

В связи с этим член Правительства Аджарской АССР, министр, писатель, по национальности лаз Мухамед Ванлиши обратился с письмом к Л.П. Берии, в котором подробно объяснил ситуацию с возникшим «лазским вопросом». Л. Берия ознакомился с содержанием послания М. Ванлиши и принял решение о

возвращении лазов из спецпоселения, одновременно дал команду соответствующим структурам ведомства от 18 июня 1945 г. с указанием: «Разыскать всех»¹.

Указание было исполнено, хотя, как показало развитие событий, это потребовало немалых усилий, связанных с поиском лазов, проработкой мер по их розыску и обратной отправке в Грузинскую ССР. Лазы, выселенные из таких селений Батумского района, как Кокрак, Махинджара, Агара и других, проживали в Ошской, Джамбульской областях (Киргизия), Бухарской области (Узбекская ССР).

Судя по всему, всех разыскать одновременно не удавалось. Проверка всех остававшихся спецпереселенцев, проводимая в 1952 г., констатировала, что в Киргизской ССР проживает 35 лазов [ГА РФ. Ф.9479 Оп.1. Д. 646. Л.13]. Правда, это уже могли быть и лазы, принадлежавшие к контингенту спецпереселенцев 1949, 1951 гг.

В 1949 г. затронуты операцией по принудительному переселению были и некоторые лазы, оставшиеся с турецкими паспортами. Об этих событиях довольно обстоятельно было изложено в письме в Верховный Совет Российской Федерации лазкой М.М. Дурсунши, проживавшей в г. Очамчири (Аджария) [4, с. 209-210].

В связи с этим практика подсказывает, что далеко не всегда получается так, как это предписывается некоторым нормативно-правовыми актами, в том числе в условиях современности. Так, специалист по праву Т.Я. Хабриева, анализируя взаимоотношение между индивидуальными правами и правами коллектива людей, утверждает, что «через индивидуальное право реализуется этническая свобода личности. Посредством прав коллектива обеспечиваются специфические интересы общностей» [18, с. 264].

К сожалению, даже практика работы современных институтов власти гражданского общества (НКА, НОО и др.) показывает, что это далеко не так. На территории России это наглядно продемонстрировали своим положением турки-месхетинцы, курды, крымские татары, болгары, греки и многие другие этнические общности.

Но история свидетельствует также и о том, что некоторым национальным меньшинствам в проводимых мерах по принудительному переселению в 1930–1940-е годы удалось все же воспользоваться возможностями индивидуального и коллективного права, имея в центральных государственных органах власти своих представителей, в частности от таких общностей, как лазы Грузии, караимы Крымской АССР, с которых был снят статус спецпоселенцев. Это было сделано в первую очередь благодаря влиянию их представителей в высших органах власти или же тесно связанных с той или иной этнической общностью, или отстаивавших справедливость советского законодательства применительно той или иной этнической общности (глава НКВД Крымской АССР В. Сергиенко).

В современных условиях на эту особенность обратил внимание в своих исследованиях и Б.М. Сейнаров (Ингушская Республика). Он также не сбрасывал со счетов этот фактор. В целом основной вывод автора сводился к «восстановлению исторической справедливости, возврату всех отторгнутых антиконституционным путем территорий, населенных пунктов, включая правобережную часть города

¹ Полный текст письма см.: *Бугай Н.Ф.* Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. Очерки. М.: Гриф, 2014. С. 199-200.

Владикавказ». Создание ингушской государственности оценивалось как сложная задача. В связи с этим звучал призыв: «Решить ее необходимо без насилия, демократическим, парламентским путем» [16, с. 40].

Однако, по нашему мнению, дискуссионный характер носит изложение Б.М. Сейнароевым вопроса о создании государственности ингушского народа. Убежденная ингушская интеллигенция, замечает он, полагала, что в условиях ингушской государственности во главе с ингушом по национальности Пригородный район «не стал бы предметом торгов с коварным руководством Северной Осетии, не был бы с такой легкостью отдан, как это произошло при восстановлении Чечено-Ингушской АССР в 1957 году» [17, с. 113].

В данном случае возникает необходимость учета тех реалий, в каких решалась эта проблема. Вряд ли волновал этот вопрос в тех условиях проводимых мер по возвращению спецпереселенцев. А потом вместо этой территории Чечено-Ингушской АССР передавались три административных района (земельный массив в 5 тыс. кв. км). Тогда голос ингушей вообще не был бы услышан, так как субъектом права выступала Чечено-Ингушская АССР. В связи с этим вряд ли можно согласиться с часто применяемым автором утверждением «аннексии со стороны Северо-Осетинской АССР». Дело в том, что по этому поводу работала Государственная комиссия СССР, и ею выработывались соответствующие выводы, которые и становились основой принимаемых управленческих решений.

Вызывает определенное недоразумение и вывод авторов грузино-немецкого научного проекта «Сталинские массовые репрессии грузин. 1937–1938 гг. Перспектива грузино-кавказской периферии» о том, что не зависимо от того, кто будет месхетинцем (турком-месхетинцем. – Н.Б.), хемшином или лазом, «они стремились из мест переселения к возвращению на старую родину, настоятельно требовали отказа от собственной идентичности».

Анализ поведения названных этнических общностей в местах переселений не подтверждает подобный вывод. Те же лазы, даже в условиях возвращения на территорию Абхазии в 1950-е годы, оставались лазами, но стремились к консолидации с абхазами. Оставаясь лазами, сохраняли свой язык, свою самобытную культуру. Высоким доверием пользовались трудолюбивые турки-месхетинцы в тех регионах, куда их принудительно расселяли. Этот вывод в полной мере транслируется применительно и к лазам, и курдам [16].

Требуется определенной детализации и следующее утверждение авторов проекта, которое сводится к тому, что якобы хемшины, проживавшие в Абхазии в 1944 г., еще не были принудительно переселены, то же касается и лазского населения в Абхазии. Относительно переселения лазов в 1949, 1951 гг., констатируют авторы грузино-немецкого проекта, с грузинской стороны все еще нет публикаций [1; 13; 8; 7; 10; 21; 5; 3; 6; 4].

И следующий посыл авторов проекта: из сообщения лаза М. Ванлиши мы узнаем, что ответственность за депортацию нес Л. Берия. И в связи с этим авторы утверждают, что «московское руководство было инициатором депортации».

В конкретном случае необходимо было бы познакомиться с существующими в российской историографии исследованиями в этом направлении и с учетом уже известного делать выводы, в противном случае оценки авторов зависят, будучи не подтверждены историческими источниками.

Вряд ли можно согласиться и с мнением авторов проекта о том, что применительно к Грузии московское руководство было «инициатором депортации народов». Меры принимались исключительно с учетом мнения представителей местного руководства республик. Об этом свидетельствуют служебные записки местных, республиканских партийных и советских органов власти. Так было в автономиях Северного Кавказа и в союзных республиках.

24 июля 1944 г. Л. Берия в письме на имя И. Сталина изложил свои доводы в отношении переселения из Грузинской ССР, отметив при этом, что им «уже мероприятия согласованы с ЦК КП (б) Грузии и СНК Грузинской ССР» [4, с. 130-140].

Подобным образом эти мероприятия осуществлялись и применительно к другим союзным республикам.

Разумеется, Правительство Грузии во все времена проводило политику «кристаллизации» грузинского общества, создания территории с единым народом и культурой, то есть отстаивание политики ирредентизма не могло поддерживать эти идеи и всячески тормозило любые преобразования в этом плане, в связи с чем предлагаемые меры оставались без поддержки со стороны местных властей. Поэтому, как показало дальнейшее развитие событий, на практике прибегали к репрессивным действиям, направленным против лазов.

Выводы

В 1930-е – начале 1940-х годов уделялось внимание решению таких проблем, как вовлечение лазов в процесс советского строительства, возрождение самобытной культуры лазов в рамках регионов проживания. Несомненно, эти меры требовали огромных усилий, высокого уровня консолидации лазского общества, в частности в Абхазии. И. Циташи постоянно придерживался этих ориентиров и поставленной цели.

Кстати, такой подход содействовал формированию самосознания и национального сознания в среде общности, что и подтверждалось практикой: когда лазы были возвращены со спецпоселения в 1950-е годы, они были также сориентированы на абхазов.

Однозначно ощущалась потребность во фронтальном изучении истории этнических общностей юга страны. Начало всестороннему изучению национальной политики в государстве, межэтнических отношений было положено во второй половине 1930-х годов. Эта задача возлагалась и на Институт истории АН СССР, в структуре которого был сформирован Научный кабинет истории народов СССР. Его как раз и возглавил репрессированный профессор Н.Н. Ванаг. Затем эту должность он «уступил» профессору С.К. Бушуеву [А РАН. Ф.1577. Оп.5. Д.20. Л.4,5; 11].

Судя по всему, в Грузии отводилась определенная роль и лазскому населению. В документах Коммунистической академии содержится доклад, посвященный именно лазам. С ним выступал на названной секции лидер лазов И. Циташи.

В конкретном случае должна быть дана беспристрастная оценка всей ситуации и людей, занятых в политике. Нельзя не согласиться с подобным заключением: «Восстановление прошлого без прикрас, – пишет по этому поводу исследователь проблемы Г. Майсурадзе, – и его осмысление, как бы оно не было болезненно, принесет результат, только во благо, как для критического

осмысления советского прошлого, так и для преодоления наследованных от него проблем» [21, с. 201].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов. Х1Х–ХХ вв. – Сухуми, 2010.
2. Багапш Н.В. Лазское население Абхазии в ХХ – начале ХХ1 в.: демографическая ситуация и особенности географии расселения // URL: http://apsnyteka.org/file/Bagapsh_N_Lazskoe_naselenie_Abkhazii_2019.pdf (дата обращения: 27.07.2020).
3. Бугай Н.Ф. Депортация этнических общностей Грузии в 1940-е годы ХХ в. // Россия – Грузия: Альтернатива конфронтации – созидание. Проблемы истории российско-грузинских отношений Х1Х–ХХ1 вв. – М., 2011. – С. 196-256.
4. Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. Очерки. – М.: Гриф. 2014. – С. 209-210.
5. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». – М.: Гриф, 2011. – 510 с. С. 208.
6. Бугай Н.Ф. Лазы известные и неизвестные // Кавказские научные записки. – 2011. – № 3 (8). – С. 49-54 / URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/12/02/lazy-izvestnye-i-neizvestnye.html> (дата обращения: 25.07.2020).
7. Бугай Н.Ф. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши – М.: Капъ, 1994. – 184 с.
8. Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. – М., 1994.
9. Бугай Н.Ф., Бушуева Т.С. Семен Кузьмич Бушуев – «ориентир исторической науки». 1930–1950-е годы. – М., 2020. – 535 с.
10. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ. Народы в эшелонах. – М.: ИНСАН, 1998. – 368 с.
11. Бушуев С.К. О работе научного кабинета истории народов СССР при Институте истории Академии наук СССР // Историк-марксист. Кн. 3. – 1936. – С. 116-118.
12. Из дневниковых записей автора, посетившего названную выставку в музее г. Анапы.
13. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо переселить...». – М.: Дружба народов, 1992. – 164 с.
14. Лурье П.М., Панов В.Д. Гидрометеорологическая служба Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / URL: <http://www.meteor.ru/about/history/memories/9328/> (дата обращения: 26.05.2019).
15. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России: Дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2012. – С. 136.
16. Международный проект «Память во имя будущего». Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 годах: общность истории (интервью с пострадавшими от депортации в Казахстан). Ред. Б. Ракишевой. – Алматы, 2013.
17. Сейнароев Б.М. На трудовом пути создания Ингушской Республики. Записки председателя Оргкомитета по возвращению Ингушской Республики. – М.: Весь мир, 2012. – С. 40.
18. Хабриева Т.Я. Национально-культурные автономии в Российской Федерации. – М., 2003. – С. 264.
19. Циташи И.Т. Лазский язык // Литературная энциклопедия. – М., 1932. – С. 31.

20. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. – М.: РОССПЭН, 2009.
21. Юнге М., Бонвеч Б., Мюллер Д. Грузия в пути. Тени сталинизма. – М.: АИРО – XX1 век., 2017. В 2 т. – 512 с. С. 191 / URL: <http://iarir.ru/sites/default/files/attachment/gr.pdf> (дата обращения: 25.07.2020).

REFERENCES

1. Achugba T.A. Etnicheskaya istoriya abkhazov. KH1KH–KHKH vv. Sukhumi, 2010. (In Russ)
2. Bagapsh N.V. The Laz population of Abkhazia in the 20th - early 21st centuries: the demographic situation and peculiarities of the geography of settlement [Lazskoye naseleniye Abkhazii v KHKH – nachale KHKH1 vv.: demograficheskaya situatsiya i osobennosti geografii rasseleniya]. [Etnicheskaya istoriya abkhazov. KH1KH–KHKH vv // URL: http://apsnyteka.org/file/Bagapsh_N_Lazskoe_naselenie_Abkhazii_2019.pdf (date of access: July 27, 2020). (In Russ)
3. Bugay N.F. Deportation of ethnic communities in Georgia in the 1940s [Deportatsiya etnicheskikh obshchnostey Gruzii v 1940-ye gody KHKH v. // Rossiya – Gruzija: Al'ternativa konfrontatsii – sozidaniye. Problemy istorii rossiysko-gruzinskih otnosheniy XIX–XXI vv]. // Russia-Georgia: An alternative to confrontation is creation. Problems of the history of Russian-Georgian relations in the 19th–21st centuries. M., 2011. P. 196-256. (In Russ)
4. Bugay N.F. Caucasus. Ethnic minorities: past and present. Essays. [Etnicheskiye men'shinstva: proshloye i nastoyashcheye. Ocherki]. M.: Grif. 2014. P. 209–210. (In Russ)
5. Bugay N.F. L. Beria - I. Stalin: "After your instructions, the following was carried out ..." [L. Beriya – I. Stalinu: «Posle Vashikh ukazaniy provedeno sleduyushcheye...» Moscow: Grif, 2011. 510 p. P. 208. (In Russ)
6. Bugay N.F. Lazy known and unknown [Lazy izvestnyye i neizvestnyye] // Caucasian scientific notes. 2011. No. 3 (8). P. 49-54. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/12/02/lazy-izvestnye-i-neizvestnye.html> (date accessed: July 25, 2020). (In Russ)
7. Bugai N.F. Repressed peoples of Russia: Chechens and Ingush [Repressirovannyye narody Rossii: chechentsy i ingushi] M.: Kap, 1994; 184 p.
8. Bugay N.F., Broev T.M., Broev R.M. Soviet Kurds: Time for Change. [Repressirovannyye narody Rossii: chechentsy i ingushi]. M., 1994. In Russ
9. Bugai N.F., Bushueva T.S. Semyon Kuzmich Bushuev – "a landmark of historical science" 1930–1950s. [Semen Kuz'mich Bushuyev – «oriyentir istoricheskoy nauki». 1930 –1950-ye gody]]. M., 2020. 535 p. In Russ
10. Bugay N.F., Gonov A.M. Caucasus. Peoples in echelons. [Kavkaz. Narody v eshelonakh]. M.: INSAN, 1998. 368 p. In Russ
11. Bushuev S.K. On the work of the scientific office of the history of the peoples of the USSR at the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR [Bushuyev S.K. O rabote nauchnogo kabineta istorii narodov SSSR pri Institute istorii Akademii nauk SSSR]. Historian-Marxist. Book. 3.1936, pp. 116-118. In Russ

12. From the diary entries of the author who visited the named exhibition from the museum of Anapa.
13. Joseph Stalin – Lavrenty Beria: "They need to be resettled ..." [Iosif Stalin – Lavrentiyu Beriya: «Ikh nado pereselit'...»]. M.: Druzhba narodov, 1992.164 p. In Russ
14. Lurie P.M., Panov V.D. Hydrometeorological Service of the North Caucasus during the Great Patriotic War [Gidrometeorologicheskaya sluzhba Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny]. URL: <http://www.meteorf.ru/about/history/memories/9328/> (date of access: May 26, 2019). In Russ
15. Mikhailova N.V. Conceptual evolution of national and federal politics in Russia. Dissertation ... Ph.D. [Kontseptual'naya evolyutsiya natsional'noy i federativnoy politiki v Rossii. Dis. ... d.p.n]. M., 2012. P. 136. In Russ
16. International project "Memory for the Future". Deportation of peoples to Kazakhstan in 1930 – 1950: common history (interviews with victims of deportation to Kazakhstan). Ed. B. Rakisheva. . [Mezhdunarodnyy proyekt «Pamyat' vo imya budushchego». Deportatsiya narodov v Kazakhstan v 1930 – 1950 godakh: obshchnost' istorii (interv'y u s postradavshimi ot deportatsii v Kazakhstan). Red. B. Rakishevoy]. Almaty, 2013. In Russ
17. Seinaroev B.M. On the labor path of creating the Ingush Republic. Notes of the Chairman of the Organizing Committee for the return of the Ingush Republic. [Na trudovom puti sozdaniya Ingushskoy Respubliki. Zapiski predsedatelya Orgkomiteta po vozvrashcheniyu Ingushskoy Respubliki]. M.: Ves mir, 2012. p. 40 In Russ
18. Khabrieva T Ya. National-cultural autonomies in the Russian Federation. [Natsional'no-kul'turnyye avtonomii v Rossiyskoy Federatsii]. M., 2003.P. 264. In Russ
19. Tsitashi I.T. Laz language [Tsitashi I.T. Lazskiy yazyk]. Literary encyclopedia. M., 1932. P. 31. In Russ
20. Central Committee of the CPSU (b) and the national question. Book. 2.1933–1945. Comp. L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Horny, J. Cadio. [TSK VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 2. 1933 – 1945. Sost. L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya, Dzh. Kadio]. M.: ROSSPEN, 2009. In Russ
21. Junge M., Bonwetsch B., Mueller D. Georgia on the way. Shadows of Stalinism. M.: AIRO – XXI century., 2017. In 2 v. 512 p. P. 191 [Gruziya v puti. Teni stalinizma] 2017. V 2 t. 512 p. P. 191] / URL: <http://iarir.ru/sites/default/files/attachment/gr.pdf> (date accessed: 25 July 2020). In Russ

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
г. Москва, Россия
ORCID id: 0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Bugay Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Advisor of the Russian Federation, Class III
Moscow, Russia
ORCID id: 0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 12.02.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 23.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Социальная структура, социальные институты и процессы *Social Structure, Social Institutions and Processes*

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-36-51

УДК 316.422.42

ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ТУРИЗМА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА 2020

ЕФРЕМОВА Дарья Владимировна

Поволжский государственный технологический университет

Йошкар-Ола, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-2354-8023>

e-mail: EfremovaDV@volgatech.net

Аннотация: Пандемия COVID-19 2019–2020 гг. может изменить социальный институт туризма, а также контекст, в котором он действует. Этот глобальный кризис, в результате которого путешествия, туризм, гостеприимство и мероприятия были прекращены во многих частях мира, предоставляет удобный случай раскрыть возможности данного института в этот исторический преобразующий момент. Необходимый туристический анализ этих событий вкратце раскрывает способы, которыми туризм поддерживает неолиберальную несправедливость и эксплуатацию. Кризис пандемии коронавируса может предложить редкую и бесценную возможность переосмыслить и преобразовать институт туризма в направлении лучшего пути в будущем. Теоретически такой подход включает в себя способ «социализации» туризма за счет его превращения в общественное благо. Это важно для того, чтобы туризм отвечал социальным и экологическим нормам планеты.

Результаты исследования. Важность данного исследования представлена в виде рассмотрения перспектив изменений социального института туризма в обществе потребления, ориентации данного института на общество, а не на компании и получение прибыли. Пандемия 2020 предоставила возможность «социализировать» институт туризма в целях обеспечения стабильности.

Ключевые слова: COVID-19, социальный институт, общество потребления, ответственный туризм, необходимый туризм, социальный туризм, социальная справедливость, общественный туризм, круизная индустрия

Для цитирования: Ефремова Д.В. Трансформации института туризма в обществе потребления на фоне пандемии коронавируса 2020. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 36-51

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-36-51

Original article

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF TOURISM IN THE CONSUMER SOCIETY IN THE BACKGROUND OF THE COVID-19 2020

D.V. EFREMOVA

Volga State University of Technology,
Yoshkar-Ola, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-2354-8023>

e-mail: EfremovaDV@volgatech.net

Abstract: The COVID-19 pandemic of 2019–2020 has the potential to transform the tourism industry as well as the context in which it operates. This global crisis in which travel, tourism, hospitality and events have been shut down in many parts of the world, provides an opportunity to uncover the possibilities in this historic transformative moment. A critical tourism analysis of these events briefly uncovers the ways in which tourism has supported neoliberal injustices and exploitation. The COVID-19 pandemic crisis may offer a rare and invaluable opportunity to rethink and reset tourism toward a better pathway for the future. ‘Responsible’ approaches to tourism alone, however, will not offer sufficient capacity to enable such a reset. Instead, such a vision requires a community-centred tourism framework that redefines and reorients tourism based on the rights and interests of local communities and local peoples. Theoretically, such an approach includes a way tourism could be ‘socialised’ by being recentred on the public good. This is essential for tourism to be made accountable to social and ecological limits of the planet.

Keywords: COVID-19, social institution, consumer society, responsible tourism, critical tourism, social tourism, social justice, public good tourism, cruiseship industry

For citation: Efremova D.V. Transformation of the institute of tourism in the consumer society in the background of the COVID-19 2020. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 36-51 . (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-36-51

Введение

Появление COVID-19 можно рассматривать как переломный момент. С точки зрения туризма случилось немыслимое. В то время как раньше отрасль боролась с проблемами избыточного туризма, мы внезапно переместились в кризис данного сектора. Это связано с тем, что секторы туризма, гостеприимства и мероприятий были парализованы действиями правительства по ограничению и контролю пандемии. Границы были закрыты, поездки запрещены, общественная деятельность сокращена, а людям рекомендовано оставаться в своих домах. Пред-

принимая эти действия, правительства всего мира пытаются найти баланс между сохранением своей экономики и предотвращением опасных уровней безработицы и ограничений, одновременно пытаясь отреагировать на серьезные требования общественного здравоохранения, которые необходимы для предотвращения кризиса систем здравоохранения и массовых смертей. В таких сложных обстоятельствах ясно, что одна эпоха данного социального института проходит, но еще слишком рано говорить о том, что другая появится. В мире, где растущее неравенство привело к появлению огромного числа уязвимых групп населения, очевидно, что пандемия коронавируса и действия по борьбе с ее распространением непропорционально и смертельно влияют на эти уязвимые сообщества.

Хотя может показаться, что проблемы института туризма имеют второстепенное значение в разгар такого глобального кризиса, это не обязательно может быть правдой из-за значительной роли, которую сейчас институт туризма играет в плане экономического роста и развития многих стран. Международный и внутренний туризм были фактически закрыты как несчастные жертвы кризиса. Всемирная туристская организация (ВТО, 2020) заявила, что их сектор «больше всего пострадал от кризиса», и предложила программу восстановления. Растущая безработица, экономический ущерб и нестабильность, а также беспрецедентные масштабы государственного вмешательства по преодолению экономического кризиса – все это указывает на то, что путешествия, туризм и гостеприимство являются основой экономики многих стран мира.

Туризм и связанные с ним отрасли ранее уже пережили многочисленные кризисы, включая цунами 2005 г. в регионе Индийского океана, последствия террористических атак 11 сентября 2001 г. в США и предыдущие пандемии, такие как кризис свиного гриппа 2009 г. На основе этого опыта были разработаны наборы инструментов для управления рисками, снижения рисков и восстановления после кризисов, а в последнее время уделяется внимание устойчивости данного института. Однако пандемия COVID-19 имеет гораздо больший размах, чем предыдущие кризисы, из-за ее глобального масштаба и повсеместного прекращения поездок, бизнеса и жизнедеятельности.

Вполне предсказуемо, что такие отрасли, как туризм, будут стремиться вернуться к бизнесу как обычно, а также к доле государственных стимулирований и мер воздействия.

Несмотря на такие усилия, чтобы как можно скорее вернуться к «обычному бизнесу», некоторые определили это как трансформационный момент, открывающий возможности для перезагрузки института туризма. Всемирная туристская организация опирается на это заявление:

- Туризм имеет потенциал, чтобы восстановить и вновь зарекомендовать себя в качестве ключевой и более стабильной части национальной экономики в области устойчивого развития.
- Этот кризис также может предложить уникальную возможность сформировать сектор, чтобы обеспечить не только его общий рост, но и лучший рост с уделением первоочередного внимания инклюзивности, устойчивости и ответственности. Более того, чтобы строить будущее, особое внимание следует уделять повышению устойчивости и продвигать устойчивость на всех уровнях.

Весьма важно осознавать цели данного заявления со стороны отрасли, которая сопротивлялась существенным изменениям, несмотря на широко распространенную критику и даже протесты и беспорядки. В этой статье говорится о проблеме института туризма в неолиберальном контексте и предлагается тематическое исследование сектора круизного туризма, чтобы проиллюстрировать, что это приводит к экологической и социальной несправедливости. Можно предположить, что кризис дает возможность перезагрузить институт туризма, и в этой статье раскрываются неоправданные обещания «ответственных» туристических решений. Вместо этого эта работа основана на недавнем анализе переосмысления и переориентации института туризма и предлагает новые идеи для переосмысления туризма путем его «социализации». Такие усилия важны в данный момент, когда возможности для преобразующих изменений становятся реальными из-за того, что пандемия подрывает обычный бизнес [1, с. 75-82].

Процессы становления туризма как социального института всегда имеют национальную специфику, отражающую особенности развития социальных отношений в конкретном обществе. Вырабатываемая сегодня стратегия развития туризма в рамках мирового сообщества отражает сложившиеся в последнее время закономерности и противоречия в глобализирующемся экономическом, политическом, культурном, социальном пространствах. Поэтому одной из стратегических целей таких организаций, как Всемирная туристская организация (ВТО), является выработка рекомендаций по преодолению национальными институтами туризма возникающих сложностей и неравномерностей развития, помощи в создании необходимых институциональных основ на базе накопленного в мировой практике опыта, имеющихся организационных возможностей и общепризнанных стандартов.

Туризм, рассматриваемый в качестве социального института, имеет устойчивые типы и формы социальной деятельности, социально-ценностное ядро, внутреннюю структуру и систему взаимодействий своих элементов, многообразие и динамичность социальных функций в обществе, и это позволяет ему занимать самостоятельное место в социальной системе, обеспечивая устойчивость целой области социальных связей и отношений [2, с. 55].

В виде схемы представлена социально-институциональная основа современного туризма (Рисунок 1). Она представляет собой двухуровневую модель процесса институционализации туризма, в которой определяющую роль играют личностные интересы, ценности, потребности, цели. Первый уровень, личностный, или социально-субъектный, дает представление о механизме формирования устойчивых форм организации и проведения путешествий на основании группирования интересов личности по видам туристических потребностей. Второй уровень раскрывает содержание базовых элементов туризма как социального института, который основан на специфических видах и типах социальных отношений, действий, ценностно-нормативной базе.

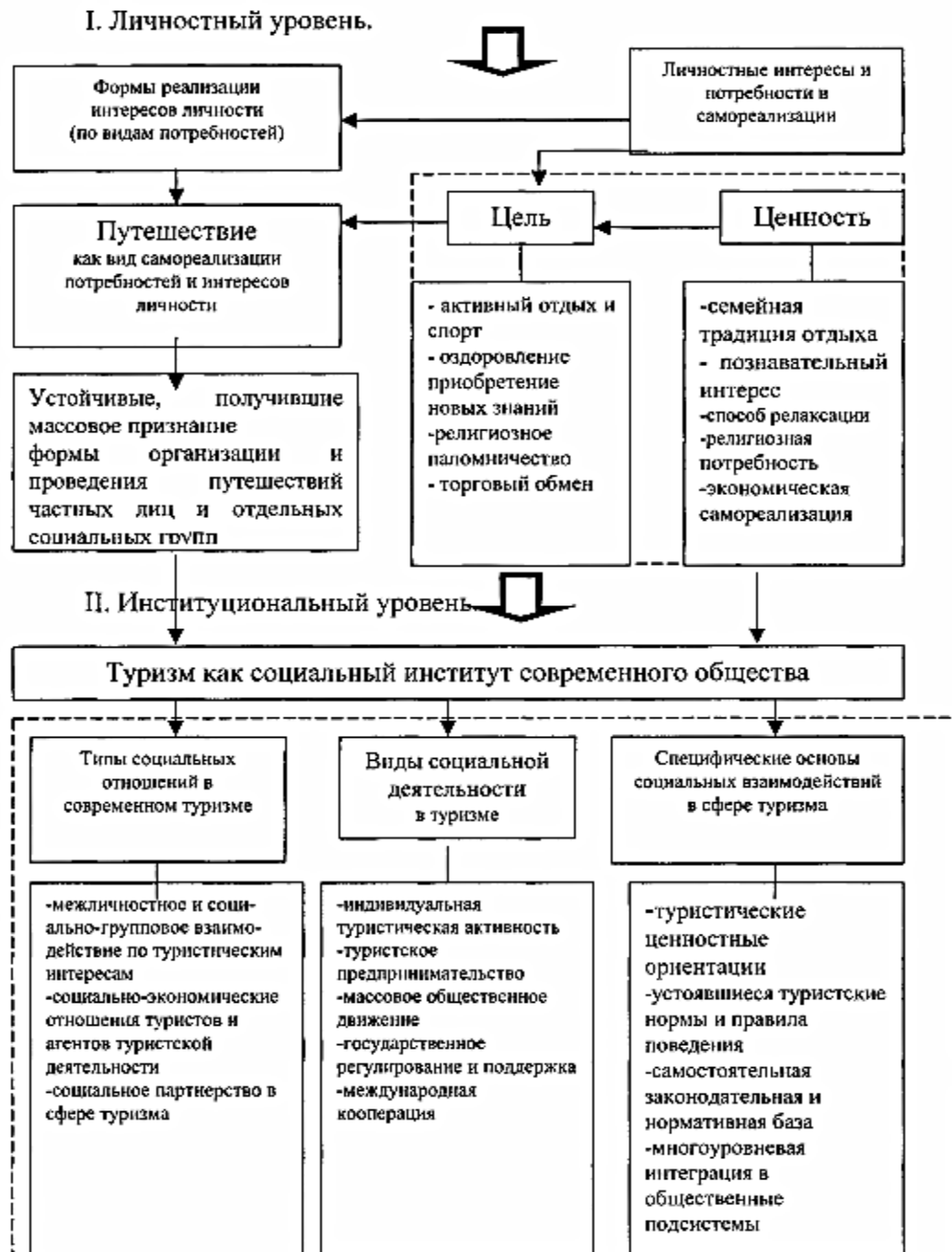

Рисунок 1. Социально-институциональная основа современного туризма
 Figure 1. Socio-institutional basis of modern tourism

Источник: составлено А.П. Осауленко «Туризм как социальный институт».
 Source: compiled by A.P. Osaulenko «Tourism as a social institution».

Методы

Эта работа представляет собой концептуальный анализ, основанный на теории, методах и выводах основных теорий исследования института туризма. В такой момент основные подходы к туризму жизненно важны. Основные исследования необходимы для определения программы этического управления,

управления и сосуществования туризма с остальным миром. До COVID-19 обусловленное стремление к росту, прибыли и расширению было очевидным в большинстве частей мира; одним из хорошо известных примеров был избыточный туристский поток. Важный вопрос, который следует рассмотреть, заключается в том, какие возможности открывает нам перерыв в обычном ведении бизнеса из-за коронавируса, чтобы переосмыслить институт туризма.

Результаты исследования

В своей книге «Антикризис» Ройтман отметила, что Мартин Лютер Кинг запланировал выступление под названием «Нормы больше не будет» для своей речи в память о Линкольне 28 августа 1963 г. В последний момент он изменил название речи на легендарное «У меня есть мечта». Это решение сделать акцент на более позитивном повествовании вдохновило многих в последующие десятилетия. Но с критической точки зрения требование «Нормы больше не будет» могло быть сосредоточено на освобождении, борьбе с угнетением и справедливости, что требовалось для устранения всесторонней несправедливости в борьбе за гражданские права. Эта статья черпает вдохновение в словах «Нормы больше не будет», чтобы подчеркнуть, что подходов к «ответственному туризму», которые все чаще рекламируются в текущий момент, будет недостаточно для создания фундаментальных изменений, необходимых для переориентации института туризма в обществе потребления от несправедливости и угнетения, которые он в настоящее время совершает и поддерживает [6, с. 57].

Кризис мобилизуется в описательных конструкциях, чтобы выделить или обозначить «моменты истины»; его считают средством доступа к исторической истине и даже средством осмысления «самой истории». В этой статье кризис пандемии COVID-19 используется для выяснения правды об институте туризма и для того, чтобы задаться вопросом, что открывается в этот исторический момент кризиса для путешествий и туризма. Принимаемые как конструктивное решение туристской отрасли стремление к превращению людей и мест в товар потребления посредством туризма, приватизация общественных земель для получения прибыли в туризме и преобразование сообществ в дестинации теперь открыты для глубокого переосмысления. Используя теорию критических подходов к туризму против угнетения и справедливости, можно не только обратить критику на текущий момент, в котором мы находимся, но и наметить радикальные и освободительные решения.

Разоблачительная сила этого кризиса огромна. Эта пандемия породила следующие идеи и ответные меры:

- что глобализация – непреодолимая сила;
- что мы не можем оторваться от логики непрерывного экономического роста;
- что потребительство – это ключ к выражению нашей идентичности;
- что неолиберальный капитализм – лучшая система для организации и распределения ресурсов.

Неолиберализм 1980-х годов способствовал: уменьшению роли правительства и регулирования; усилению маркетинга и приватизации; снижению налогов на богатый и крупный бизнес; идеологии, ориентированной на потребителя, и

радикальному индивидуализму. Как результат этой системы – права и условия труда работников ухудшились, нормы охраны окружающей среды подверглись изменениям, а системы социальной защиты были сокращены или заброшены во многих странах. Важно отметить, что ключевым результатом неолиберальных преобразований является попытка уменьшить общество в пользу экономики; как однажды воскликнула бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, одна из основательниц неолиберальной политики, «общества не существует»¹ (2013).

Этому сопутствует идеология «альтернативы нет» (АН), так что оппозиция и протесты часто остаются в стороне. Именно неолиберализм опустошил общества и их ресурсы, особенно системы здравоохранения, что еще больше усложняет борьбу с пандемией. Опыт кризиса COVID-19 показал, что неолиберализм закрепил рыночные ценности в социальных учреждениях и учреждениях социального обеспечения, которые должны были быть направлены на удовлетворение потребностей людей и общества.

Этот кризис также выявил недостоверность АН, поскольку неолиберальные правительства всего мира вынуждены отказаться от своих идеологических позиций. В ответ на пандемию эти правительства: перестраивают системы социальной защиты; призывают к социальной солидарности в действиях, направленных на то, чтобы все оставались дома и пытались сократить распространение COVID-19; форсируют печатание денег и расходование средств налогоплательщиков в огромных количествах для поддержания экономической и социальной стабильности. В условиях этого кризиса также можно определить, какой труд необходим для сохранения благополучия общества: недооцененный труд медсестер по уходу за больными, социальных работников, работников продуктовых магазинов, учителей и сотрудников, занимающихся экономическим трудом, многие из которых – женщины.

Это также имеет значение в вопросе о том, вернемся ли мы к неолиберальной нормальной жизни после окончания кризиса, потому что эти работники испытали тяготы, связанные с низкой оплатой, плохими условиями, кражами заработной платы, нестабильностью работы и / или увольнениями в неустанном стремлении руководства сократить расходы и увеличить прибыль приватизированных предприятий, в которых они работают. Очевидно, что коренные изменения стали возможны благодаря уникальным вызовам этого глобализованного кризиса, и это говорит о том, что системные изменения уже происходят. Возможно, подчеркивая, что COVID-19 привел к разрыву с неолиберализмом, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон 30 марта 2020 г. заявил, что «действительно существует такая вещь, как общество», в сообщении, опубликованном, когда он сам болел Covid-19 [5].

¹ Полное заявление Тэтчер гласило: «Они перекладывают свои проблемы на общество. И знаете, общества не бывает. Есть отдельные мужчины и женщины, а есть семьи. И ни одно правительство не может делать ничего, кроме как через людей, и люди должны в первую очередь заботиться о себе. Наш долг – заботиться о себе, а также заботиться о наших ближних» (из интервью для Women's Own в 1987 г., цитируется у Тэтчер, 2013).

В этой статье будет рассмотрен пример круизного лайнера, символизирующего поведение неолиберализма и его неудач с точки зрения человеческого, социального, экономического и экологического благополучия. Фактически культовым представлением глобальной пандемии COVID-19 и ее внезапного отключения от гипермобильного мира были те круизные лайнеры, которые оказались на мели, с пассажирами, отчаявшимися высадиться, и государствами, которые отказались их принять.

Международная ассоциация круизных линий (МАКЛ) позиционирует свой статус с точки зрения «ответственности»: «Круизные линии МАКЛ являются лидерами и новаторами в области ответственного туризма и предлагают путешественникам лучший способ познакомиться с миром». Однако многие круизные лайнеры плавают под «удобным флагом» (УФ), что не предполагает ответственности. УФ описывает случаи, когда некоторые круизные компании регистрируют свои суда в стране, отличной от страны владения. Объединение стран с «удобными флагами» включает Мальту, Бермудские острова, Панаму и Багамы. Круизные компании выбирают использование «удобных флагов» как часть своей экономической модели, помогая бизнесу получать прибыль и избегать строгих экономических, социальных и экологических норм. Практика использования «удобных флагов» делает сектор круизного туризма символом неолиберальных форм туризма.

В марте 2020 г., когда круизный сектор попытался получить доступ к фондам стимулирования на 2 трлн долл., созданным в США для борьбы с экономическими последствиями пандемии COVID-19, противники подчеркнули несправедливость и сомнительность этих методов. Марси Кивер, директор программы «Океаны и суда» компании «Друзья Земли», заявила: «Индустрия круизных путешествий не должна получать вознаграждение за загрязнение наших океанов, нарушение законов, причинение вреда обществу и плохое обращение с рабочими. Конгресс должен привлечь круизную индустрию к ответственности за свои прошлые нарушения и не предоставлять им ни цента, пока американский народ не будет в безопасности. Мы должны сделать здравоохранение и окружающую среду приоритетом для людей во время этого кризиса, а не прибыль круизной индустрии» [4].

Круизный туризм также был признан одним из виновников кризиса избыточного туризма в таких местах, как Венеция, Барселона и Дубровник. Во время кризиса, вызванного COVID-19, здоровье и безопасность тысяч рабочих, оказавшихся в ловушке на круизных лайнерах, которым отказано в заходе в порт, редко обсуждались, часто за них вступались только морские профсоюзы.

Это исследование сектора круизного туризма является одним из примеров несправедливости и эксплуатации индустрии туризма, действующей в условиях неолиберализма. Кризис COVID-19 выявил аспекты этой системы, которые часто игнорируются. По мере того как круизные лайнеры застревали по всему миру из-за закрытия для них портов, стал обсуждаться вопрос о том, что именно считать для них домом, поскольку они работали под «удобными флагами». Пропаганда морских профсоюзов привлекла внимание к тяжелому положению несчастных экипажей, некоторым из которых до настоящего времени не была предоставлена

надлежащая защита и помощь во время пандемии. Круизный сектор извлек выгоду из неолиберальной идеологии и практики и теперь надеется извлечь выгоду из бонусов катастрофического капитализма, чтобы получить доступ к феноменальным государственным фондам стимулирования.

Также следует упомянуть о сложившихся изменениях, которые произошли в структуре общения в туризме, а именно смещение взаимоотношений от реальных к виртуальным. Если раньше потребитель мог прийти в офис турфирмы, напрямую пообщаться с турагентом, задать интересующие вопросы, просмотреть предложения в условиях непосредственного общения, то теперь произошло смещение взаимоотношений от реальных к виртуальным. Виртуальное общение представляет особый мир, в котором человек может быть самим собой или кем-то другим, не боясь выражать свои эмоции, чувства, совершать самые невероятные поступки без страха пожалеть об этом. К сожалению, виртуальное общение преобладает и часто является единственной формой более-менее полноценного общения. В результате появляется проблема, когда виртуальные коммуникации начинают заменять и вытеснять обычное, живое общение, когда человек, например, большую часть суток «висит» в чате, когда живая реальность перестает интересовать и виртуальный мир кажется более привлекательным, а со временем становится единственно возможной безопасной средой общения.

Важнейшие вопросы, которые следует задать: кто определяет границы и операции института туризма? кому выгодны эти формы туризма? как осуществляется власть? как ограничивается и контролируется мощь? Сейчас, когда неолиберализм стал явным, у нас есть неопределимая возможность опровергнуть полученные знания о туризме и переориентировать их так, чтобы они лучше служили обществу.

Некоторые будут выступать за более ответственные формы туризма как ответ на преобразование института туризма в данной обстановке. В статье 1 «Глобального этического кодекса туризма» ВТО четко сформулировано понятие «ответственный туризм», дано такое понятие, как «вклад туризма во взаимопонимание и уважение между народами и обществами», а также утверждается: «Понимание и продвижение этических ценностей, общих для человечества, с отношением терпимости и уважения к разнообразию религиозных, философских и моральных убеждений, являются как основа, так и следствие ответственного туризма» (1999). Подходы к ответственному туризму пропагандируются как способ устранения негативных социальных и экологических последствий туризма [7].

Однако другие не согласны с тем, что достаточно «устойчивого» или «ответственного» подходов: произошли исследования неравенства и справедливости туризма, которые были направлены на решение вопросов о том, кому выгоден туризм, как сделать туризм более справедливым, каковы цели туризма и, в более крайнем случае, какие средства можно использовать для обеспечения правосудия.

Можно предложить анализ с использованием непрерывного процесса, чтобы проиллюстрировать, как различные реформистские вмешательства способствовали изменениям в институте туризма, но их было недостаточно для устранения продолжающейся эксплуатации и несправедливости, которые предписывает туризм (Рисунок 2).

Рисунок 2. Возможные непрерывные трансформации в институте туризма
 Figure 2. Possible continuous transformations in the tourism institute

Источник: составлено автором научной статьи.
 Source: compiled by the author of the scientific article.

Проблема с подходами к ответственному туризму состоит в том, что они просто призывают участников туризма быть более внимательными и ответственными. Ответственные защитники туризма не осознают, что эти предприятия являются частью несправедливо созданной структуры, извлекающей прибыль за счет эксплуатации. Сторонники ответственного туризма могут невольно идентифицировать эти формы туризма как «беспроектные», потому что местные жители активно используют «туристические возможности». Однако структурная несправедливость, в условиях которой функционирует институт туризма, минимизирует возможность местным жителям преуспевать в таких условиях и в конечном итоге подрывает их суверенитет в этом процессе [3, с. 88].

Этот анализ недостатков ответственного туризма как одного из возможных инструментов в преобразующий момент COVID-19 подчеркивает необходимость использования критических подходов. Если мы хотим воспользоваться этим преобразующим моментом в целях достижения большей социальной и экологической справедливости, мы должны стремиться к радикальному разрыву с тем, что было раньше, а не к более упрощенному реформистскому подходу.

Кризис пандемии COVID-19 бросил вызов предпосылкам неолиберализма, согласно которым меньше всего правительство, индивидуализм и маркетинг приносят пользу людям и обществу. Формы государственного вмешательства, реорганизация сетей социальной защиты и значение социальной помощи и сетей были основными ответами на вызовы этого кризиса. После COVID-19 мы могли бы заняться общественной деятельностью в сфере туризма. Слово «социализация» может иметь несколько значений, в том числе: следовать принципам социализма; вести себя социально адекватно во взаимодействии с другими; направить на правильные способы поведения по отношению к обществу. Гостеприимство становится началом процесса, который приведет к социализации и, таким образом, интеграции в «местное» общество. Как туристы, так и туристические компании должны быть социализированы для поддержки способов, потребностей и интересов местных сообществ, в которые они совершают поездки или предлагают туристические услуги.

Неолиберальные правительства добровольно приняли «социализированную» политику в своем ответе на кризис, например, путем создания медицинских, социальных и образовательных мер, которые они ранее поддерживали приватизацией, чтобы избежать широкого распространения общественного волнения. Но в данном исследовании фраза «социализировать туризм» используется в более широком смысле, имея в виду сделать туризм отзывчивым и подотчетным обществу, в котором он существует. Проблема института туризма в условиях неолиберальной глобализации заключается в том, что способность общества управлять, контролировать и извлекать выгоду из туристических предприятий, действующих в своей социальной группе, подрывается, поскольку рынок находится вне их контроля.

Хорошо известно, что правительства в условиях неолиберальной глобализации уступили значительную свободу и права транснациональным корпорациям, что имело серьезные последствия для обществ. Корпорации создаются для достижения целей общества: корпорации – это юридические лица, созданные правительством для повышения благосостояния своих граждан путем создания определенных условий, способствующих инвестированию и ведению бизнеса. Правительства предоставляют определенные права – ограниченную ответственность, но мы утверждали, что это не «естественные права» или «права человека», а лишь инструментальные права, сформированные для достижения социальных целей.

Сторонники корпоративной социальной ответственности в своих выступлениях отстаивают подход к бизнесу, требующий «социальной лицензии на ведение деятельности».

Однако концепция социализирующего туризма, пропагандируемая в этой работе, является призывом направить институт туризма в контекст общества, в котором он происходит, и использовать его для расширения прав и возможностей, а также благополучия местного населения. Концепции туризма, ориентированные на общество, способствуют радикальному переосмыслению института туризма: это начинается с пересмотра определения туризма, чтобы поставить права местного населения выше прав туристов на отдых и прав туристических корпораций на получение прибыли.

Можно предложить иллюстративную модель, показывающую, как такой подход к институту туризма радикально изменит способ ведения туризма (Рисунок 3).

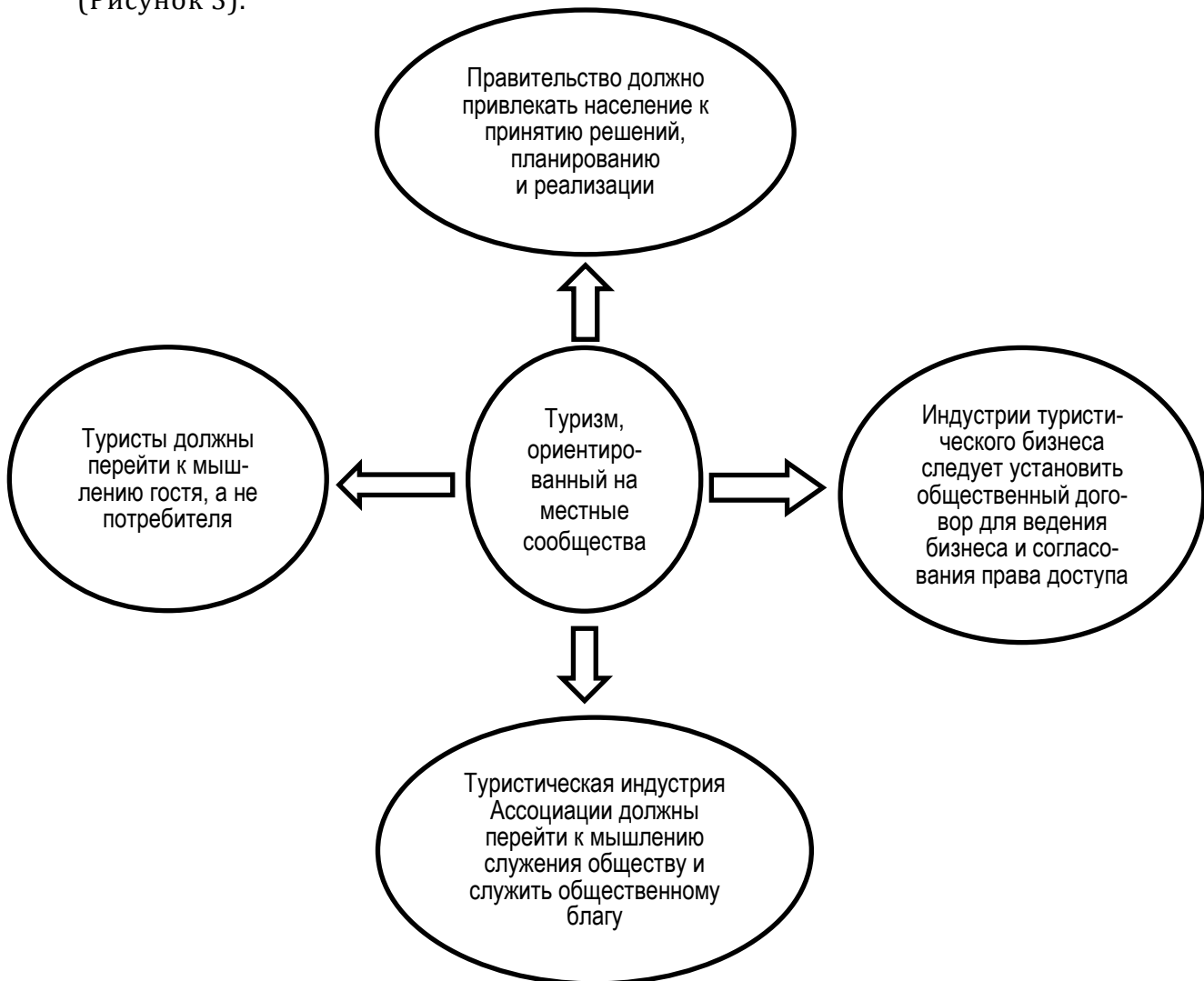

Рисунок 3. Структура туризма, ориентированного на местное население как механизм развития туризма

Figure 3. The structure of tourism focused on the local population as a mechanism for tourism development

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Заключение

Ключевые выводы кризиса COVID-19 заключаются в необходимости важности местного населения, социальных связей и общества; доказано, что приватизация и маркетинг наносят ущерб общественному здоровью и благополучию. Мы также увидели, как общая модель туризма и глобальные цепочки поставок были разрушены усилиями по борьбе с пандемией; мировой туризм оказался хрупким и ненадежным. Некоторые комментаторы видят урок в том, что более локализованная форма института туризма – наше будущее. Но этого недостаточно. Нам нужен туризм на службе у общества и подотчетный обществу.

Программа по трансформации института туризма переориентирует его на общественное благо следующим образом:

❖ Государства могут предпочесть местные корпорации вместо предприятий транснациональных корпораций (ТНК). Слишком часто ТНК не подчиняются местным властям; малые и средние туристические предприятия – это те предприятия, которым следует предоставлять возможности для более справедливого и устойчивого будущего в туризме.

❖ Туристические корпорации должны платить значительное количество налогов и больше не должны использовать несправедливые методы, такие как налоговая защита, чтобы избежать уплаты налогов. Этим корпорациям не должно быть позволено перекладывать издержки рыночных сбоев на государственный бюджет.

❖ Если туристические предприятия обанкротятся, работники должны быть в первую очередь держателями долга таких предприятий, и им следует оказать поддержку в приобретении таких предприятий, если они того пожелают (2012, на примере отеля Vauen).

❖ Следует поощрять альтернативные модели, включая кооперативы, социальные предприятия, некоммерческие организации и формы социального бизнеса, для поддержки туризма на благо общества.

❖ Следует поощрять и продвигать общественно полезные формы туризма, включая образовательный туризм, любительскую науку, социальный туризм, общественные обмены и т.д. Также должны быть приоритетными неформальные секторы, которые способствуют получению местным населением выгод от туризма.

❖ Общественное достояние должно быть защищено, и дальнейшая приватизация государственных ресурсов, таких как национальные парки и охраняемые территории, не должна происходить. Экологическая защита природоохранной среды должна стать приоритетом в условиях угрозы изменения климата.

❖ Виды развиваемого туризма должны определяться местным населением. С населением необходимо должным образом проконсультироваться о формах туризма, которые развиваются в обществе в соответствии с процессами, которые они определяют.

❖ Универсальный базовый доход – это основа, на которой можно обеспечить безопасность нестандартной занятости в сфере туризма и гостеприимства. Необходимо приложить значительные усилия для обеспечения прав трудящихся и хороших условий труда. Необходимо предусмотреть, чтобы работники туристской индустрии получали больше прожиточного минимума, а также были обеспечены безопасные условия труда в данной отрасли.

Этот план мероприятий требует более целенаправленной работы и конкретизации, чтобы гарантировать, что мы переставим институт туризма на другой путь, чтобы он поддерживал социальную и экологическую справедливость. В этот преобразующий момент, связанный с кризисом COVID-19, есть как возможность, так и опасность.

Такие индустрии, как туризм, будут стремиться вернуться к своей обычной деятельности, ухватившись за словосочетание «недотуризм», чтобы снова активизировать его. «Недотуризм» в данной статье следует понимать как конкретную ситуацию, когда какое-либо туристическое место получает недостаточный или

очень малый поток туристов. Правительства будут стремиться использовать возможности контроля и наблюдения, которые навязываются под предлогом кризиса, и расширять их. Можно предвидеть, что элитный вид путешествий приведет к этому результату.

Есть некоторая самонадеянность в попытках разработать эффективный анализ глобального кризиса, когда он еще не полностью развернулся. Казалось бы, мы живем в эпоху серьезных перемен, эквивалентных мировой войне или Великой депрессии. Существуют противоположные взгляды на то, должно ли это быть источником большого оптимизма или опасений. В мире, где растущее неравенство привело к появлению огромного числа уязвимых групп населения, очевидно, что пандемия COVID-19 и меры по борьбе с ее распространением, вероятно, окажут непропорциональное и смертоносное воздействие на эти уязвимые группы населения. Таким образом, крайне важно, как мы поддерживаем переход к большей справедливости и благополучию.

В этой статье предлагается анализ с детальным изучением критической теории, чтобы вкратце раскрыть способы, которыми институт туризма поддерживает неолиберальную несправедливость и эксплуатацию. Исходя из предположения, что кризис пандемии COVID-19 предлагает редкую и бесценную возможность переосмыслить и перезагрузить туризм, в этой статье объясняется, почему «ответственные» подходы к туризму не предлагают достаточных средств для того, чтобы порвать с этими структурами и процессами несправедливости, угнетения и эксплуатации. Вместо этого работа опиралась на недавние теоретические разработки, чтобы переопределить и переориентировать институт туризма в сторону прав и интересов местных жителей. Это дает преимущество работе путем дальнейшего теоретического обоснования того, как туризм можно «социализировать» и сделать подотчетным с учетом социальных и экологических ограничений.

В неолиберальную эпоху туризм способствовал возникновению серьезного неравенства и несправедливости по отношению к людям и нанес значительный экологический ущерб, включая вклад в глобальное изменение климата. Поскольку существует возможность изменений в структуре туризма после COVID-19, главная задача – предложить, как можно развивать институт туризма, чтобы обеспечить процветание людей и восстановление окружающей среды. Социализация института туризма для таких целей будет позитивным шагом вперед.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ачмиз А.К. Туризм как социокультурное явление. – Краснодар: ХОРС, 2010. – № 1. – С. 75-82.
2. Шалаев В.П. Мутация наступает: общество в перекрестке глобального потребления / Сб. ст. под общ. ред. проф. В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2015. – 136 с.
3. Шалаев В.П. Экономическая глобализация и общество потребления: основные параметры, цели и социальные последствия / Сб. ст. под общ. ред. проф. В.П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2015. – 136 с.
4. Friends of the Earth (2020, 20 March). Green groups call on Congress to not bail our rule-breaking cruise industry [Электронный ресурс]. – URL: <https://foe.org/news/green-groups-call-congress-not-bail-rule-breaking-cruise-industry/> (дата обращения: 10.10.2020).

5. Johnson B. (2020, 30 March). Boris Johnson says 'there really is such a thing as society' in self-isolation update – video [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/global/video/2020/mar/29/boris-johnson-says-there-really-is-such-a-thing-as-society-in-self-isolation-update-video> (дата обращения: 11.10.2020).
6. Roitman J. Anti-crisis. – Durham: Duke University Press, 2014. – 157 p.
7. UNWTO (2020, 1 April). Supporting jobs and economies through travel and tourism [Электронный ресурс]. – URL: https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2020-04/COVID19_Recommendations_English_1.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

REFERENCES

1. Achmiz A. K. Tourism as a sociocultural phenomenon. Krasnodar: HORS, 2010. № 1. Pp. 75-82. (In Russ.)
2. Shalaev V.P. The mutation is coming: society at the crossroads of global consumption/ collection of articles under the general ed. prof. V.P. Shalaeva. Yoshkar-Ola: Volga State University of Technology, 2015. 136 p. (In Russ.)
3. Shalaev V.P. Economic globalization and consumer society: main parameters, goals and social consequences / collection of articles under the general ed. prof. V.P. Shalaeva. Yoshkar-Ola: Volga State University of Technology, 2015. 136 p. (In Russ.)
4. Friends of the Earth (2020, 20 March). Green groups call on Congress to not bail our rule-breaking cruise industry. URL: <https://foe.org/news/green-groups-call-congress-not-bail-rule-breaking-cruise-industry/> (accessed: 10.10.2020).
5. Johnson B. (2020, 30 March). Boris Johnson says 'there really is such a thing as society' in self-isolation update – video. URL: <https://www.theguardian.com/global/video/2020/mar/29/boris-johnson-says-there-really-is-such-a-thing-as-society-in-self-isolation-update-video> (accessed: 11.10.2020).
6. Roitman J. Anti-crisis. Durham: Duke University Press. 2014. – 157 p.
7. UNWTO (2020b, 1 April). Supporting jobs and economies through travel and tourism. URL: https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2020-04/COVID19_Recommendations_English_1.pdf (accessed: 15.11.2020).

Информация об авторе: Ефремова Дарья Владимировна, аспирант ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, дом 3).

г. Йошкар – Ола, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-2354-8023>

SPIN-код: 2290-3516

AuthorID: 1089850

EfremovaDV@volgatech.net

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: D.V. Efremova, graduate student, Volga State University of Technology (424000, Mari El Respublikası, Yoshkar-Ola şəhəri, Lenin meydanı, ev 3). Yoshkar-Ola, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-2354-8023>

SPIN-код: 2290-3516

AuthorID: 1089850

EfremovaDV@volgatech.net

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 13.01.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 28.01.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Социальная структура, социальные институты и процессы *Social Structure, Social Institutions and Processes*

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-52-69

УДК316.74:2(470.67)

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМЕЧЕТСКОЙ ШКОЛЫ)

РАМАЗАНОВ Рашид Омариевич,

Институт истории, археологии и этнографии;

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-3188-4596>

e-mail: rashram@yandex.ru

Анотация: Исламское возрождение закономерно актуализировало вопрос мусульманского образования на постсоветском пространстве. Причем его активизации способствовали сложные и противоречивые процессы в религиозной сфере, в данном контексте среди последователей исламского вероучения. Рост и усиление в общественном сознании, особенно молодого поколения, идеологии радикального исламизма, обозначение доминанты следования религиозным предписаниям в повседневной жизни в противовес светским законам, деструктивные действия под лозунгами защиты «чистоты» веры обусловили необходимость распространения религиозных знаний, которые не угрожали бы светским основам Российского государства. Поэтому процесс развития религиозного мусульманского образования на территориях исторического распространения ислама приобрел особую значимость, так как был призван дать желающим возможность получить религиозное образование, такие знания, которые не проповедовали бы межрелигиозную интолерантность, а также не распространяли бы в российском обществе радикальные идеи. Эмпирические данные свидетельствуют, что опрошенное население позитивно оценивает качество обучения в примечетской школе, с той аргументацией, что они получают хорошие знания по основам ислама, имеют возможность обучиться чтению священного текста, а также определенным ритуальным действиям, которые для респондентов являются довольно значимыми в их повседневной жизни. Как и светское образование, религиозное образование также имеет недостатки, и для улучшения состояния исламского образования, по мнению опрошенного экспертного сообщества, необходимо проводить республиканские конференции, круглые столы, на которых будут обсуждаться вопросы повышения квалификации преподавателей, организовать курсы повышения квалификации учителей мактабов, обеспечить примечетские школы единой учебно-методической литературой.

Ключевые слова: религия, образование, примечетская школа, мактаб, ислам, мусульманское образование, мусульмане, исламская общность, ученики мактабов, качество обучения, теологическое образование

Для цитирования: Рамазанов Р.О. Теологическое образование в современном российском обществе: состояние и проблемы (на примере примечетской школы). // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 52-69
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-52-69

Original article

THEOLOGICAL EDUCATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: STATE AND PROBLEMS (ON THE EXAMPLE OF A SCHOOL AT MOSQUE)

Rashid O. RAMAZANOV,

Institute of History, Archeology and Ethnography;
Daghestan Federal Research Center Russian Academy of Science,
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-3188-4596>
e-mail: rashram@yandex.ru

Abstract: The Islamic revival naturally actualized the issue of Muslim education in the post-Soviet space. Moreover, its activation was facilitated by complex and contradictory processes in the religious sphere, in this context, among the followers of the Islamic faith. The growth and strengthening of the ideology of radical Islamism in the public consciousness, especially of the younger generation, the designation of the dominant following of religious precepts in everyday life as opposed to secular laws, destructive actions under the slogans of protecting the "purity" of faith made it necessary to spread religious knowledge that would not threaten the secular foundations of the Russian state. Therefore, the process of developing religious Muslim education in the territories of the historical spread of Islam has acquired special significance, because it was intended to give those who want to receive religious education such knowledge that would not preach inter-religious tolerance, and would not spread radical ideas in Russian society. Empirical data show that the surveyed population positively assesses the quality of education in a school at the mosque, with the argument that they get a good knowledge of the basics of Islam, have the opportunity to learn how to read the Holy text, as well as certain ritual actions that are quite significant for respondents in their daily lives. As well as secular education, religious education also has drawbacks and to improve the state of Islamic education, according to the interviewed expert community, it is necessary to hold Republican conferences, round tables, which will discuss the issues of improving the skills of teachers, organize training courses for teachers of maktab, provide schools at the mosques with unified educational and methodological literature.

Keywords: religion, education, school at mosque, maktab, islam, muslim education, muslims, islamic community, maktab students, quality of education, theological education

For citation: Ramazanov R.O. Theological education in modern Russian society: state and problems (on the example of a school at mosque). *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 52-69 . (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-52-69

Введение

Проблема религиозного мусульманского образования актуализирована в современном российском обществе, потому что, во-первых, оно (исламское образование) получило широкое распространение, во-вторых, последователи ислама изъявляют желание получить религиозное образование, в-третьих, эти два фактора способствуют появлению необходимости подготовки квалифицированного преподавательского состава не только для примечетских школ, но и для других исламских учебных заведений. Потребность населения, причем разной возрастной категории, получить религиозные знания по мусульманской вере, их желание обучаться активизировали вопрос религиозного образования в образовательном пространстве российского общества. Однако следует отметить, что существование примечетских школ (мактабов) имеет длительную историю: они функционировали в мусульманских регионах Российской империи еще в дореволюционный период, имели широкое распространение и внутри них была налажена своя система видения обучения. Образование в примечетской школе на примере республик Северного Кавказа хорошо освещены в трудах Абдуллы Омарова, А.Р. Багатырадаевой, Д.Х. Гаджиевой, Н.А. Тагировой, А.М. Темирова, А.Р. Шихсаидова, А.А. Ярлыкапова и др. [1]. Также вопрос мусульманского образования рассмотрен в работах западных исследователей [2]. Не менее важным является изучение исламского образования и его роли в укреплении исламской идентичности, и данный вопрос рассмотрен в работах М.М. Шахбановой [3].

Таким образом, возросшая роль религии в российском обществе сопровождалась усилением интереса населения к истории ислама и его учению, поэтому научное сообщество наравне с духовными лицами уделяют большое внимание данному вопросу. Так, проблеме религиозного образования была посвящена Всероссийская научно-образовательная конференция «Теологическое образование: проблемы и перспективы развития» (Махачкала, 2018 г.). В своей работе организаторы конференции важными определили следующие направления: показать роль и значение академической теологии в системе исламского образования в России, рассмотреть наиболее важные аспекты подготовки квалифицированных кадров в интересах мусульманских религиозных и образовательных организаций, направления деятельности исламских учебных заведений по формированию духовно-нравственного потенциала молодого поколения, более всего подверженно влиянию экстремистских организаций [4, с. 908]. Участник данной конференции И.А. Асадулаев (помощник муфтия Дагестана Ахмада Афанди Абдулаева) в своем выступлении обратил внимание на то, что «актуальность теологического образования в современной России обусловлена необходимостью духовно-нравственного развития общества, противодействия и профилактики экстремизма, который несет в себе глобальную угрозу мирной жизни общества, ставит преграды на пути развития государства, подрывает устои внутренней и международной стабильности» [5, с. 911]. Более того, базой укрепления позиций радикалов он

считает неграмотность населения в вопросах религии, аморальность и безнравственность, порождающие антиобщественные явления. Поэтому религиозное образование выступает барьером на пути распространения радикальной религиозной идеологии, выполняет ключевую роль в процессе налаживания поликультурного и межрелигиозного диалога, особенно в многонациональной и поликонфессиональной среде, кроме того, позволяет оберегать духовные и традиционные ценности.

Определение мотивации обучения в мактабах, выявление дальнейших планов родителей и учеников на продолжение учебы, вообще отношение к религиозному образованию в целом порождает ряд различных вопросов, так как «восстановление профессионального исламского образования в России в начале 90-х годов прошлого века происходило практически без всякой предварительной методической и организационной подготовки. Это был период спонтанного появления мусульманских учебных заведений, которые еще до конца не вписались в правовое и образовательное пространство России, не имели постоянных источников финансирования» [6, с. 7]. Кроме того, отсутствие прозрачности в образовательной сфере, особенно на уровне начального сегмента мусульманского образования, еще более усложняет задачу: это и вопрос оплаты работы преподавателя, привлечение учителя к работе на этих курсах при отсутствии даже минимальной оплаты их труда. Мактабы не имеют фиксированной суммы оплаты, и преподаватели получают то вознаграждение, которое может выплатить им местное духовенство, то есть имам мечети, причем из собранных, как правило, на благотворительные цели финансовых средств. Поэтому возникает вопрос: как рассматривать преподавательскую деятельность – работа, которая должна быть оплачена, или же работа, которую можно охарактеризовать как «особая форма религиозного подвижничества»?

Немаловажное значение имеет и психологический фактор: как правило, преподаватели не всегда имеют опыт педагогической работы, не владеют методикой обучения, порой не могут найти общий язык с детьми. Если со взрослыми людьми, которые сознательно пришли научиться читать Коран или же хотят усовершенствовать свои имеющиеся знания по исламу, все относительно понятно, то дети, как правило, очень редко изъявляют собственное желание ходить в мактабы. Как показывает практика, их туда направляют родители, чтобы в летнее время они были под присмотром и заодно получали базовые знания по исламу.

Наравне с религиозными предметами в мактабах детей учат основам исламской этики, которая может им пригодиться, хотя здесь тоже возникает множество вопросов: насколько человек, получивший исламские знания, в повседневной жизни придерживается их? можно ли связывать отношение к религии (верующий и неверующий) с нравственным поведением и установками человека? а как быть с человеком, который обозначает себя как неверующий – его считать безнравственным? и др. Такие вопросы возникают потому, что в общественном сознании дагестанцев существует довольно критичное отношение к деятельности Муфтията Дагестана, а также персонально к тем людям, которые, декларируя идеи социальной справедливости, в реальной жизни демонстрируют поведение, которое, мягко говоря, не соответствует тому, что духовные лица проповедают в стенах культовых зданий.

Таким образом, в данной статье рассматривается качество обучения в примечетской школе, взаимоотношения ученика и преподавателя, оценка в целом

деятельности мактабов. Для получения информации по данным вопросам было проведено социологическое исследование, и следует отметить, что оно является первым, и поэтому его проведение вызывало определенные трудности.

Эмпирическая база исследования. Социологический опрос по изучению состояния образовательного процесса в примечетских школах Дагестана был проведен в 2020 г. в городах Дагестана (Махачкала, Хасавюрт, Дербент) и сельских районах республики (Ботлихский, Буйнакский, Казбековский, Хасавюртовский). Участники опроса: родители – 255 чел., ученики – 444 чел., эксперты – 59 человек.

Обсуждение результатов исследования

В опросе по изучению мактабов были заданы вопросы, показывающие сложившееся в общественном мнении отношение к учителю, а также к самой системе обучения в примечетской школе. Так, данные опроса показывают, что при обозначении эмоционального отношения к преподавателю 97,4% опрошенных родителей нравится учитель своих детей в примечетской школе, 2,1% затруднились ответить и несущественная часть выбрала вариант ответа «не нравится» (0,5%). Утвердительно на вопрос «Вам нравится Ваш учитель в примечетской школе?» ответили 98,8% учеников, среди них 98,6% со средним, 100% со средним специальным, 98,2% с высшим образованием, 98,5% «0–20 лет», 98,8% «21–39 лет» и 100% «40 лет и выше». Вариант «нет» подчеркнули 1,2% опрошенных учеников, по образованию и возрасту ответы распределились следующим образом: 1,4% со средним, 1,8% с высшим образованием, 1,5% «0–20 лет» и 1,2% «21–39 лет».

Важным является качество обучения в мактабах, поэтому родителям и ученикам были заданы вопросы: «Как Вы оцениваете качество обучения Ваших детей в примечетской школе?» и «Как Вы оцениваете качество своего обучения в примечетской школе?». Так, 52,1% родителей качество обучения своих детей в примечетской школе оценивают как «очень хорошее», 35,6% считают его хорошим, 12,4% – удовлетворительным. Вариант ответа «очень хорошо» отметили 52,8% учеников, вариант «хорошо» подчеркнули 38,7%, удовлетворительным его назвали 8,3% обучающихся и 0,2% характеризуют обучение как плохое. Если посмотреть данные опроса в разрезе образования учеников, то очень хорошим обучение считают 50,9% имеющих среднее, 56,3% – среднее специальное и 52,6% – высшее образование, по возрасту – 51,5% в разрезе «0–20 лет», 60,7% «21–39 лет» и 52,9% «40 лет и выше». Как хорошее обучение оценивают 50,9% обучающихся со средним, 56,3% со средним специальным и 52,6% с высшим образованием, по возрасту – 51,5% «0–20 лет», 60,7% «21–39 лет» и 52,9% «40 лет и выше». Вариант ответа «удовлетворительно» выбрали 7,3% учеников со средним, 14,1% со средним специальным и 7,0% с высшим образованием, а также 6,8% в возрастном интервале «0–20 лет», 10,7% «21–39 лет» и 11,8% «40 лет и выше». Варианты «плохо» и «очень плохо» не были отмечены родителями респондентами, в отличие от учеников, хотя их доля очень несущественна – 0,5%.

Вопрос «Как Вы оцениваете качество обучения в примечетской школе?» был задан и экспертам: 83,1% экспертов положительно оценили качество обучения в мактабе, затруднились ответить 15,3%, и очень незначительная часть экспертов выбрала вариант ответа «отрицательно» (1,7%). Если посмотреть результаты исследования в разрезе образования экспертов, то положительно качество обучения характеризуют 8,7% опрошенных со средним, 21,7% со средним специ-

альным и 69,6% с высшим образованием. Такой высокий процент положительно оценивающих качество обучения объясняется тем, что в нашем опросе экспертами в основном выступили сами преподаватели мактабов, а светские специалисты в категоричной форме отказывались принимать участие в исследовании; те же из них, кто принял участие, или не до конца заполнили бланки анкет, или отмечали противоречащие друг другу варианты ответов.

Далее в рамках исследования родителям был задан вопрос «Как относится учитель примечетской школы к Вашим детям?». Эмпирические данные показывают, что 58,2% родителей характеризуют отношение преподавателя мактаба к своим детям как очень хорошее, 27,3% – хорошее, 12,9% – удовлетворительное и 1,5% затруднились с ответом. В этом вопросе опрошенные родители также не указали варианты ответов «плохо» и «очень плохо». Сами ученики на вопрос «Как относится к Вам учитель примечетской школы?» ответили следующим образом: очень хорошим его считают 60,4% учеников, среди них 57,9% со средним, 62,5% со средним специальным, 68,4% с высшим образованием, 58,4% «0–20 лет», 67,1% «21–39 лет» и 63,5% «40 лет и выше». Отношение хорошим считают 31,1% учеников, по образованию и возрасту ответы распределились так: 34,6% со средним, 23,% со средним специальным, 21,1% с высшим образованием, 34,6% «0–20 лет», 22,4 % «21–39 лет» и 21,% «40 лет и выше». Вариант ответа «удовлетворительное» подчеркнули 7,3% учеников, из них 6,2% со средним, 12,5% со средним специальным, 8,8% с высшим образованием, 5,6% «0–20 лет», 9,4% «21–39 лет» и 13,5% «40 лет и выше». По всему массиву отношение преподавателя к себе плохим считает статистически незначимая часть учеников (0,2%), среди них 1,2% имеющих высшее образование и такой же процент в возрасте «21–39 лет»; 1,1% затруднились выразить свое мнение.

На начальном этапе обучение в мактабах шло при отсутствии единой системы программ и учебных планов, поэтому каждая примечетская школа функционировала в соответствии с собственными представлениями об исламском учебном заведении. Видимо, по этой причине преподаватели вынуждены были ориентироваться на ранее существовавший исторический опыт или же по своим представлениям пытались наладить обучение не только в мактабах, но и в других исламских учебных заведениях (медресе, университет, институт). Очень часто организацией учебного процесса занимались люди, далекие от педагогической деятельности, не имевшие, впрочем, и в настоящее время не имеющие опыта работы в образовательном учреждении, но при этом сами прошедшие обучение в исламском учебном заведении и владеющие необходимыми знаниями. Видимо, в период масштабного мусульманского возрождения большей частью ставилась задача возвращения исламского учения в сознание населения, исходя из убежденности, что любые знания о вероучении предпочтительнее господствовавшей атеистической идеологии. Можно согласиться с мнением Р. Патева, что на сегодняшний день нет четкой концепции развития системы мусульманского образования в России. Отсутствие единых учебных и методических планов, системы оценки выпускников вузов, требований к обеспечению учебного процесса, финансовые затруднения и т.д. приводят к тому, что уровень образования в большинстве исламских высших учебных заведений в России не соответствует уровню высшего образования и мало чем отличается от среднего уровня – медресе. Поэтому учеба в зарубежных центрах зачастую считается предпочтительной [7, с. 152].

Установление отношения учителя к ученику, а также оценка качества обучения в мактабе требуют выявления факторов, на основе которых опрошенные положительно или отрицательно характеризуют обучение в примечетской школе (табл. 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос: «Чем Вам нравится обучение в примечетской школе?» (%)

Table 1 Distribution of answers to the question «What do you like about studying at a school at the mosque?» (%)

Варианты ответов	Родители
Мои дети получают хорошие знания по основам ислама	66,1
Мои дети знают, как правильно делать омовение и совершать намаз	16,1
Моих детей учат читать Коран	23,3
Моих детей учат основам шариата	8,9
Моих детей учат основам нравственного поведения, оберегают от неправильных поступков	9,4
Удобное время обучения	0,4
Наличие доброжелательной атмосферы	2,7
Индивидуальный подход к обучающемуся	0,8
Свободное посещение занятий	1,0
В примечетской школе воспитывают истинного мусульманина	0,5
Заинтересованность учителя не только в плане освоения образовательной программы, но и в том, как стать настоящим мусульманином	0,5
Получение знаний об исламе является религиозным долгом каждого мусульманина	2,1
	Ученики
Я получаю хорошие знания по основам ислама	64,5
Удобное время обучения	0,2
Я узнаю много нового о появлении ислама и его распространении	15,6
Меня учат правильно делать омовение и совершать намаз	27,5
Меня учат читать Коран	29,8
Меня учат основам шариата	1,9
Укрепляют мою веру, оберегают меня от неправильных поступков	4,3
Меня учат основам нравственного поведения	2,9
Меня учат, как вести себя в разных местах (дома, в семье, с друзьями и т.д.) как того требует ислам	0,3
Доступность расположения (недалеко от места проживания)	1,3
Свободное посещение занятий	0

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Результаты опроса показывают, что для родителей большое значение имеет объем получаемых их детьми в мактабе знаний по исламу (больше половины опрошенных): по образованию и возрасту данный тезис разделяют 11,5% родителей со средним, 42,3% со средним специальным, 46,2% с высшим образованием. Далее 25,0% родителей со средним и 75,0% с высшим образованием нравится обучение детей чтению Корана. Одним из параметров измерения отношения к примечетской школе для 50,0% родителей со средним, по 25,0% со средним специальным и высшим образованием является то, что их детей обучают основам нравственного поведения и оберегают от неправильных поступков. Вариант ответа «по многим причинам» отметили 35,4% родителей со средним, 24,8% со средним специальным, 38,9% высшим образованием, также немаловажным является обучение основам шариата. Следует отметить, что учителя мактабов выполняют важную роль в процессе приобщения как детей, так и взрослого поколения людей к основам ислама, выполнения определенных ритуальных действий, правильного выполнения омовения, чтения текста молитвы (намаза), правильного произнесения звуков и слов намаза и т.д. Кроме того, обучение исламской этике является немаловажным моментом при обучении в мактабе, потому что человека учат мусульманским предписаниям формирования взаимоотношений с близкими, работодателем, коллегами, впрочем, как и в других социальных сферах. При этом такие варианты ответов, как «удобное время обучения», «свободное посещение занятий», «наличие доброжелательной атмосферы», «индивидуальный подход к обучающемуся», отмечены небольшой частью родителей.

Если посмотреть ответы учеников, то важнейшими параметрами положительной оценки ими работы мактабов являются получение обучающимися качественных базовых знаний по мусульманству (больше половины опрошенных), истории ислама (одна шестая часть), правильная процедура омовения и совершения намаза (каждый четвертый) и обучение чтению Корана (одна треть). При этом для учеников особого значения не имеют варианты ответов «удобное время обучения», «прививание нравственных установок» и иные положения, предложенные в вопросе «Чем Вам нравится обучение в примечетской школе?». Если посмотреть результаты ответов по образованию, то вариант «я получаю хорошие знания по основам ислама» подчеркнули 66,8% учеников со средним, 70,3% со средним специальным, 58,3% с высшим образованием, 61,3% «0–20 лет», 70,6% «21–39 лет» и 71,2% «40 лет и выше»; тезис «я узнаю много нового о появлении ислама и его распространении» разделяют 17,5% учеников со средним, 9,4% со средним специальным, 10,0% с высшим образованием, 19,9% «0–20 лет», 7,1% «21–39 лет» и 7,7% «40 лет и выше». Суждение «меня учат правильно делать омовение и совершать намаз» разделяют 11,2% учеников со средним, 12,5% со средним специальным, 15,0% с высшим образованием, 12,8% «0–20 лет», 9,4% «21–39 лет» и 11,5% «40 лет и выше». Вариант «меня учат читать Коран» отмечен 3,1% учеников со средним, 6,3% со средним специальным, 15,1% с высшим образованием, 4,5% «0–20 лет», 11,8% «21–39 лет» и 7,7% «40 лет и выше».

Наряду с позитивным отношением, имеет место и негативное отношение к мактабам и их работе, что отражено в следующей таблице (см. табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос: «Что Вам не нравится в примечетской школе?» (%)

Table 2 Distribution of answers to the question «What do you dislike about the school at the mosque?» (%)

Варианты ответов	Родители	Ученики
Плохие знания учителя	38,2	36,8
Неумение учителя доступно объяснять свой предмет	1,3	3,1
Неумение учителя найти общий язык	3,2	4,5
Грубость учителя	1,9	4,2
Физические наказания за незнание предмета	1,3	6,5
Отсутствие специального помещения для проведения занятий	28,8	11,0
Отсутствие программы обучения	5,7	6,8
Пожилые учителя, которые плохо объясняют предмет, их незнание актуальных для молодежи проблем, слабая материальная база примечетской школы	20,3	1,1
Отсутствие обучения светским знаниям	1,5	5,7
Заучивание религиозного текста наизусть, без понимания его содержания	1,3	1,7
Недостаточное знание преподавателями арабского языка	1,3	1,4
Отсутствие оборудованных учебных аудиторий	3,8	8,4
Однообразная, повторяющаяся программа	4,5	1,1
Все нравится	15,9	17,0

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Конечно, наряду с достоинствами мактабы имеют и определенные недостатки, на которые указали родители. Больше всего родителей беспокоит отсутствие оборудованных учебных аудиторий. Данные об этом в разрезе образования выглядят следующим образом: 14,3% со средним, 26,5% со средним специальным и 47,5% с высшим образованием. На плохие знания учителя указали 8,8% родителей со средним специальным и 2,5% с высшим образованием. Варианты ответов «неумение учителя доступно объяснять свой предмет» и «неумение учителя найти общий язык со своими детьми» подчеркнули по 2,9% родителей со средним и средним специальным образованием; также родители, имеющие высшее образование, указали на грубость учителя и физические наказания за незнание предмета (по 2,5%). Отсутствие специального помещения для проведения занятий обозначено 31,4% родителей со средним, 17,6% со средним специальным и 15,0% с высшим образованием, впрочем, как и отсутствие программы обучения: 8,6% родителей со средним, 5,9% со средним специальным и 2,5% с высшим образованием; также родителей со средним образованием волнует отсутствие обучения светским знаниям (5,7%), а 5,9% имеющих среднее специальное образование не устраивает заучивание религиозного текста наизусть, без понимания его содержания. Низкий уровень владения арабским языком у преподавателей волнует родителей со средним образованием (2,9%), а 5,7% со средним, 2,9% со средним

специальным и 7,5% опрошенных с высшим образованием как недостаток мактабов подчеркивают однообразность и повторяющуюся программу.

Если посмотреть данные опроса по ученикам, то 39,3% со средним, 30,6% со средним специальным и 3,3% с высшим образованием, 40,7% «0–20 лет», 39,7% «21–39 лет» и 19,5% «40 лет и выше» указывают на плохие знания учителя. Далее заучивание религиозного текста наизусть, без понимания его содержания не нравится 1,7% учеников со средним и 2,1% с высшим образованием, 2,3% в интервале «0–20 лет» и 1,5% «21–39 лет». Недостаточное знание преподавателями арабского языка подчеркивается 1,7% учеников со средним и 2,0% со средним специальным образованием, а также 2,3% в возрасте «0–20 лет». Далее 2,9% обучающихся со средним, 4,1% со средним специальным и 2,1% с высшим образованием, 3,2% «0–20 лет», 1,5% «21–39 лет» и 2,4% «40 лет и выше» указывают на неумение учителя доступно объяснять свой предмет. Неспособность учителя найти общий язык как недостаток в примечетской школе обозначен 5,0% учеников со средним, 2,0% со средним специальным и 4,2% с высшим образованием, 5,1% «0–20 лет» и 2,4% «40 лет и выше». Грубость учителя не устраивает 6,3% учеников, имеющих среднее образование, а также в возрастном разрезе «0–20 лет» (6,5%) и «40 лет и выше» (2,4%). Вариант ответа «физические наказания за незнание предмета» не нравится 7,1% учеников со средним, 4,1% со средним специальным и 4,2% с высшим образованием, 7,4% «0–20 лет» и 2,3% «40 лет и выше», а 10,9% со средним, 4,1% со средним специальным и 16,7% с высшим образованием, 9,3% «0–20 лет», 10,3% «21–39 лет» и 24,4% «40 лет и выше» указали на отсутствие специального помещения для проведения занятий. Отсутствие программы обучения обозначена 5,4% учеников со средним, 16,3% со средним специальным и 4,2% с высшим образованием, 5,6% «0–20 лет», 11,8% «21–39 лет» и 7,3% «40 лет и выше». Также ученикам не нравится то, что в мактабе преподают пожилые учителя, которые плохо объясняют предмет, их незнание актуальных для молодежи проблем – 1,7% со средним, 1,4% «0–20 лет», 1,5% «21–39 лет». Недостатком примечетской школы 4,2% учеников со средним, 10,2% со средним специальным, 10,4% с высшим образованием, а также 3,2% в возрасте «0–20 лет», 10,3% «21–39 лет» и 14,6% «40 лет и выше» указали на отсутствие обучения светским знаниям. Вместе с тем в целом по массиву ученикам ближе свободный ответ «все нравится», и на него указали 13,0% учеников в разрезе «0–20 лет», 23,5% «21–39 лет», 24,4% «40 лет и выше», 13,8% со средним, 26,5% со средним специальным и 22,9% с высшим образованием. Выбор свободного варианта ответа «все нравится» показывает отношение учеников к мактабу и учителю в целом, и оно является больше положительным, чем отрицательным.

Важным при организации мактабов является их обеспеченность учебными аудиториями, которые пригодны для проведения занятий. При проведении опроса было видно, что ученики занимают за партами, расставленными в ряд, или же за низкими партами, сидя на полу. Причем отдельного помещения для них не было – обучение велось в залах, в которых по пятницам проходит коллективный намаз верующих (рузман). Современные средства обучения (интерактивная доска, электронные средства обучения и т.д.) отсутствовали, по крайней мере, в тех населенных пунктах, в которых автор проводил опрос. Видимо, по этой причине родители одним из недостатков мактаба обозначили отсутствие специальных и оборудованных помещений. Также можно утверждать, что основной задачей мактабов является не только обучение основам исламской религии, мусульманской

этики и т.д., но и вовлечение слабо- и неверующего населения в мусульманскую общину, ориентирование их на следование и соблюдение базовых принципов вероучения, последователем которого человек является.

Изучение вопроса взаимоотношения ученика и преподавателя показывает, что вариант ответа «грубость учителя» отмечена в основном обучающимися, впрочем, как и отсутствие у учителя способности наладить коммуникацию с учениками, а также применение наказаний за неуспеваемость. В отличие от учеников, родители основной недостаток мактабов видят в том, что преподавателями являются пожилые учителя, которые плохо объясняют предмет и не интересуются проблемами подрастающего поколения. Поэтому важным является умение преподавателя найти общий язык с учеником, независимо от его возраста. На данный факт обращают внимание исследователи, которые занимаются вопросами исламской этики и эмпатии. Так, по мнению В.Р. Билялова и Т.Е. Седанкиной, «эмпатия является важнейшим профессиональным качеством имама – служителя религиозного культа, т.к. эмпатия – это эмоциональный отклик человека на переживания других людей, проявляющийся как в сопереживании, так и в сочувствии» [8, с. 32].

Далее в нашем опросе был задан вопрос, целью которого является выявление средств улучшения качества образования и преподавания в мактабах (табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что нужно делать для улучшения качества обучения в примечетской школе?» (%)

Table 3 Distribution of answers to the question «What do you think should be done to improve the quality of education in a school at the mosque»? (%)

Варианты ответов	%
Проводить республиканские конференции, круглые столы, на которых будут обсуждаться вопросы повышения квалификации преподавателей	27,1
Проводить беседы с преподавателями примечетских школ, чтобы обеспечить мусульманское образование, не противоречащее светскому характеру Российского государства	10,2
Организовать курсы повышения квалификации учителей примечетских школ	42,4
Обеспечить примечетские школы единой учебно-методической литературой (учебные программы, рабочие тетради, учебные пособия и т.д.)	20,3
Способствовать повышению квалификации педагогов, обеспечивать методикой	21,1

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

При изучении начального сегмента мусульманского образования, конечно, приходится принимать во внимание тот факт, что данное явление обладает определенным набором недостатков. Поэтому экспертам был задан вопрос «Как Вы думаете, что нужно делать для улучшения качества обучения в примечетской школе?», и полученные на него ответы показывают, что оптимизировать состояние в данном сегменте возможно, во-первых, через организацию курсов повышения квалификации учителей примечетских школ (29,8%), по возрасту и образова-

нию 58,8% в разрезе «20–30 лет», 28,0% «31–40 лет», 45,5% «41–50 лет» и 50,0% «50 лет и выше», 40,0% со средним, 80,0% со средним специальным, 35,9% с высшим образованием. Во-вторых, обеспечение примечетских школ единой учебно-методической литературой (учебные программы, рабочие тетради, учебные пособия и т.д.) отмечено 11,8% экспертов в возрасте «20–30 лет», 24,0% «31–40 лет», 27,3% «41–50 лет», 16,7% «50 лет и выше», 20,0% со средним, 10,0% со средним специальным, 23,1% с высшим образованием, по 25,0% имеющих начальное и высшее, 50,0% – среднее мусульманское образование. Важность проведения республиканских конференций, круглых столов, на которых будут обсуждаться вопросы повышения квалификации преподавателей, чтобы улучшить обучение в мактабах, предлагают 29,4% экспертов в возрасте «20–30 лет», 40,0% «31–40 лет», 9,1% «41–50 лет», а также 20,0% со средним, 10,0% со средним специальным и 30,8% с высшим образованием.

Одной из важнейших проблем религиозного образования является обеспечение религиозных учебных заведений педагогическими кадрами. Причем эта проблема имеет двусторонний характер: с одной стороны, преподаватели, хорошо владеющие религиозными знаниями, не всегда владеют методикой и методологией образовательного процесса. С другой стороны, к организации учебного процесса в религиозных учебных заведениях привлекаются преподаватели, в совершенстве владеющие методикой преподавания, но не представляющие специфики и сути религиозного образования. Следовательно, в целях решения проблем подготовки кадров для руководителей и преподавателей исламских учебных заведений ежегодно проводятся семинары и курсы повышения квалификации, что способствует улучшению качества профессионального религиозного образования, позволяет поднять уровень исламского религиозного образования и просвещения в России [9, с. 41]. При этом такой важный фактор, как проведение бесед с преподавателями примечетских школ, отмечен 8,0% экспертов в возрасте «31–40 лет» и 18,2% «41–50 лет», 20,0% со средним и 10,3% с высшим образованием, чтобы обеспечить получение мусульманского образования, не противоречащего светскому характеру Российского государства.

Одним из приоритетных направлений в работе мусульманских учебных заведений считается подготовка религиозных кадров, воспитание священнослужителей, готовых служить российской умме с учетом вековых традиций российского ислама. Не менее важной целью признается подготовка нового поколения мусульманской интеллигенции, способного активно участвовать в формировании высоконравственного общества. Однако в данной сфере все еще остается множество нерешенных проблем, связанных как с содержанием исламского образования, так и организацией учебного процесса, финансированием учебных учреждений, занятостью выпускников и пр. В этой связи в октябре-декабре 2008 г. Российским исламским университетом и Татарским государственным гуманитарно-педагогическим университетом при поддержке Духовного управления мусульман Республики Татарстан было проведено исследование в мусульманских учебных заведениях республики. В его рамках состоялся социологический опрос в целях изучения взглядов и оценок руководителей, преподавателей и учащихся медресе в отношении текущего состояния и перспектив развития религиозного образования [10, с. 46, 48]. Хотя опрос Р. Нуруллиной затрагивал процесс образования в медресе, он имеет прямое отношение к системе исламского образования вообще, поэтому представляется необходимым показать мнение, существующее в другой

мусульманской республике, в которой без преувеличения данная форма образования хорошо налажена и систематизирована (см. табл. 4).

Таблица 4 Распределение ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, можно улучшить в системе религиозного образования?» (%)

Table 4 Distribution of answers to the question: "What, in your opinion, can be improved in the system of religious education?" (%)

Варианты ответов	%
Изменить язык обучения	3,7
Улучшить религиозное обучение до медресе	5,9
Решить гендерный вопрос (раздельное обучение мужчин и женщин, соответствующий пол преподавателей)	3,3
Решить материальные проблемы учебных заведений	15,1
Улучшить воспитательную работу	3,7
Увеличить срок обучения или добавить количество часов на изучение отдельных дисциплин	2,2
Добавить (улучшить) практику	4,4
Решить кадровую проблему	8,5
Улучшить методику преподавания	8,1
Другое	25,5
Улучшений не требуется	9,2

Источник: составлено Р. Нуруллиной.

Source: compiled by R. Nurullina.

На следующей таблице приведены мнения шакирдов о путях оптимизации системы религиозного образования (см. табл. 5).

Таблица 5 Распределение ответов на вопрос: «Какие аспекты современного религиозного образования, по Вашему мнению, нуждаются в реформировании? В каком направлении?» (%)

Table 5 Distribution of answers to the question "What aspects of modern religious education, in your opinion, need to be reformed? In what direction?" (%)

Варианты ответов	%
Учебно-методическое обеспечение	19,2
Привлечение современных технологий	11,5
Вероубеждение	7,7
Другое	11,5
Реформировать нужно все	3,9
Реформы не нужны	3,9
Затрудняюсь ответить	42,3

Источник: составлено Р. Нуруллиной.

Source: compiled by R. Nurullina.

По результатам исследования Р. Нуруллиной сделан вывод: «Участники учебного процесса различного уровня едины в мнении, что система религиозного образования у нас в стране требует оптимизации. В число основных направлений совершенствования данной сферы могут быть включены: улучшение материально-технической базы медресе, повышение уровня преподавания и квалификации педагогов, обеспечение медресе учебной литературой, совершенствование воспитательной работы и т.д.» [10, с. 50].

Данные опроса показывают, что качество образования, а также имеющаяся система обучения в примечетской школе далеки от совершенства, но в целом заслуживают положительной характеристики мактабов учениками и самими родителями, несмотря на то, что в данной области имеются проблемы, которые необходимо решать. Но с другой стороны, как показывают результаты исследования, как ученики, так и родители в целом удовлетворены качеством предоставляемых примечетскими школами знаний, поэтому, по мнению автора, их существование вполне оправданно, потому что в них обучающиеся получают базовые знания по мусульманскому учению, они могут быть препятствием на пути распространения идей религиозного экстремизма, но вместе с тем тревогу вызывает отсутствие какого-либо контроля за их деятельностью со стороны официальной власти.

Заключение

Анализ качества обучения в мактабе показывает, что как самим родителям, так и детям нравится их учитель. При этом родители и ученики отношение преподавателя к себе оценивают как «очень хорошее» и «хорошее». Позитивное отношение к преподавателю отражается и на качестве обучения, которое родители и ученики характеризуют как «очень хорошее». Важным фактором позитивной оценки обучения в мактабе как родителями, так и учениками является получение хороших знаний по основам ислама. Кроме того, ученики отметили и другие варианты ответов, которые позволяют им положительно оценить обучение в примечетской школе, в частности новые знания об истории появления ислама и его распространения, обучение правильному совершению омовения и намаза, а также чтение Корана. Также преимуществами обучения являются близкое расположение мактабов, удобное время обучения, желание преподавателя примечетской школы учитывать интересы учеников, особенно взрослого поколения, их работа не только в будни, но и в выходные дни. Кроме того, ученикам в мактабах нравится доброжелательная атмосфера, индивидуальный подход учителя. Вместе с тем ученики отмечают и определенные недостатки, которые существуют в примечетской школе. Большей частью это невежливое поведение преподавателя, а также применение наказаний за неуспеваемость, вернее, за неправильное чтение текста Корана. При этом полноценному функционированию мактабов мешает отсутствие хорошо оборудованных, специальных учебных помещений. Также ученики указали на плохие знания учителя, но одна шестая часть опрошенных учеников в свободной графе написали, что их все устраивает в примечетской школе. Таким образом, данные опроса позволяют утверждать, что примечетские школы в полной мере удовлетворяют базовые потребности ученика в получении основополагающих знаний по исламу, исламской этике и учению. Но при этом, видимо, не стоит рассматривать мактабы как своего рода ступень, вернее, как место «поставки» учеников в медресе и исламские университеты. Как показывают результаты исследования, лишь небольшая часть учеников хотят получить, а их родители

стремятся дать своим детям только религиозное образование. Большинство, наоборот, выступают за оба вида образования (светское и богословское). В установках самих учеников имеет место ориентированность получить качественное светское образование, потому что они удовлетворены тем объемом знаний, который они получают или уже получили в примечетской школе.

Опрос показывает, что существование определенного отрицательного отношения к обучению в примечетской школе ставит вопрос о том, какие меры необходимо предпринять для улучшения качества обучения в мактабах. Эксперты считают, что для повышения качества обучения в примечетской школе необходимо: а) проводить республиканские конференции, круглые столы, на которых будут обсуждаться вопросы повышения квалификации преподавателей; б) проводить беседы с преподавателями примечетских школ, чтобы обеспечить мусульманское образование, не противоречащее светскому характеру Российского государства; в) организовать курсы повышения квалификации учителей примечетских школ; г) обеспечить примечетские школы единой учебно-методической литературой (учебные программы, рабочие тетради, учебные пособия и т.д.); д) способствовать повышению квалификации педагогов, обеспечивать методикой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Омаров Абдулла Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып I. – Тифлис, 1868; Багатырадаева А.Р. Формирование и развитие культурно-образовательных учреждений в процессе становления культурно-образовательного пространства в Дагестане во II половине XIX века // Известия Дагестан. гос. пед. ун-та. Психолого-педагогические науки. – 2013. – № 2 (23); Нефляшева Н.А. Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – 2009. – № 4; Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. – Махачкала, 2001; Темиров А.М. Состояние мусульманского конфессионального образования в Дагестане в 20-е годы XX века // Этносоциум и межнациональная культура. – 2008. – № 3 (11); Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и в настоящем // Вестник Евразии. – 2003. – Вып. 2.
2. Hassen Y. Making Muslims: The Politics of Religious Identity Construction and Victoria's Islamic Schools // Islam and Christian – Muslim Relations. – 2013. – Vol. 24, № 4. – Pp. 501-517; Berglund J., Gent B. Believing, belonging and behaving: some considerations when teaching about Islam // URL: https://www.su.se/polopoly_fs/1.385561.1526389353!/menu/standard/file/ (дата обращения: 02.08.2019); Hills P. A Normative Approach to the Legitimacy of Muslim Schools in Multicultural Britain // URL: <https://schoolsweek.co.uk/a-normative-approach-to-the-legitimacy-of-muslim-schools-in-multicultural-britain> (дата обращения: 07.08.2019); Meer N. Muslim schools in Britain: challenging mobilisations or logical developments? // URL: <https://scholar.google.ru/citations?user> (дата обращения: 02.08.2019).
3. Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009: Сб. науч. трудов. –

- Махачкала, 2009; Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009: Сб. науч. трудов. – Махачкала, 2009.
4. Кашаф Ш.Р. Конструктивный диалог в Махачкале о проблемах и перспективах развития теологического образования в России // Минбар. Исламские исследования. – 2018. – № 11(4). – С. 907-931. DOI: 10.31162/2618-9569-2018-11-4-907-931.
 5. Там же.
 6. Шангараев Р. Проблемы религиозного образования: состояние учебно-методического обеспечения мусульманских религиозных учебных заведений (медресе) Республики Татарстан // Минбар. Исламские исследования. – 2011. – № 2(8). – С. 4-16.
 7. Патеев Р. Россия: проблемы кооптации выпускников исламских вузов в официальное мусульманское духовенство (на примере Дагестана) // Кавказ и глобализация. – 2008. Т. 2. – Вып. 3. – С. 150-160.
 8. Билялов В.Р., Седанкина Т.Е. Проблемы эмпатии имамов в процессе обучения в азовском медресе // Минбар. Исламские исследования. – 2015. Т. 8. – № 1. – С. 27-33.
 9. Седанкина Т.Е. Современные проблемы образования в религиозно-нравственной сфере // Минбар. Исламские исследования. – 2013. Т. 6. – № 1. – С. 37-44.
 10. Нуруллина Р. Оптимизация системы мусульманского образования в Республике Татарстан: мнения и оценки преподавателей и учащихся медресе // Минбар. Исламские исследования. – 2012. – № 1(8). – С. 46-50.

REFERENCES

1. Omarov Abdulla Vospominaniya mutalima [Memoirs of mutalim] // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah [Collection of information about the Caucasian mountaineers]. Vyp I. Tiflis, 1868; Bagatyradaeva A.R. Formirovanie i razvitie kul'turno-obrazovatel'nyh uchrezhdenij v processe stanovleniya kul'turno-obrazovatel'nogo prostranstva v Dagestane vo II polovine XIX veka [Formation and development of cultural and educational institutions in the process of formation of cultural and educational space in Dagestan in the second half of the 19th century] // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki [Proceedings of Dagestan state pedagogical University. Psychological and pedagogical Sciences]. 2013. No. 2 (23); Neflyasheva N.A. Musul'manskoe obrazovanie na Severo-Zapadnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Muslim education in the North-West Caucasus (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie [Vestn. Mosk. Un-ty. Ser. 13. Oriental Studies]. 2009. No. 4; Shihsaidov A.R., Tagirova N.A., Gadzhieva D.H. Arabskaya rukopisnaya kniga v Dagestane [Arabic handwritten book in Dagestan]. Mahachkala, 2001; Temirov A.M. Sostoyanie musul'manskogo konfessional'nogo obrazovaniya v Dagestane v 20-e gody XX veka [The state of Muslim confessional education in Dagestan in the 20s of the 20th century] // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura [Ethnic society and ethnic culture]. 2008. No. 3 (11); Yarlykapov A.A. Islamskoe obrazovanie na Severnom

- Kavkaze v proshlom i v nastoyashchem [Islamic education in the North Caucasus past and present] // Vestnik Evrazii [Bulletin of Eurasia]. 2003. Vyp. 2. (In Russ.)
2. Hassen Y. Making Muslims: The Politics of Religious Identity Construction and Victoria's Islamic Schools // Islam and Christian – Muslim Relations. 2013. Vol. 24, № 4. Pp. 501-517; Berglund J., Gent B. Believing, belonging and behaving: some considerations when teaching about Islam // URL: https://www.su.se/polopoly_fs/1.385561.1526389353!/menu/standard/file/ (data obrashcheniya: 02.08.2019); Hills P. A Normative Approach to the Legitimacy of Muslim Schools in Multicultural Britain // URL: <https://schoolsweek.co.uk/a-normative-approach-to-the-legitimacy-of-muslim-schools-in-multicultural-britain> (data obrashcheniya: 07.08.2019); Meer N. Muslim schools in Britain: challenging mobilisations or logical developments?// URL: <https://scholar.google.ru/citations?user> (data obrashcheniya: 02.08.2019).
 3. Shahbanova M.M. Etnokonfessional'nye osobennosti Respubliki Dagestan [Ethno-religious features of the Republic of Dagestan] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk – 2009. Sbornik nauchnykh trudov [Actual problems of the Humanities-2009. Collection of scientific papers]. Mahachkala, 2009; Shahbanova M.M. Mesto religii v processe formirovaniya kul'tury mezhnacional'nogo obshcheniya [The place of religion in the process of forming a culture of interethnic communication] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk–2009. Sbornik nauchnykh trudov [Actual problems of the Humanities-2009. Collection of scientific papers]. Mahachkala, 2009.(In Russ.)
 4. Kashaf Sh.R. Konstruktivnyj dialog v Mahachkale o problemah i perspektivah razvitiya teologicheskogo obrazovaniya v Rossii [Constructive dialogue in Mahachkala on the problems and prospects of the development of theological education in Russia]. Minbar. Islamskie issledovaniya [Minbar. Islamic Studies]. 2018. No. 11(4). Pp. 907-931. DOI: 10.31162/2618-9569-2018-11-4-907-931.(In Russ.)
 5. Tam zhe.
 6. Shangaraev R. Problemy religioznogo obrazovaniya: sostoyanie uchebno-metodicheskogo obespecheniya musul'manskih religioznykh uchebnykh zavedenij (medrese) Respubliki Tatarstan [Problems of religious education: the state of educational and methodological support of Muslim religious educational institutions (madrassas) of the Republic of Tatarstan]. Minbar. Islamskie issledovaniya [Minbar. Islamic Studies]. 2011. No. 2(8). Pp. 4-16.(In Russ.)
 7. Pateev R. Rossiya: problem kooptacii vypusknikov islamskih vuzov v oficial'noe musul'manskoe duhovenstvo (na primere Dagestana) [Russia: problems of cooptation of graduates of Islamic universities into the official Muslim clergy (on the example of Dagestan)]. Kavkaz i globalizaciya [The Caucasus & Globalization]. 2008. T. 2. Vyp. 3. Pp. 150-160.(In Russ.)
 8. Bilyalov V.R., Sedankina T.E. Problemy empatii imamov v processe obucheniya v azovskom medrese [The problem of empathy of imams in the process of training in the Azov madrasah]. Minbar. Islamskie issledovaniya [Minbar. Islamic Studies]. 2015. T. 8. No. 1.Pp. 27-33.(In Russ.)
 9. Sedankina T.E. Sovremennye problem obrazovaniya v religiozno-nravstvennoj sfere [Modern problems of education in the religious and moral sphere]. Minbar. Islamskie issledovaniya [Minbar. Islamic Studies]. 2013. T. 6. No. 1. Pp. 37-44.(In Russ.)

10. Nurullina R. Optimizaciya sistemy musul'manskogo obrazovaniya v Respublike Tatarstan: mneniya i ochenki prepodavatelej i uchashchihsya medrese [Optimization of the Muslim education system in the Republic of Tatarstan: opinions and assessments of teachers and students of madrasas]. Minbar. Islamskie issledovaniya [Minbar. Islamic Studies].2012. No. 1(8). Pp. 46-50. (In Russ.)

Информация об авторе: Рамазанов Рашид Омариевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела социологии, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
SPIN-код: 5809-4724,
ORCID id:0000-0002-3188-4596,
Web of Science ResearcherID: AAZ-9836-2020,
Email: rashram@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ramazanov Rashid Omarievich, Ph.D. in political studies, researcher in Department of Sociology, Institute of History, Archeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Center Russian Academy of Science,
SPIN-код: 5809-4724,
ORCID id: 0000-0002-3188-4596,
Web of Science ResearcherID:AAZ-9836-2020,
Email: rashram@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.12.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 16.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Социология культуры, духовной жизни
Sociology of Culture, spiritual Life

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-70-78
УДК 316.37

**Ч. АЙТМАТОВ О ГЛУБОКОЙ ПРОПАСТИ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ
И ЖИВОЙ, СТРАДАЮЩЕЙ ПРИРОДОЙ
И ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СЕГОДНЯ**

ТОКТОСУНОВА Адаш Искендеровна

Общественное объединение «Диалог культур и цивилизаций»
Бишкек. Кыргызстан
e-mail: adaisken@yahoo.com

АЛЫМБАЕВА Тамара Бердиматовна

Учебно-образовательного
центра «Жарык»
Бишкек. Кыргызстан
e-mail: tomaalymbaeva77@gmail.com

Аннотация. Отношения кочевников-кыргызов с природой тысячелетиями складывались как отношения «мать - дитя» - глубокое чувство почитания Природы и бережного, трепетного к ней отношения. В условиях пространственного мироощущения и свободы у кочевников не сформировалась устойчивая политическая вертикаль и сакральность власти. Властную и просветительскую роль играла сама природа, диктуя свои суровые законы выживания, а также старшее поколение, которое передавало по эстафете новому поколению традиционные знания, ценности, опыт и навыки.

Новое время, новая цивилизация поглотили традиции кочевой цивилизации. Особенность современной глобализации – экспансия природы, её сырьевых ресурсов, политико-экономическая экспансия стран и народов, превращение мировой культуры в примитивную масс-культуру. А экологический гуманизм и вовсе забыт.

В творениях нашего великого земляка, писателя Чингиза Айтматова возрождается трепетное отношение к Матери-Природе. Писатель проявляет не только глубокое понимание внутренней сущности человека и его поступков, но также живо и достоверно постигает мысли и чувства наших братьев меньших, животных, птиц и зверей, всех обитающих рядом с нами под общим небом.

Как вернуть традиционные знания, ценности, опыт, моральные и духовные качества, которые были присущи кочевникам-кыргызам? Что должно произойти, чтобы мы задумались об этом? На эти вопросы пытаются найти ответ авторы статьи «Как преодолеть глубокую пропасть между людьми и живой природой?». Они обосновывают системный подход к формированию экологического сознания через внедрение в сознание людей новой меры ценностей по отношению к себе и к природе.

Ключевые слова: Ч. Айтматов, природа, мировоззрение кочевников, экологический гуманизм,

Для цитирования: Токтосунова А.И., Алымбаева Т.Б. Ч. Айтматов о глубокой пропасти между людьми и живой, страдающей природой и формирование экологического сознания сегодня. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 70-78
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-70-78

Original article

CHINGHIZ AITMATOV ABOUT A PRECIPICE BETWEEN PEOPLE AND ALIVE SUFFERING NATURE AND THE FORMATION OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS

Adash I. **TOKTOSUNOVA**

Doctor of Political Science, Professor
«Dialogue of Cultures» Public Association
Bishkek, Kyrgyzstan
e-mail: adaisken@yahoo.com

Tamara B. **ALYMBAEVA**

“Zharyk” Educational Center
Bishkek, Kyrgyzstan
e-mail: tomaalymbaeva77@gmail.com

Abstract. Relations of Kyrgyz nomadic people with Nature developed for millennia as relations of “mother-and-child” fostering deep respect for Nature and careful attitude to it. Under the conditions of nomads’ spatial world view and freedom, a steady political vertical and sacral power was not formed among nomadic people. The role of power and education belonged to Nature itself dictating its severe laws of survival and to elder generations who transferred traditional knowledge, experiences, values, and skills to younger generations.

The new times and new civilizations have absorbed traditions of the nomadic civilization. Contemporary globalization is characterized by expansion of nature and its resources, political-economic expansion of countries and nations, transformation of the world culture into a primitive mass-culture. And ecological humanism is totally forgotten.

The works of our great compatriot and writer Chinghiz Aitmatov revive the careful and tender attitude to Mother-Nature. The writer reveals not only deep understanding of internal essence of humans and their actions, but also perceives feelings and thoughts of our “smaller fellows”, pets, birds, and animals living near us under the one sky.

How to restore traditional knowledge, experience, moral and spiritual values which were so common to Kyrgyz nomadic people? What must happen to make us think about it? The authors of the article “*How to overcome a deep precipice between humans and*

alive nature?" seek to find answers to these questions. They substantiate a systematic approach to the formation of ecological consciousness through introduction to the minds of people of a new measure of values related to humans and nature.

Keywords: Chinghiz Aitmatov, nature, outlook of nomadic people, ecological humanism

For citation: Toktosunova A.I., Alymbaeva T.B. Chinghiz Aitmatov about a precipice between people and alive suffering nature and the formation of ecological consciousness. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 70-78. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-70-78

Человечество сегодня оказалось перед альтернативой: либо сохранить сложившийся тип деятельности и погибнуть в экологической катастрофе, либо кардинально изменить его и сохранить природу для жизни всех последующих поколений.

Хотелось бы напомнить, что трепетное отношение к природе как сына к матери (Умай-эне) складывалось между кочевником и окружающим миром природы тысячелетиями. И этот гармоничный уклад рождал симфоническое созвучие, которое проявлялось в деятельностной и духовной полноте жизни кыргыза-кочевника. Идея единства с природой в мировоззрении кыргызов понималась как гибкость законов существования и духовная открытость к новому, повышенная адаптивность к окружающему миру. Универсальность, гармония проявлялась как в ценностном разнообразии норм, традиций, обычаев и идеалов, так и в социальной организации народной жизни через развитую родоплеменную сеть – санжыра.

Принципы социального равенства и развитые демократические механизмы общественной со-организации кыргызов опирались на духовные скрепы и глубокое чувство почитания Природы и бережного к ней отношения. В условиях такого пространственного мироощущения и свободы у кочевников не сформировалась устойчивая политическая вертикаль и сакральность власти. Властную и просветительскую роль играла сама природа, диктуя свои суровые законы выживания, такую же роль играло и старшее поколение, которое передавало по эстафете новому поколению традиционные знания, ценности, опыт и навыки.

В XX веке поменялись алгоритмы устоявшегося миропорядка кыргызов, новые порядки пошатнули фундаментальные многовековые, патриархальные устои традиционной кочевой жизни кыргызов, устоявшиеся представления о мире и социальных взаимоотношениях кочевых племён. На глазах разрушались привычки, обычаи и традиции, формировавшиеся в течение многих столетий, которые привели к социально-политическому разлому и психологическому стрессу.

Новое время, новая цивилизация окончательно поглотили традиции кочевой цивилизации. Особенность современной глобализации – экспансия природы, её сырьевых ресурсов, политико-экономическая экспансия стран и народов, превращение мировой культуры в примитивную масс-культуру. А экологический гуманизм вообще отброшен на свалку истории и вовсе забыт.

Этно-экологические знания, ценности наших предков стали забываться, а кыргызы из непокорных кочевников стали превращаться в безвольных манкуртов. Какое досадное историческое недоразумение – современные кыргызы стали терять высокие моральные и духовные качества. Такие присущие свободолюбивым кочевникам качества как: гордость, честность, порядочность, мудрость, толерантность (*сабырлуулук*), человечность, уважительное отношение к Природе, к родителям, старшим, подлинную культуру, язык. А ведь дикая природа была для кыргыза вечным учителем жизни.

В творениях нашего великого писателя Чингиза Айтматова возрождается трепетное отношение к Природе-Матери, свойственное многим нашим замечательным сказителям и акынам Молдо Кылычу, Тоголок Молдо, Токтогулу, Саякбаю Каралаеву и многим другим, не мыслившим человека отдельно от природы. И не случайно многие творения Ч.Айтматова начинаются со сцен жизни наших братьев по крови, с проникновения и приобщения к миру их чувств и переживаний. В этих творениях одухотворены не только животные, но и все природные стихии. И это не просто художественный прием, а постижение единства с миром, который нас породил и которому мы обязаны не только физическим существованием, но и даром духовного постижения.

Ч.Айтматов продолжает и развивает великую традицию мировой литературы – традицию воплощения единства мира и человека. Человек становится одухотворением природы не через противостояние, не через борьбу и покорение, а через срастание в неразделимое единство. Постигание человека соединяется с постижением всех живых существ, населяющих планету. Писатель проявляет не только глубокое и тонкое понимание внутренней сущности человека и его поступков, но удивительно живое и достоверное постижение мыслей и чувств наших братьев по крови, птиц и зверей, всех обитающих рядом с нами под общим небом. Да, именно мыслей, ибо животные тоже мыслят. Не так, как человек, но мыслят. И животные тоже по-своему страдают и любят, верят и обманываются. И тоже надеются. И этот их внутренний мир с удивительной проницательностью и точностью изображен Ч. Айтматовым.

В эпоху самоубийственной раздробленности сознания и желаний субъектов потребительского общества, рыночной и политической конкуренции, коммерциализации всего и вся, когда наука и техника обслуживают ближнюю выгоду, уничтожающую будущее, объёмное и всестороннее видение писателем жизни, жизни именно как планетарного явления, становится особенно актуальным.

Эколог Эмиль Шукуров вспоминает, как его потрясла история с волками в «Плахе». И на своей встрече с Чингизом Айтматовым, которая состоялась на берегу Иссык-Куля. Тогда Э.Шукуров высказал свои восторженные отзывы о столь точном описании степных волков, во многом отличающихся от горных. Это описание достойно профессионального специалиста по этологии – науки о поведении животных. И оба заговорили о глубокой и всё расширяющейся пропасти между людьми и живой, страдающей природой, брошенной под ноги сиюминутной корысти. А затем Айтматов с горечью добавил: «Отдельные бесчестные грабят, разрушают и разворовывают природные богатства, убивают саму Жизнь на планете при почти полном безразличии и бездействии всех остальных. И не только разрушители природы и равнодушные и недобросовестные власти повинны в

этом беспределе. Вина лежит и на пассивных свидетелях, не желающих ничего знать и видеть»¹.

В «Белом пароходе» Э. Шукурова поразила способность Айтматова к симфонизму звучания образов его главных героев и органичное вхождение в их круг волшебной Матери-оленихи. Он отметил, что «это современная правдивая сказка, вобравшая в себя и представления наших предков и современное понимание пагубности грубого нарушения права естественной жизни на полноценное существование. Неиспорченное сознание мальчика не может с этим смириться, и он символично разделяет с природой ее печальную участь»².

Сегодня наше кыргызстанское общество сильно расслоилось и в стране образовалось много необразованного или полуобразованного охлоса³. Мы уже смиряемся с такими неизвестными ранее у кочевников «нормами жизни» как алчность, бездушие, леность, беспечность, зависть, угодничество, эгоизм, и даже жестокостью, доходящую до мракобесия. Всё это стало возможным из-за потери традиционных ценностей, дефицита духовности, культуры, человечности и недостаточности образования, просвещения в наше время. И театр, и литература, и кино – всё выродилось и обесценилось. Искусство утратило свои традиции и не нашло пока новых идеалов. Как вернуть эти моральные и духовные качества, что должно произойти, чтобы мы задумались об этом?

Мы не осознаём опасности, которое несёт это новое время с «клиповым мышлением» для образования, формирования духовного мира, особенно у маленьких детей, подростков, молодёжи. Их как раньше, уже не воспитывают бабушки и дедушки, наделённые чутьем глубинных народных знаний, которые через мудрые сказки, игры, пословицы и поговорки раньше прививали духовность, доброту, нравственные установки, ценности, правильное поведение. Если бы не было няни Арины Родионовны – хранительницы народной мудрости, вряд ли появился бы гениальный поэт А.С.Пушкин.

А великий сказитель, манасчы Саякбай Каралаев, которого Чингиз Айтматов назвал Гомером XX века, впервые услышал отрывки из кыргызского народного эпоса «Манас» в раннем детстве от своей бабушки Дакиш[1]. Сегодня такой преемственности передачи знаний от поколения к поколению нет. Ведь не случайно выдающийся советский философ Мираб Мамардашвили сравнил глубинные народные знания с книжным шкафом, ключ от которого потерял. Сегодня функции формирования знаний, духовного мира переложены на детский сад, школу, вуз. Тотальная всеобщность, усредненность образования, в том числе экологического, не говоря уже о передаче традиционных знаний, народной мудрости, ведёт к стандартизации и примитивности мышления и воспитателей и воспитуемых.

Мир рассыпается, деградирует, духовность падает во всем мире, её место заняли индивидуализм, прагматизм, эгоизм. Человечество переходит к новой,

¹ Шукуров Э. Дж. Из неопубликованного. Статья «Чингиз Айтматов и живая природа».

² Шукуров Э. Дж. Там же.

³ Охлос-охлократия (от греческого охлос-толпа) – это власть толпы, сброда, бандитов. Это извращенная форма демократии, основанная не на законах, а на меняющихся настроениях толпы, действующей под влиянием демагогов, мракобесов и экстремистов. Охлократия появляется обычно в период Безвременья.

цифровой эре – универсализации всех средств информации. И мы ещё не осознаём всей той угрозы, которая несёт эта «цифровизация» для политики, социально-экономической жизни, культуры в условиях глобализации. И самое непростительное – человек вмешался в природу, разрушает её, не осознавая, что это хрупкая система. Из-за того, что мы забыли о долге перед Матерью-Природой, а беспечно, эгоистично думаем только о своей выгоде, удобстве, мы вогнали себя в замкнутый круг и «дружно» идём под откос.

Поэтому как никогда актуален системный подход к формированию экологического сознания населения различных регионов страны, особенно молодёжи. Такой подход предполагает совершить серьёзную духовную и интеллектуальную функцию общества – внедрить в сознание людей **новую меру ценностей по отношению к себе и к природе**. Т.е. главной задачей в формировании экологического сознания, мышления, культуры, (от детского сада до пенсионеров) является:

- отказ от антропоцентризма, когда при решении любых проблем общества приоритет отдается факторам природным, а не социально-экономическим;
- выдвижение на первый план и признание особой социальной ценностью экологических благ, обеспечивающих сохранение природы, максимальную продолжительность жизни человека и минимальную его заболеваемость;
- формирование у всех социальных слоев населения экологоцентрического сознания, мышления, культуры или экоцентризма.

Экологоцентрическое мышление или экоцентризм – это индивидуальная и коллективная (общественная) способность сознавать неразрывную связь каждого отдельного человека и всего человечества в целом с целостностью и относительной неизменностью естественной среды обитания человека, когда при решении любых проблем общества приоритет отдается факторам природным, а не сиюминутным, экономическим. Это **осознание, умение и привычка** действовать в отношении к природе как отношение сына к матери, не нарушая связь и круговорот природной среды. А природная среда, в свою очередь, обеспечивает экологические блага, способствует максимальной продолжительности жизни человека и минимальную его заболеваемость, способствует улучшению качества жизни нынешнего и будущих поколений людей. Вот такой логически замкнутый, естественный, гармоничный круг «Человек-Природа»!

Каковы пути формирования экологического сознания и экологической культуры общества, что для этого требуется? Прежде всего, для этого необходимо:

- система экологического образования, просвещения и воспитания, формирующая экологические знания и культуру, экологические ценности и идеалы, основанные на лучших традициях прошлого;
- система экологического законодательства, экологизация всей правовой системы;
- информационная система, обеспечивающая получение экологической информации всеми социальными группами населения;
- система экологического менеджмента, экологизация хозяйственной деятельности;

- развитие высоких, биосферо-совместимых технологий, использование вторичных ресурсов;
- развитие гражданских экологических инициатив, общественных экологических организаций;
- повышение статуса экологических проблем в общественном сознании, формирование действенной экологической политики государства;
- участие в международных программах, нацеленных на сохранение биосферы в глобальном масштабе.

В начале 2020 года весь мир столкнулся с небывалой катастрофой – пандемией коронавируса, COVID-19. Мы считаем, что это Природа восстала против насилия над ней, человечеству дан вызов, и всем нам даётся шанс переосмыслить: либо мы поднимемся выше своего эгоизма, либо мы придём к самоуничтожению. История – ключевой момент, чтобы с высоты XXI века посмотреть на наше экологическое прошлое, и сделать «работу над ошибками» сегодня, здесь и сейчас – пересмотреть эффект глобализации, мировой экономики, которые и породили конфликт человека и Природы.

Время не только сделать выводы, пересмотреть своё место в системе «человек - природа», но и поменять своё сознание, задуматься о том, о чём мы раньше никогда не думали. Пандемия – это испытание для всего человечества. Это время дано чтобы встряхнуться и противостоять всем миром против катастрофы и привести людей, народы, страны, прежде всего, политиков – к уважительному, почтительному отношению к природе, а затем – к миру, согласию, диалогу между собой, независимо от своих мировоззренческих, политических, религиозных убеждений.

Опытный советский и кыргызстанский дипломат, отличающийся особой мудростью Государственный секретарь КР, мыслитель, философ, профессор ряда вузов Кыргызстана Ишенбай Абдуразаков в 1997 году, выступая на Форуме с докладом, сделал очень важное заключение, которое сегодня звучит как политическое завещание для нас, для потомков: «Строительство нового общества вовсе не означает начало новой страницы. В любой реформации важно обеспечить связь времён и поколений, опору на жизнеспособные духовные ценности и социальные завоевания»[2]. (Подчёркнуто нами, ТАИ).

Эта максима должна стать основой нашей национальной идеологии, нравственным законом нашей жизни, основополагающим принципом в деятельности всех людей, всех организаций, всего общества. Она же стала главным принципом нашей Общественной организации «Диалог культур и цивилизаций» и главной задачей, которую мы подняли в созданной нами этно-, эко-, агро-, туристической школе «Табият». Мы будем следовать этой идее и вносить свой вклад в решение этой, как оказалось, глобальной проблемы – преобразовывать традиционные знания и ценности, культурное достояние прошлого в интеллектуально-духовный потенциал современной личности и социума. И будем решать эту задачу через формирование экологического сознания, экологической культуры населения, особенно молодёжи.

И в заключение хотелось бы процитировать другого великого кыргыза, гражданина мира, о котором мы говорили выше, писателя Чингиза Айтматова, который ещё в советское время предвидел происходящие сегодня природные катаклизмы и поднимал экологические проблемы практически во всех своих про-

изведениях. В 2003 году в одном из интервью он сказал: «...А меня сейчас больше всего волнует вопрос доброты, гуманности. Как оградить человека, как сохранить то, что даёт природа? Как не растерять связь с ней, и тем, что заложено в нас нашими предками, как остаться человеком, защитить, не дать разрушить, и передать потомкам удивительный мир безумно красивой нашей планеты? (Подчёркнуто нами, ТАИ). Будем надеяться, что хаос породит что-то новое. Я думаю, что так, в конце концов, и произойдет»[3].

Человечество сейчас оказалось перед альтернативой: либо сохранить сложившийся тип деятельности и погибнуть в экологической катастрофе, либо кардинально изменить его и сохранить природу для жизни всех последующих поколений. Формирование новой меры ценностей по отношению к себе и к природе, экологического сознания и культуры способно и должно помочь человеку осознать современные реалии!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/famous-personalities/kyrgyz-musicians/1570-sayakbay-karalaev-18941972.html>
2. Доклад И.А. Абдуразакова на Форуме «Национальная стратегия Устойчивого Человеческого Развития в Кыргызской Республике». Бишкек: 1998. - С.81.
3. Интервью Чингиза Айтматова, опубликовано в Vesti.kg 2 февраля 2016 г. URL:<https://vesti.kg/obshchestvo/item/38949-neopublikovannoe-intervyu-chingiza-aytmatova.html>

REFERENCES

1. URL:<https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/famous-personalities/kyrgyz-musicians/1570-sayakbay-karalaev-18941972.html>
2. Report of I. A. Abdurazakov at the Forum "National Strategy for Sustainable Human Development in the Kyrgyz Republic". Bishkek: 1998. - P. 81.
3. Interview with Chingiz Aitmatov, published in Vesti.kg February 2, 2016. URL:<https://vesti.kg/obshchestvo/item/38949-neopublikovannoe-intervyu-chingiza-aytmatova.html>

Информация об авторах: Токтосунова Адаш Искендеровна – доктор политических наук, профессор, председатель ОО «Диалог культур и цивилизаций»
Бишкек. Кыргызстан
e-mail: adaisken@yahoo.com

Алымбаева Тамара Бердиматовна – старший преподаватель Учебно-образовательного центра «Жарык»
Бишкек. Кыргызстан
e-mail: tomaalymbaeva77@gmail.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Adash Toktosunova, Doctor of Political Science, Professor, Head of "Dialogue of Cultures" Public Association

Bishkek. Kyrgyzstan
e-mail: adaisken@yahoo.com

Tamara Alymbaeva, Senior Teacher, "Zharyk" Educational Center
Bishkek. Kyrgyzstan
e-mail: tomaalymbaeva77@gmail.com

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 28.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 18.02.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 23.02.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / The authors declare no conflicts of interests

Социология культуры, духовной жизни
Sociology of Culture, spiritual Life

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-79-92

УДК 316.37

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОДЕЖДЫ И ОБЫЧАЕВ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ
ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН
(НА ПРИМЕРЕ ОРОЧОНОВ И МАНЬЧЖУРОВ)**

Чжан Ян

Хэйхэский университет

г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай

ORCID id: <https://orcid.org/0000000152076005>

e-mail: 1684929245@qq.com

Ван Сюэтао

Хэйхэский университет

г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай

Анотация: Национальная одежда и украшения являются своего рода символом той или иной нации. Такие факторы, как различные условия жизни, культура, история и другие, приводят к их большому разнообразию. Каждая нация имеет свои уникальные одежду и украшения, исследуя которые можно глубже понять национальную культуру и увидеть их уникальную культурную ценность. Используя аналитический метод и взяв в качестве примера малые народности Хэйлундзяна, сравним национальную одежду, украшения и обычаи, изучим одежду и украшения маньчжуров и орочонов. Посредством анализа одежды четко определим отличительные особенности одежды малых народностей и факторы, обусловившие их различия. Затем предложим рациональную стратегию долгосрочного развития национальной одежды в Китае.

Ключевые слова: провинция Хэйлунцзян, малая народность, национальная одежда, культура

Для цитирования: Чжан Ян, Ван Сюэтао, Сравнительный анализ одежды и обычаев малых народностей провинции Хэйлунцзян (на примере орочонов и маньчжуров). // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 79-92

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-79-92

Original article

A COMPARATIVE STUDY OF HEILONGJIANG MINORITY COSTUMES AND CUSTOMS (TAKING OROQEN AND MANCHU AS EXAMPLES)

Zhang Yang

Heihe University

Heihe City, Heilongjiang Province, China

ORCID id: <https://orcid.org/0000000152076005>

e-mail: 168492945 @ qq.com

Wang Xuetao

Heihe University

Heihe City, Heilongjiang Province, China.

Abstract: National clothes and jewelry, one might say, are the symbol of a particular nation. Such factors of influence as, different living conditions, culture, history and others, lead to their great diversity. Each nation has its own unique clothing and jewelry, exploring them you can even deeper understand the national culture and see the unique cultural value. Using the analytical method, and taking as an example the small peoples of Heilunjiang, let us compare the national dress, jewelry and customs, study the clothing and jewelry of the Manchus and Orochon. Analyzing from the point of view of clothing, we will study its functions even more and determine the factors of difference at this stage. Through the analysis of clothing, we will clearly define the distinctive features of clothing of various small nations and the factors of their difference. Then, we will propose a rational development strategy to promote the long-term development of national dress in China.

Keywords: Heilongjiang, small ethnic group, National clothes, culture

For citation: Zhang Yang, Wang Xuetao, A Comparative Study of Heilongjiang Minority Costumes and Customs (taking Oroqen and Manchu as examples). *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 79-92 . (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-79-92

Благодарность: проект специального фонда университета Хэйхэ для основных научных исследований университетов в провинции Хэйлуцзян в 2020 году (название проекта: «Исследование обычаев и нравов малых народностей вдоль побережья Хэйлуцзян на примере орохонов и маньчжуров»; код: 2020-KYYWF-0876).

Acknowledgement: Heihe University Special Fund Project for Basic Research of Universities in Heilongjiang Province in 2020 (project title: Study of the customs and mores of small peoples along the Heilongjiang coast, using the example of the Orochon and Manchu; code: 2020-KYYWF-0876).

Введение. Национальная одежда малых народностей является важной составляющей китайской культуры, поскольку обладает положительным влиянием в культурном наследии и развитии малых народностей. После тысячелетий непрерывного развития национальная одежда уже не просто имеет формальное, утилитарное назначение, но является выражением национальной культуры и эс-

тетрики, отражающей дух нации. Китай – это многонациональная страна, которая включает 56 уникальных народностей, имеющих характерные различия в национальной одежде и демонстрирующих их уникальную ценность.

В северо-восточном районе Китая, в силу географических особенностей, проживает большое количество малых народностей, что отразилось в разнообразии национальной одежды, особенно в районе бассейна реки Хэйлунцзян. Обладая богатыми, нарядными, узорчатыми и красочными чертами, формируется уникальность культуры национальной одежды малых народностей, проявляющаяся в оригинальных характеристиках. Исследование маньчжурской и орошонской народностей начнем с плечевой, поясной одежды и украшений.

1. Плечевая одежда

Короткая плечевая одежда

Короткая плечевая одежда, распространенная у малых народностей Китая, обладает высокой степенью практичности. Существует довольно много видов короткой плечевой одежды, таких как магуа (куртка, надеваемая поверх халата), жилет, меховой парадный костюм и т.д. Она отлично подходит для людей низкого роста, отвечая при этом их потребностям. Структура короткой плечевой одежды сравнительно уникальна: от плеча до рукава представляет собой прямую линию, манжет и подол дугообразны, воротник закруглен, имеет оторочку на манжетах и подоле, при изготовлении используется цветной шелк. Все это еще значительно подчеркивает женскую красоту. Среди маньчжурской короткой плечевой одежды распространена, например, магуа (куртка), название которой происходит от мужчин-наездников. Длина такой куртки сравнительно коротка, однако на талии со обеих сторон присутствуют разрезы. Как правило, она надевается поверх длинного халата и служит защитой от различных неблагоприятных факторов [1]. Форма такой куртки в общем-то уникальна: она двубортная, с запахом, запаховывается на уровне шеи. Со временем она постепенно изменялась: так появился уникальный двубортный высокий ворот, также возникли разрезы, рукав стал более коротким для удобства надевания на длинный халат. Эта форма одежды как у мужчин, так и у женщин все еще использовалась для официальных мероприятий во времена Китайской Республики (1912–1949 гг.). На рисунке 1 представлена такая магуа (куртка).

Рисунок 1. Маньчжурская магуа

Длинный китайский халат

Орочоны – это народность, проживающая в северном регионе, которые прямо на тело носят халат. В повседневной жизни народ много времени посвящает охоте, поэтому дизайн одежды должен быть практичным, не сковывающим движений. Материалом же обычно служит мех местных животных, чаще всего шкура оленя или косули, используемая для сохранения тепла и защиты от холода. Мужчины, как правило, носят кожаные ремни, в то время как женщины в основном выбирают цветные тканевые ремни, пожилые женщины отдают предпочтение однотонным ремням. В ходе исследования выяснилось, что народ орочонов выбирает шкуру оленя или косули для изготовления халата на меху, используя при этом не только шкуры местных животных. Такой мех очень хорошо сохраняет тепло, имеет хорошую износостойчивость, удовлетворяя всем необходимым требованиям [2]. Для разных сезонов из шкуры можно изготавливать различную одежду. Например, мех для зимы сравнительно длиннее, шерсть более плотная, в соответствии с требованиями к зимней одежде. Мех для лета более короткий, подходит для летней или осенней одежды. «Суэн» – это кожаная одежда на языке орочонов. Данная одежда очень просторна. Мужские модели короткие, женские модели сравнительно длиннее. С обеих сторон присутствуют разрезы. Как правило, для декора на ткани используются цветы или узоры, чтобы улучшить дизайн. Также для декорирования используется вышивка, сохраняющая при этом целостность узора, в качестве которого используются также олени рога, облака и т.д. [3].

Одежда орочонов в основном изготавливается из меха животных. В процессе разработки модели одежды получилась меховая двубортная верхняя одежда с довольно широкими рукавами. Как у мужчин, так и у женщин используются украшения из меха на воротнике и по краю одежды для пущей декоративности. В длинном халате используется длинный пояс, подчеркивающий талию; он заметно стройнит, но при этом дает чувство удобства и комфорта при физическом труде и в повседневной жизни. По сравнению с другими малыми народностями одежда орочонов наиболее самобытна, как показывает рисунок 2.

Рисунок 2. Одежда народности орочон

Одежда маньчжуров также является важной составляющей китайской культуры, влияние которой более очевидно. В особенности маньчжурский ципао является самым характерным, любимым большинством женщин и оказавшим значительное влияние на развитие современной моды. Маньчжуры выбрали «систему восьми ци» для управления обществом, поэтому в быту длинный халат прозвали ципао. Он делится на мужской и женский фасоны. В повседневной жизни маньчжуры ездят верхом и охотятся, что оказывает характерное влияние на процесс моделирования одежды. Для ципао характерны приталенность, запах, отсутствие воротника и разрезы по обеим сторонам. Он не только привлекателен, но и практичен для конной охоты, отвечает всем требованиям [4]. Этот вид одежды характерен отсутствием воротника. Основная причина этого заключается в том, что в системе «нурхаци», стандартном парадном одеянии, требуется, чтобы в повседневной одежде отсутствовал воротник. Маньчжурский женский ципао не только широко известен в Китае, но и оказал значительное влияние на одежду других малых народностей. В наше время все еще существует большое количество поклонников, предпочитающих ципао. Изначально ципао представлял собой длинное платье в виде жилета, а в ходе постепенного усовершенствования видоизменялся в ципао с широкой талией от верха до низа, вплоть до стопы. Такой фасон ципао больше подходил женщинам, в нем они могли выполнять любую физическую работу. Но эстетичность этого вида ципао невысока, в нем сложно раскрыть женскую красоту. С течением времени женский ципао претерпевал значительные изменения: его длина постепенно укорачивалась, вместе с тем ширина рукава уменьшалась. Стали появляться приталенные ципао с короткими рукавами или без рукавов, демонстрирующие кардинальные изменения во всех аспектах. На этом этапе у ципао постепенно появился стоячий воротник, узкие рукава, запах на правую сторону, для фиксации теперь используются тканевые пуговицы – и все это еще больше усиливало чувство общей привлекательности [5]. В ходе исторического изменения талия ципао становится более узкой, длина достигает колен, тем самым показывая красоту человеческого тела. В процессе этих перемен он стал любим большинством женщин и популярным не только в Маньчжурии, но и у других народностей, даже за рубежом. Именно он становится уникальным олицетворением китайской женской одежды, как показано на рисунке 3.

Рисунок 3. Маньчжурский женский ципао

2. Сравнительный анализ аксессуаров

Украшения для головы

Малые народности севера любят носить головные украшения, которые не только обладают хорошей практичностью и значительным эстетическим вкусом, но даже отображают религиозные убеждения. Красочные головные украшения являются важной частью одежды малых народностей. В сочетании с предметами гардероба они демонстрируют хорошую функциональность, подчеркивают статус и материальное состояние, а значит, несут собой глубокий смысл [6].

В Маньчжурии, например, головные украшения женщин более своеобразны и демонстрируют явные особенности. Наиболее уникальной является «цидоу», которая была очень популярная при династии Цин. Ее носили маньчжурские аристократки, надевая на крупные празднества [7]. Цидоу обычно состоит из проволочного каркаса, обмотанного черным лазурным атласом, который формирует веерообразную форму. Для крепкой фиксации основание сделано пустым, а середина украшена в определенном порядке большими цветами. Также она декорирована различными подвесками и жемчугом. Обычно по краям используются длинные кисточки, чтобы продемонстрировать грацию, изящество женщины. При ходьбе длинные кисточки и подвески раскачивались, тем самым раскрывая темперамент и эстетичность своей обладательницы. На рисунке 4 изображена маньчжурская цидоу.

Рисунок 4. Маньчжурская цидоу

Орочоны любят носить шапки, для изготовления которых обычно используют шкуру косули, также известную как «мьежита». После охоты на косулю ее голову полностью сдирают, сохраняя поднятыми уши, сушат, а после высыхания сшивают по ее форме. Затем пришивают ткань, мех и другие украшения. Также оставляют уши: в приподнятом вверх состоянии их можно использовать в качестве украшения, а опущенные вниз – как защиту от ветра и снега. Такие шапки очень любимы народом [8]. Эта шапка обладает хорошей эстетикой и практичностью, поэтому очень популярна у местных жителей. Мужскую

шапку изготавливают из шкуры косули, женскую – в основном из кожи лисы или рыси. Все это демонстрирует уникальную мудрость и особенности жизни ороحوнов [9].

Пояс

Пояс также является распространенным аксессуаром, имеющим уникальное символическое значение. Как правило, он используется для верхней одежды и брюк, также обладает практичностью и служит украшением. Пояс – обычно наиболее изысканная деталь. В древности пояс подчеркивал богатство и могущество. Он был с высоким мастерством обрамлен нефритом или другими драгоценными камнями. Пояса ороحوнов, как правило, кожаные, имеют и практическую ценность. При изготовлении используется мех животных и на пояс вешается кошелек. Маньчжурские мужчины, женщины и дети также любят вешать свои кошельки на пояс. А когда охотники выходят на промысел, они предпочитают носить кожаную сумку на поясе, чтобы обеспечить себя продовольствием [10].

1. Сравнительный анализ поясной одежды

Брюки и штаны

Брюки – это наиболее распространенный элемент одежды малых народностей в Китае. Существует широкий ассортимент брюк, весьма практичных. Большинство модельеров создают брюки так, чтобы облегчить повседневную жизнь и работу людей. Обратимся, к примеру, к орохонам. Этот народ проживает в горах малого Хингана, поэтому при изготовлении брюк часто используется местный мех косули, что повышает тепло брюк. Даже при температуре в несколько десятков градусов ниже нуля брюки все еще сохраняют тепло. Они обладают хорошей износостойкостью и удовлетворяют потребностям данного народа [11]. Штаны – это маньчжурская повседневная одежда, более распространенная у мужчин. Хотя они и называются «брюками», но они не являются ими в полном смысле слова. У них нет пояса и мотни, а только две штанины и ремень, закрепляющий их на талии. Существует много видов таких штанов.

Юбка

Юбка является наиболее распространенным видом женской одежды в Китае, но также важной частью женского гардероба и у малых народностей. Форма юбок уникальна, их существует много видов, таких как фартук, мини-юбка, прямая юбка, юбка с запахом и т.д. Существуют значительные различия между юбками разных народностей, особенно в отношении используемой ткани [12].

Обувь

Обувь орохонов довольно уникальна. Ее носят как мужчины, так и женщины. В культуре орохонов такие сапоги называют «чикми», и, как правило, для верха используется шкура ног косули, а для низа – шкура шеи косули. Обычно они однослойные, высотой около 25 см. Зимой нужно надевать носки, чтобы согреться. Эта обувь очень комфортна, практична, легка и уютна, бесшумна при ходьбе – в процессе охоты помогает не спугнуть зверя. Таким образом, соответствует всем требованиям. Также существует обувь из соломы, ткани, медвежьей шкуры, шкуры дикого кабана и др., для ношения в разные времена года. На рисунке 5 показаны сапоги народа орохонов из меха косули династии Цин.

Рисунок 5. Сапоги народа орочон из меха косули династии Цин

Сравнение функциональности одежды малых народностей Хэйлундзяна (на примере орочонов и маньчжуров)

1. Отличительные особенности национальной культуры

Одежда малых народностей имеет уникальные функции, по ней свободно читается национальная культура. Причина заключается в том, что малые народности в процессе длительного непрерывного развития постепенно формировали свой уникальный стиль, национальную культуру, дух, обычаи, искусство и др., которые отражались в одежде, показывающей свою уникальную ценность.

Изначально отношение людей к одежде было незатейливым в производстве и использовании. Однако по мере непрерывного развития к функциям одежды постепенно выдвигались новые требования, выходящие за рамки простого сохранения тепла и защиты. На этом фоне постепенно развивались народные обычаи и культура, ослабевала приверженность традициям, все больше учитывались национальные особенности и развитие, выявлялась специфика образа жизни каждого народа. Например, шкуры косули и оленей орочонов обладают такой спецификой. Они нашли отражение в богатой национальной культуре, национальном характере и весьма узнаваемы [13].

2. Материализация религиозных убеждений

Религиозная материализация также является назначением одежды малых народностей на данном этапе. Она отражает обилие эмоций, народных обычаев, посредством нее выражается религиозная принадлежность. Религиозные убеждения материализуются и проецируются через эстетику одежды. Например, наиболее распространены тотемные узоры, которыми с большим мастерством малые народности украшают одежду, демонстрируя уникальный рисунок. Условно говоря, вероисповедание – это духовный аспект. Например, маньчжурская шаманская одежда содержит большое количество религиозных красочных элементов, выраженных на всех уровнях: ткань, цвет, узор и т.д. Через ремень также выражается религиозная принадлежность, выходящая за рамки традиционного использования и декоративных функций [14].

3. *Функции декоративных украшений*

Функции декоративных украшений являются наиболее распространенными. Для одежды эти функции постепенно расширялись от изначальной функции утепления. С повышением уровня жизни использование первоначальной функции одежды постепенно затрудняло удовлетворение богатого духовного мира народа, поэтому люди постепенно приносили эстетику в одежду. Одежда стала средством выражения прекрасного и удовлетворяла эстетические потребности людей. У каждой национальности свое восприятие эстетики. В частности, малые народности предпочитают использовать детали из жизни для украшения, а также обращаются к цвету, чтобы выразить свои эмоции и красоту. Например, для маньчжурского женского цидоу использовалось большое количество деталей для украшения, подчеркивающих общую форму. Так, люди уже не просто стремились к практичности, но и реализовывали эстетическую функцию.

4. *Функции производства и труда*

Для людей традиционная одежда использовалась в качестве обеспечения их собственной безопасности, и целью моделирования одежды была практичность. В то же время одежда, в свою очередь, могла способствовать производительности физического труда. Например, использование листьев, меха животных и т.д. помогало замаскироваться, чтобы увеличить шанс заполучить добычу. У ороحوнов, например, в процессе развития для охоты постепенно вырабатывался дизайн одежды, оптимальный для охотников. Она должна обладать определенными деталями, как, например, передний лацкан, который может быть загружен продуктами питания. А для работы в поле дизайн брюк должен также соответствовать сфере деятельности, чем косвенно способствовать повышению эффективности производства и развитию сельского хозяйства.

5. *Функции праздничных традиций*

Праздничные обычаи также являются важной функцией национальной одежды. Через уникальную одежду можно показать особый праздничный эффект, некоторые люди даже специально разрабатывают одежду для праздничных торжеств. Например, ороحوны верят в шаманизм. Они считают, что все сущее связано с духами. Более того, в процессе развития детали религиозных верований отражались в одежде. Как средство выражения религиозности использовались такие предметы, как обувь, сумки, пояса, украшенные соответствующими узорами. Как правило, это были змеи, черепахи, лисы и другие животные, главным образом потому, что шаман считает: такие существа могут представлять волю шамана, проявлять особую сущность и тем самым формировать уникальность одежды [15].

Отличительные факторы одежды малых народностей Хэйлунцзяна (на примере ороحوнов и маньчжуров)

1. *Факторы географического положения*

Географическое положение оказывает большое влияние на одежду малых народностей. Обширная территория Китая и наличие малых народностей в каждом регионе – все это создает многоликость культур. Более того, их обычаи указывают на значительные различия. Основная причина заключается в том, что ре-

гиональные факторы приводят к большим различиям в привычках местных жителей. Многие обычаи и привычки напрямую связаны с географическим положением, тем самым оказывая влияние на национальную одежду. У орочонов, например, самой важной функцией национальной одежды является защита от холода. Большинство жителей проживает в районе Хинганского хребта, где зима сравнительно долгая, с лютыми морозами и относительно коротким сухим летом. Такие экстремальные географические условия вынуждают местных жителей обращаться к меху животных, чтобы согреться, не получить обморожение и защититься от холода. Летом орочононы, как правило, выбирают кожаную одежду и брюки – она служит защитой от солнца и обеспечивает прохладу. Именно таким образом географическое положение создает различия в одежде.

2. Факторы национального способа производства

Национальный способ производства также является фактором влияния. Благодаря анализу было установлено, что в процессе своего развития одежда в разных регионах подвергалась влиянию изменений в производстве и жизни людей, тем самым оптимизируя характеристики одежды. Например, большинство орочононов ради пищи и одежды охотятся на оленей, косуль и других животных. Орочононы долгое время используют шкуры оленей и косуль в изготовлении одежды для разного времени года. В этом видно влияние национальных методов производства на одежду. В настоящее время на стиль одежды также оказывают значительное влияние различные методы производства, так формируются различные стили одежды. Например, в северном регионе в основном занимаются животноводством, поэтому одежда должна быть свободной, чтобы, надев халат, можно было легко садиться на коня и спрыгивать с него, в то время как на юге в основном занимаются сельским хозяйством, поэтому там чаще всего носят брюки, платья и т.д.

3. Исторические и культурные факторы

Различная история и культура оказывает уникальное влияние. Культурные обычаи, бытовые привычки, религиозные верования и т.д. формируют существенные различия и оказывают влияние на национальную одежду, выражение стиля, фасона, цвета, украшений, узоров и т.д., отражающих историю и культуру. Орочононы в большей степени поклоняются оленю. Более того, в их тотеме проявляется уникальная ценность, отражающая среду обитания и экологические условия народа. Например, у маньчжуров на процесс развития одежды сильно повлиял исторический фон. Нурхацзи с началом войны вовсе не унифицировал одежду, поэтому существовало большое разнообразие ее видов. А в эпоху императора Тайцзи одежда унифицировалась, был сформирован определенный стандарт, такой как длинный халат, куртки и т.д.

Анализ значения одежды малых народностей в Хэйлунцзяне

1. Культурно-психологическое значение

Культурно-психологическое значение подразумевает культурный образ самих малых народностей. В процессе развития, благодаря непрерывной практике и творчеству народа, формировалась самобытная культура, проявляя нацио-

нальные и региональные черты. Также географическая среда, природные условия, производственная среда, культурные традиции, обычаи и религиозные верования – все это имеет огромное культурное значение. Одежда является непременной составляющей материальной культуры нации. В процессе непрерывного развития проявлялось значение самобытной культуры, формировались национальные особенности, широко принятые народом, отражающие национальные нравственные ценности и эстетическое восприятие, обладающее высокой ценностью.

2. Значение эстетического сознания

С эстетической точки зрения национальная одежда имеет высокую ценность. При непрерывном развитии традиционная одежда постепенно расширяла свои функции от защитной функции до придания ей совершенно нового значения, например эстетического. Она демонстрировала новую идеологию, содержащую в себе эмоции и мысли людей. Так, при непрерывном процессе развития проявлялась ее исключительная ценность. Например, маньчжурский ципао содержит в себе уникальное эстетическое сознание. Люди в процессе моделирования уделяли большое внимание стилевому дизайну, использованию цвета, украшений, соотношению форм и линий для формирования уникального ципао. Фасон излучал невероятную красоту, демонстрируя уникальный эстетический вкус нации.

3. Значение религиозных убеждений

Религиозные убеждения не только влияют на вид и фасон одежды, но их также используют как уникальную символическую систему. В свое время среда религиозной культуры, представление народа о сверхъестественных силах повлияли на создание окончательного национального костюма. В настоящее время у большого количества людей национальная одежда служит для демонстрации религиозных убеждений. Она показывает уникальность идей, проникнутых народно-религиозным сознанием, таких как тотемы, обряды, ритуалы и т.д. Орочоны специализируются на шаманизме, верят в анимизм и в связи с этим считают, что все вещи одухотворены. Все это отражает религиозные убеждения и оказывает большое влияние на все сферы жизни. Так, в настоящее время еще более отчетливо видно, как культурные особенности способствуют национальному характеру, показывают уникальную самоценность одежды и способствуют продвижению традиционной культуры и ее наследию.

Заключение. Сказанное выше доказывает, что уникальная одежда малых народностей является важной составляющей национальной культуры и неотъемлемым содержанием китайской нации. Орочоны и маньчжуры – это малые народности Хэйлундзяна с уникальными особенностями. Их история своеобразна и отражает богатую национальную культуру. Культура одежды также является традицией, по-своему демонстрирующей особенности культуры и истории нации, богата культурным, эстетическим и религиозным значением. Посредством изучения одежды и аксессуаров орочонов и маньчжуров мы получаем наглядное представление о них. Поэтому мы должны уделять больше внимания традициям и инновациям, исследовать их культурную ценность и осуществлять продвижение традиционной культуры национальной одежды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Нью Цайся. Исследование монгольских узоров одежды и их культуры: Комментарий к статье «Одежда малых народностей Китая» [J] // Печатное издание. – 2020. – № 46(12). – С. 75-76.
2. Кун ЯнЖун. Исследование мастерства и сохранения традиций казахской традиционной одежды ручной работы [J] // Великое искусство. – 2020. – № 11(34). – С. 125-126.
3. Чжан Синьна. Анализ эстетических элементов, содержащихся в одежде малых народностей, с точки зрения культуры дизайна: Комментарий к статье «Применение узоров национальной одежды в дизайне» [J] // Текстильные технологии. – 2020. – № 48(11). – С. 109-110.
4. Ху Чжоуянь, Ли Жуоцин. Антропологическое исследование культурной символики в женской одежде народа уезда Яоань [J] // Журнал института Вэньшань. – 2020. – № 33(05). – С. 12-14.
5. Сунь Янь, Чжан Сикай. Применение элементов в традиционной одежде нанайцев при разработке туристского продукта [J] // Текстильный отчет. – 2020. – № 39(09). – С. 49-50.
6. Пэн Хуэй. Краткий анализ культуры одежды малых народностей на примере духовного наследия Дун Цзинь в одежде [J] // Текстильный отчет. – 2020. – № 39(09). – С. 89-90.
7. Ян Лили, Чжу Шуся, Дун Вэйпин. Инновации и применение элементов одежды народности Ше в провинции Фуцзянь в дизайне современной туристической одежды [J] // Текстильный промысел Шаньдуна. – 2020. – № 16 (09). – С. 41-43.
8. Чжан Сюэмэй. Наследование и сохранение культуры одежды малых народностей в Китае: Обзор «Наследование и развитие искусства одежды малых народностей Китая» [J] // Вспомогательные материалы для печати. – 2020. – № 37(09). – С. 66.
9. Ван Юньюнь. Применение элементов одежды малых народностей в современном дизайне: Комментарий к статье «Применение узоров одежды малых народностей в дизайне одежды» [J] // Текстильные технологии. – 2020. – № 48(09). – С. 112-113.
10. Чжу Ли. Исследование формирования элементов фасона одежды народности Хани в современной портретной живописи [J] // Западная кожа. – 2020. – № 42(17). – С. 67-68.
11. Чэнь Цзиньюй, Чжан Мэнмэн, Чжао Вэйнань. Анализ мастерства одежды на примере народности Шэ «Кунжиен» [J] // Проект. – 2020. – № 33(17). – С. 78-80.
12. Ху Сяопин, Ло Лунлинь, Сюй Юнь. Исследование традиционной женской одежды северной провинции Гуандун [J] // Тяньцзиньские текстильные технологии. – 2020. – № 16(04). – С. 1-4.
13. Чжан Бэйбэй, Шу Сяпин. Скрытый смысл и преобразование: культурные традиции в символике одежды малых народностей в Гуанси [J] // Национальное искусство. – 2018. – № 15(01). – С. 140-145.
14. Чжу Хэцин. Культурная среда в уйгурских костюмах и народных обычаях [J] // Журнал педагогического университета Или (издание по социальным наукам). – 2018. – № 15(04). – С. 42-46.

REFERENCES

1. Niu Zaixia. Research on Mongolian Costume Patterns and its Culture. A Comment on "Chinese Minority Costumes" [J]. Dyeing, 2020, 46(12): 75-76. (in China)
2. Kong Yanrong. Research on the production process and protection and inheritance of traditional Kazakh costumes[J]. Art Grand View, 2020, 11(34): 125-126. (in China)
3. Zhang Xinna. Analyze the aesthetic elements contained in ethnic costumes from the perspective of design culture. Comment on "The Application of Ethnic Costume Patterns in Fashion Design" [J]. Wool Spinning Technology, 2020, 48(11): 109-110. (in China)
4. Hu Zhouyan, Li Ruoqing. A Symbolic Anthropological Investigation of Yi Women's Clothing Culture in Yao'an County [J]. Journal of Wenshan University, 2020, 33(05): 12-14. (in China)
5. Sun Yan, Zhang Sikai. The application of Hezhe nationality's traditional clothing elements in the development of tourism products [J]. Textile Report, 2020, 39(09): 49-50. (in China)
6. Peng Hui. Analysis of ethnic minority costume culture. Taking Dong Jin intangible cultural heritage costumes as an example [J]. Textile Report, 2020, 39(09): 89-90. (in China)
7. Yan Lili, Zhu Shuxia, Dong Weiping. The innovation and application of the clothing elements of the She ethnic group in Fujian in the design of modern tourism clothing products [J]. Shandong Textile Economy, 2020, 16(09): 41-43. (in China)
8. Zhang Xuemei. Inheritance and Protection of Ethnic Minority Costume Culture in my country. Comment on "Inheritance and Development of Chinese Ethnic Costume Art" [J]. Printing and Dyeing Auxiliary, 2020, 37(09): 66. (in China)
9. Wang Yunyun. The Application of Ethnic Minority Dress Elements in Modern Garment Design. Comment on "The Application of Minority Dress Patterns in Garment Design" [J]. Wool Spinning Technology, 2020, 48(09): 112-113. (in China)
10. Zhu Li. Research on the expression of the various elements of Hani costumes in contemporary figure paintings [J]. Western Leather, 2020, 42(17): 67-68. (in China)
11. Chen Jingyu, Zhang Mengmeng, Zhao Weinan. Discrimination and analysis of the She nationality "Tiezhiyan" dress craft based on the practice of reproduction [J]. Design, 2020, 33(17): 78-80. (in China)
12. Hu Xiaoping, Luo Longlin, Xu Yun. Research on traditional female costumes of Guoshan Yao in Ruyuan, northern Guangdong [J]. Tianjin Textile Technology, 2020, 16(04): 1-4. (in China)
13. Zhang Beibei, Shu Xiaping. The concealment and transformation of meaning: the cultural tradition in the folk symbols of ethnic minority costumes in Guangxi [J]. National Art, 2018, 15(01): 140-145. (in China)
14. Zhu Heqin. The cultural ecology in Uygur costumes and folklore [J]. Journal of Yili Normal University (Social Science Edition), 2018, 15(04): 42-46. (in China)

Информация об авторах: Чжан Ян, библиотекарь, сотрудник, магистр, окончила Благовещенский государственный педагогический университет в России, по специальности лингвист, направление исследований: создание ресурсов русской литературы и содействие чтению.

г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

ORCID id: <https://orcid.org/0000000152076005>

e-mail:1684929245@qq.com,

Ван Сюэтао, Младший библиотекарь-исследователь, степень магистра, направление исследований: содействие чтению.

г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

e-mail:1684929245@qq.com,

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Zhang Yang, librarian, Employee, master, graduated from the Annunciation State Pedagogical University in Russia, majoring in linguist, research area: creating resources for Russian literature and promoting reading.

Heihe city, Heilongjiang province, China.

ORCID id: <https://orcid.org/0000000152076005>

e-mail: 1684929245@qq.com

Wang Xuetao, Associate Research Librarian, Master's Degree, Research Line: Promoting Reading.

Heihe City, Heilongjiang Province, China.

e-mail: 1684929245@qq.com

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 16.01.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 12.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.02.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests

Социология культуры, духовной жизни
Sociology of Culture, spiritual Life

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-93-108

УДК 316.347(470.62)

**РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА
В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

ШАХБАНОВА Мадина Магомедкамиловна

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

e-mail: madina2405@mail.ru

Анотация: В статье рассматривается проявление религиозной идентичности городского населения Дагестана. Полученные эмпирические данные показывают доминирование с большим перевесом в массовом сознании опрошенных республиканского типа социальной идентичности. Авторская гипотеза о важности для респондентов религиозной идентичности результатами исследования не подтвердилась, ибо обозначение респондентами единства с единоверцами превалирует только в подгруппе убежденно верующих. Кроме того, для горожан большое значение имеет осознание общности с представителями своей этнической общности. Вместе с тем проведенное исследование выявило противоречивое поведение горожан: так, изучение религиозной идентичности городского населения свидетельствует о превалировании значимости религиозной принадлежности. Кроме того, эмпирические данные показывают существование в установках горожан рассмотрения вероисповедания как составной части этнокультуры, что вполне закономерно при наблюдающемся синтезе этнического и религиозного факторов в форме этноконфессиональной идентичности. Формированию позитивной религиозной идентичности в определенной степени способствует уровень доверия к различным социальным сферам, в частности религиозным институтам. Данные опроса свидетельствуют о слабом уровне доверия единоверцам, при одновременно высоком его проявлении к ближнему радиусу.

Ключевые слова: горожане, городское население, городское пространство, доверие, ислам, религия, религиозная сфера, религиозная идентичность, типы социальной идентичности, религиозная принадлежность

Для цитирования: Шахбанова М.М. Религиозная идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 93-108.

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-93-108

Original article

RELIGIOUS IDENTITY OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN IN THE STRUCTURE OF SOCIAL IDENTITY

Madina M. SHAKHBANOVA,

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center
Russian Academy of Science
Makhachkala, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract: The article deals with the manifestation of the religious identity of the urban population of Dagestan. The obtained empirical data show the dominance of the Republican type of social identity with a large preponderance in the mass consciousness of the respondents. The author's hypothesis about the importance of religious identity for respondents was not confirmed by the results of the study, because the designation of unity with co-religionists by respondents prevails only in a subgroup of convinced believers. In addition, the awareness of community with representatives of their ethnic community is of great importance for citizens. At the same time, the study revealed contradictory behavior of citizens: for example, the study of the religious identity of the urban population indicates the prevalence of the importance of religious affiliation. In addition, empirical data shows the existence in the attitudes of citizens of the consideration of religion as an integral part of ethno-culture, which is quite natural in the observed synthesis of ethnic and religious factors in the form of ethno-confessional identity. The level of trust in various social spheres, in particular religious institutions, contributes to the formation of a positive religious identity to a certain extent. The survey data indicates a weak level of trust in co-religionists, while at the same time its high manifestation to the near radius.

Keywords: citizens, urban population, urban space, trust, Islam, religion, religious sphere, religious identity, types of social identity, religious affiliation

For citation: Shakhbanova M.M. Religious identity of the urban population of Dagestan in the structure of social identity. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 93-108. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-93-108

Введение

В России в последние 15 лет появилось множество работ, в которых широко используется понятие «идентичность», и их тематика настолько разнообразна, что исчерпывающе представить ее (идентичность. – *Авт.*) вряд ли возможно. Вместе с тем в представленных научных исследованиях теоретического, впрочем, как и эмпирического, характера, к сожалению, не всегда встречается детальное пояснение содержания феномена «идентичность». Авторы различных концепций используют дефиницию «идентичность», исходя из изначальной очевидности понимания ее значения, хотя в реальности ситуация выглядит иначе. Поэтому можно согласиться с позицией О.А. Симоновой, что «социологи охотно приняли кон-

цепцию социальной идентичности, под которой понимают совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т.д. Если традиционно понятие идентичности относилось к личности как субъекту действия, то теперь его значение расширилось. Вместо "коллективных представлений" и "группового мышления" стали говорить о коллективной, или групповой, идентичности. Наряду с личностной идентичностью социальная идентичность считается важным регулятором самосознания и социального поведения» [1, с. 46]. Благодаря большому пласту разработок идентичности и разных методологических концептов сформировались общие положения, которых придерживаются в рамках наиболее известных концептов идентичности: во-первых, ресурсом для образования идентичности являются социокультурная среда и межличностное взаимодействие; во-вторых, идентичность выступает как одна из форм выражения самосознания и осознанности; в-третьих, идентичность рассматривается как целостное переживание определенной ситуации; в-четвертых, идентичность очень часто выступает как предполагающая целостность; в-пятых, идентичность в современном обществе приобретает статус «рефлексивного проекта»; в-шестых, идентичность рассматривается как незавершенный проект по причине существования культурного плюрализма и многомерности современного мира, предопределенного виртуальной коммуникацией [2, с. 55].

Таким образом, проблема социальной идентичности, иерархия ее типов, индикаторы воспроизводства каждого из них актуализированы в современном обществе. Если официальная российская власть и ее политика сосредоточена на формировании и укреплении в общественном сознании граждан значимости именно государственно-гражданской идентичности, то среди типов социальной идентичности, как показывают эмпирические данные, наиболее актуализированы и ярко окрашены именно этническая и религиозная. Более того, можно наблюдать их синтез в форме этноконфессиональной идентичности, которая имеет важное значение для людей, рассматривающих исповедуемое вероучение как составную часть национальной культуры своей этнической общности. Видимо, с учетом данного фактора «актуализацию религиозной идентичности можно рассматривать не как возрастающую религиозную активность населения и его возврат к вере, а скорее как повышение потребности в устойчивых культурно-цивилизационных характеристиках в жизни индивида и общества» [3, с. 17]. Иными словами, обозначение своей конфессиональной принадлежности индивидом может проявиться не только через обозначение себя как носителя определенного вероучения, но и через отождествление с этнокультурой, на которую влияние оказало исповедуемое религиозное учение.

Прежде чем перейти к изложению религиозной идентичности городского населения Дагестана, следует отметить, что сам концепт религиозности вызывает большие сложности по причине отсутствия в современной науке единого теоретико-методологического подхода ее исследования, поэтому данное понятие в зависимости от исходных теоретико-методологических предпосылок может рассматриваться как «многомерное явление» [4]. Несколько иначе обстоит дело с понятием «религиозная идентичность», потому что на ее формирование огромное влияние оказывает усложняющееся социальное окружение, ибо как один из типов социальной идентичности религиозная идентичность оказывает заметное воздействие практически на все социальные области, среди которых огромное зна-

чение имеет влияние на установки обобщенного, межличностного и институционального доверия.

По мнению исследователей, религиозная идентичность как один из типов социальной идентичности «формируется и передается благодаря присутствию в общественном и частном пространстве религиозных категорий и классификаций, религиозных знаний, религиозных ценностей» [5, с. 46]. Под религиозной идентичностью И.А. Юрасов и О.А. Павлова понимают «отождествление индивида с какой-либо религиозной доктриной, системой догм, воззрений, определенной конфессией, группой верующих» [6, с. 25], при этом заслуживает внимания обозначение ими базой становления религиозной идентичности религиозного интеллекта, понимаемого как «комплекс социально-психологических характеристик, качеств индивида, которые делают возможным мистические, религиозные переживания» [7, с. 25].

Открытость обсуждения культовой мотивации индивида, активизация религиозного поведения, усиление значимости конфессионального компонента в современном обществе, а также другие не менее важные факторы являются питательной средой для формирования религиозной идентичности, повышают ориентацию человека на самоидентификацию как представителя конкретной этноконфессиональной общности. Кроме того, по мнению исследователей, введение в образовательную школьную программу курса «Основы религиозных культур и светской этики» выполняет важнейшую роль в процессе формирования на первичном уровне социализации религиозной идентичности.

Религиозной идентичности, как и иным типам социальной идентичности, характерны когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты, что определяет значимость самоидентификации с конкретной группой. Индикатором измерения религиозной идентичности выступает «чувство интенсивно переживаемой связи с единоверцами». Вместе с тем следует отметить, что сама природа религиозной идентичности обладает такими свойствами, как поверхностность, подвижность, множественность, что позволяет ей пластично рефлексировать на социальные трансформации культурного и политического пространства. По мнению С.В. Рыжовой, «множественность религиозной идентичности может выражаться в том, что, помимо традиционного для России монотеизма (христианство, ислам, иудаизм), религиозная идентичность может содержать и компоненты языческих верований, суеверий, недифференцированной духовности (в стиле новых религиозных движений); она может быть мировоззренческой (или духовной), культурной, этноконфессиональной, когда та или иная религиозность выступает компонентом культурной традиции или культура подталкивает к религиозной самоидентификации. Концептуализация религиозности как религиозной идентичности не отменяет ее "примордиального" происхождения, но позволяет более прицельно взглянуть на механизмы социального влияния религиозного сознания на социальные взаимодействия» [8, с. 49].

Автор разделяет понимание религиозной идентичности как «соединение личных религиозных порывов (вера или психологическая установка в отношении некоей "высшей силы") с потребностью в социальной принадлежности. В случае принадлежности к монотеистической традиции она формируется как идентификация верующего человека со своей религиозной группой (как реальной, так и категориальной), разделение соответствующих идей и ценностей. Следование обычаю, участие в религиозных обрядах и ритуалах рождает чувство групповой со-

причастности к единоверцам и фиксирует данную идентичность в определенных "культурных кодах" (по Дж. Александеру)» [9, с. 51].

Таким образом, в данной статье рассматривается религиозная идентичность городского населения Дагестана, показаны индикаторы ее воспроизводства.

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана проведен в 2020 г. в г. Дербенте, Каспийске, Махачкале, Хасавюрте. N – 563.

Результаты исследования

В рамках исследования религиозности и религиозного поведения городского населения ключевым является установление социальных групп, с которыми респонденты обозначают чувство общности и единства (см. табл. 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «С какой из групп Вы испытываете чувство общности?» (%)

Table 1 Distribution of answers to the question "Which group do you have a sense of community with?" (%)

Варианты ответов / Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
С представителями своего народа	33,7	24,7	16,3	15,8	0	26,3
С представителями всех дагестанских народов	38,0	46,9	32,6	10,5	22,2	40,5
С россиянами	16,6	19,9	25,6	15,8	16,7	18,9
С людьми моей религии	47,8	23,2	20,9	10,5	16,7	31,5
С людьми одного возраста со мной	13,7	18,8	16,3	26,3	11,1	16,7
С людьми, близкими мне по политическим взглядам	3,4	10,3	11,6	31,6	16,7	8,8
С людьми моей профессии	8,3	10,3	7,0	5,3	5,6	9,0
Ни с кем	1,0	5,5	9,3	15,8	38,9	5,6

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Эмпирические данные свидетельствуют о превалировании в массовом сознании городского населения Дагестана значимости республиканского типа самоидентификации (половина респондентов), причем по типу религиозности превалируют подгруппы убежденно верующих и верующих. Далее второе ранговое место занимает религиозная идентичность, осознание общности с единоверцами (каждый третий), и здесь обращает на себя внимание позиция подмассива «верующие», в котором доля таковых существенно меньше, по сравнению с «убежденно верующими». Кроме того, можно отметить и характерную подмассивам «убежденно неверующие» и «неверующие» позицию обозначения чувства общности с последователями одного вероисповедания, хотя, по мнению автора, данные подгруппы должны были в полной мере ис-

ключить свою общность с единоверцами. Этническая идентичность важна для одной трети убежденно верующих, каждому четвертому из подмассива верующих, одной шестой части колеблющихся и неверующих. Российская идентичность обозначена почти равной долей во всех подгруппах, за исключением самоидентифицирующихся как «колеблющиеся» (одна четвертая часть). При этом поколенческая идентичность, по сравнению с другими подмассивами, востребована в массовом сознании каждого четвертого в подгруппе «неверующие», хотя в их установках также заметное место занимает политическая идентичность. На последней позиции находится профессиональная идентификация, и сравнительно больше отметивших данное суждение среди самоидентифицирующихся как «верующие» (каждый десятый респондент); в подмассиве «убежденно неверующие» превалирует суждение «ни с кем» (одна треть респондентов).

Полученные по возрастному признаку результаты исследования показывают, что осознание чувства общности с дагестанцами увеличивается с повышением возраста с 38,5% в разрезе «до 20 лет» до 45,8% «от 40 до 50 лет», хотя можно наблюдать заметное уменьшение веса республиканской идентичности в массовом сознании старшего поколения («от 60 лет и старше»), при почти одинаковых процентных показателях в возрастных когортах «до 20 лет» (38,0%) и «от 60 лет и старше» (40,5%). Наблюдается с возрастом снижение доли респондентов, обозначающих чувство общности с единоверцами, причем подгруппы «до 40 лет» отмечают значимость религиозной идентичности: 35,0% «до 20 лет», 37,2% «от 20 до 30 лет», 34,9% «от 30 до 40 лет», 25,3% «от 40 до 50 лет», 19,4% «от 50 до 60 лет» и 23,3% «от 60 лет и старше». Такая позиция вполне поддается объяснению: поколение после 40 лет – это поколение, выросшее при социалистическом государстве, в котором доминировала атеистическая идеология, следовательно, иные мировоззренческие установки; соответственно, в массовом сознании приоритеты будут иметь иные типы социальной идентичности. Так, политическая самоидентификация важна для каждого восьмого опрошенного в подгруппе «от 50 до 60 лет» и одной четвертой части респондентов «от 60 лет и старше». При этом одна вторая часть в подмассиве «от 60 лет и старше» отметила значимость государственно-гражданской идентичности. Кроме того, можно обозначить и важность для подгрупп «от 50 до 60 лет» (16,4%) и «от 60 лет и старше» (10,0%) профессиональной идентичности. Далее, по сравнению с другими подгруппами, возрастная самоидентификация важна для одной четвертой части респондентов «до 20 лет», и данную позицию разделяет почти одинаковая доля респондентов в остальных подмассивах. Если посмотреть результаты исследования по образовательному параметру, можно констатировать заметные отличия: так с повышением образовательного уровня увеличивается доля респондентов, обозначающих чувство общности с представителями всех дагестанских народов с 33,3%, имеющих базовое среднее образование, до 44,6% с высшим образованием. Такая же картина характерна и для этнической идентичности: если она обозначена каждым пятым опрошенным, имеющим базовое среднее образование, то в остальных подгруппах данной позиции придерживается одна четвертая часть опрошенного городского населения. При этом обращает на себя внимание заметное уменьшение количества респондентов, которые ощущают чувство общности с единоверцами: доля таковых больше среди опрошенных со средним специальным образованием (одна вторая часть), каждый третий в подгруппе с базовым и средним образованием, одна четвертая часть имеют высшее образование. У респондентов с высоким об-

разовательным статусом можно отметить востребованность российской идентичности (каждый четвертый) в сравнении с когортой с более низким уровнем образования. Также можно констатировать, что подгруппы со средним специальным и высшим образованием обозначают чувство общности с профессиональным сословием (каждый девятый опрошенный).

Таким образом, проведенный анализ результатов исследования на вопрос «С какой из групп Вы испытываете чувство общности?» показывает доминирование в массовом сознании городского населения республики с заметным отрывом от других позиций осознания чувства общности с представителями всех дагестанских народов, причем данный тезис разделяют респонденты независимо от типа религиозности, возраста и образования. Вместе с тем для массового сознания горожан огромное значение имеет религиозная идентичность, но обращает на себя внимание ее относительно слабое осознание подгруппой «верующие», хотя авторская гипотеза заключалась именно в приоритетности данного типа социальной идентичности, которая не нашла своего подтверждения в рамках проведенного исследования. Кроме того, можно заметить существенные отличия в обозначении чувства общности в возрастном разрезе: если старшее поколение больше ориентировано на поддержание политической, профессиональной и российской идентичности, то поколение до 40 лет, наоборот, отмечает чувство единения с носителями одного вероисповедания. Разумеется, поколение, выросшее на волне религиозного, в данном контексте исламского, ренессанса при стремлении религиозного духовенства доминировать практически во всей социальной ткани общества, обуславливает ориентированность молодого поколения именно на мусульманское вероучение. Хотя можно с большим скепсисом относиться к реальному поведению мусульман, но факт остается фактом: в общественном сознании молодых горожан религиозная самоидентификация занимает одну из ключевых позиций. Можно согласиться с мнением М.М. Мчедловой, что «религиозная самоидентификация при этом происходит не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии» [10, с. 17]. Также результаты исследования позволяют сделать вывод, что осознание чувства общности, а также выраженность того или иного типа социальной идентичности зависит от образовательного уровня респондента: чем оно выше, тем слабее выглядят позиции религиозной идентичности, при превалировании республиканского, этнического и российского типов самоидентификации. Однако если сопоставить результаты исследования с опросом 2014 г., то равные позиции имели республиканская и российская идентичности (по 31,1%), а этническая идентичность была важна для 18,0% опрошенных. При этом позиции религиозной идентичности выглядели существенно слабее, и среди предложенных шести вариантов ответов данный тип занимал предпоследнее место, пропустив вперед другие типы социальной идентичности (14,6%), т.е. можно отметить существенное укрепление за прошедший период позиций религиозной идентичности в массовом сознании опрошенных горожан. В этой связи актуально звучит мысль дагестанских исследователей, что «с кризисом межнациональных отношений в Дагестане религиозное сознание все более активно выступает как средство возрождения и развития этнонационального самосознания коренного населения региона ... Тенденция к интеграции населения по конфессиональным и национальным признакам проявляется все заметнее, но, тем не менее, пока не

стала определяющей...» [11, с. 60], видимо, «в условиях социально-политической нестабильности и дефицита гражданских структур 1990-х гг. религиозность и этничность стали для россиян основой формирования новых макроидентичностей» [12, с. 49].

Иными словами, можно сделать вывод о заметной выраженности иногрупповой идентичности, суть которой заключается в «личной значимости идентичности для человека», в данном случае речь идет о религиозной идентичности. Полученные эмпирические данные показывают, что для опрошенного городского населения Дагестана конфессиональная самоидентификация имеет существенное значение, поэтому обозначение своей принадлежности к единоверцам и ощущение чувства единства с ними является индикатором социально-психологических параметров выраженности идентичности и групповой сплоченности, которые, в свою очередь, показывают интенсивность и неинтенсивность религиозной идентичности, ее вес и востребованность в массовом сознании.

В рамках изучения выраженности религиозной идентичности необходимо принимать во внимание существование тесной связи между этнической и конфессиональной принадлежностью человека, ибо порой бывает сложно определить, какая из них важнее для индивида. Для дагестанских народов данный аспект заметно актуализируется в ходе обозначения значимости того или иного вида социальной идентичности: в науке существует понятие «культурная религиозность», по которому, например, дагестанские народы являются приверженцами мусульманской религии, без подразделения их на суннитов и шиитов, не говоря о мазхабах. На тесную связь этнического и религиозного компонентов в идентификационных процессах обращает внимание А.В. Малашенко, подчеркивая возросшее влияние ислама на формирование идентичности кавказских народов, в данном контексте последователей ислама [13, с. 61]. Таким образом, отечественной науке характерно рассматривать религию как существенный элемент культурного наследия, и из такого подхода необходимо вытекает понимание религии как неотъемлемого компонента в процессах воспроизводства этнической идентичности. Поэтому в иерархии этнообъединяющих маркеров «религиозная самоидентификация выступает устойчивым элементом построения этнической идентичности, вносит существенный вклад в формирование чувства "мы". Общая вера является значимым символом этногрупповой солидарности» [14, с. 62]. Однако, несмотря на то, что религия не выполняет роль ведущего этноинтегрирующего и этнодифференцирующего маркера, ее значимость в процессах становления этнической идентичности довольно высока. Религиоведы отмечают, что сегодня этноконфессиональная идентичность, складывающаяся на основе традиционных российских конфессий, оказывается значительно шире, чем собственно религиозная мировоззренческая идентичность: социологические опросы показывают, что количество людей, идентифицирующих себя с той или иной религиозной традицией, оказывается значительно больше, чем количество верующих и стремящихся к соблюдению предписанных конфессией правил (касающихся как внешнего поведения, так и моральных норм) [15].

Глубинное изучение религиозной идентичности показывает существование в массовом сознании городского населения республики непоследовательности: если, по сравнению с республиканской, заметно слабее выглядят позиции религиозной идентичности, то опрошенные придают большое значение своей конфессиональной принадлежности (см. табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» (%)

Table 2 Distribution of answers to the question "To what extent is your religious affiliation important to you?" (%)

Варианты ответов // Отношение к религии	Для меня очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня не очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность
Тип религиозности			
Убежденно верующий	88,8	5,9	2,0
Верующий	73,1	13,3	5,2
Колеблющийся	25,6	48,8	14,0
Неверующий	10,5	26,3	52,6
Убежденно неверующий	11,1	16,7	66,7
Возраст			
До 20 лет	77,8	15,4	4,3
От 20 до 30 лет	74,5	10,2	8,0
От 30 до 40 лет	66,7	15,5	7,8
От 40 до 50 лет	69,9	10,8	12,0
От 50 до 60 лет	56,7	19,4	11,9
От 60 лет и старше	76,7	13,3	10,0
Образование			
Базовое среднее	58,3	19,4	13,9
Среднее	74,0	15,0	5,5
Среднее специальное	77,3	10,9	6,7
Высшее	69,4	13,7	9,2
Всего:	71,0	13,8	8,3

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Результаты, полученные на вопрос «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?», констатируют противоречивость в позициях городского населения Дагестана. Так, если эмпирические данные на вопрос «С какой из групп Вы испытываете чувство общности?» показывают, что религиозная идентичность в массовом сознании горожан занимает второе место, то полученные на «контрольный вопрос» данные свидетельствуют о важности для них собственно конфессиональной принадлежности, причем ее позиции довольно весомы, хотя можно проследить существенные отличия в ответах по возрастному и образовательному признакам. Так, ранее было отмечено, что для респондентов старшего поколения и имеющих высокий образовательный статус значимы республиканский, российский и этнический типы социальной идентичности, однако глубинное изучение вопроса самоидентификации показывает, что для этих подгрупп огромное значение имеет и религиозная принадлежность, соответственно, и исповедуемое вероучение. Даже можно отметить, что в

сравнении с молодым поколением и подмассивом с низким уровнем образования в когорте взрослого поколения и имеющих высшее образование заметно меньше доля указывающих на незначимость конфессиональной принадлежности. При этом вполне ожидаемой является позиция самоидентифицирующихся как «колеблющиеся», «неверующие» и «убежденно неверующие», придерживающихся суждений «для меня не очень важна моя религиозная принадлежность» и «для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность». Таким образом, эмпирические данные являются основанием для констатации факта существования в массовом сознании городского населения Дагестана непоследовательности: с одной стороны, доминирование республиканского типа идентичности, с другой – обозначение важности религиозной принадлежности. Кроме того, наблюдается противоречивость в позициях респондентов по типу религиозности, относящихся к подгруппам «неверующие» и «убежденно неверующие»: для одной девятой части неверующих и каждому десятому из подмассива убежденно неверующих «очень важна религиозная принадлежность». Эти результаты подтверждают тезис, что «культурная религиозность», или религиозная самоидентификация, является мировоззренческой, идеологической позицией, но не религиозностью в прямом смысле этого слова. Самоидентификация не предполагает, что данный человек разделяет соответствующие религиозные верования и следует религиозным практикам, поэтому «собственно уровень религиозности – это численность практикующих верующих, т.е. тех, кто разделяет определенное вероучение, соблюдает предписываемые религиозные практики» [16, с. 40].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в установках каждой из подгрупп проявляется, во-первых, этнический принцип (обозначение вероучения национальной религией своего народа), во-вторых, культурная религиозность (идентификация с определенной религией независимо от типа религиозности – верующий/неверующий).

Происходящие не только в современной России, но во всем мире противоречивые религиозные процессы свидетельствуют о тесной связи, вернее, синтезе этнической и религиозной идентичностей, поэтому широкое распространение в общественном сознании населения, как уже ранее было отмечено, получила этноконфессиональная идентичность. Как известно, в европейских странах остро обозначилась проблема миграции носителей иной религиозной веры, сопряженная с трудностями их социальной адаптации в инокультурной и иноэтнической среде. При этом мигранты проявляют своеобразие «этнического поведения» в форме нежелания приспособляться в инациональной среде: «не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население» [17, с. 22].

При исследовании религиозности, культового поведения, значимости религиозной идентичности для индивида не менее важным является определение численности идентифицирующих себя с определенной религией (православие, ислам, католицизм, протестантизм и т.д.), не говоря о национальных и других восточных религиозных течениях и сектах, которые получили широкое распространение на постсоветском пространстве. Отсутствие в переписи населения данных об отношении к религии вынуждает исследователей оперировать результатами социологических опросов, что не всегда отражает реальную картину чис-

ленности последователей конкретно взятого вероисповедания. А статистические данные позволили бы более глубже охарактеризовать религиозную сферу, понять причины возникновения религиозной интолерантности в современном российском обществе.

В рамках изучения типов религиозности, значения религиозной идентичности закономерно возникает вопрос о месте и роли религии в жизни не только конкретно взятого человека, но и национального образования. По мнению Г.Н. Юсуповой, для многих этнических групп религия является неотъемлемой и важной частью культуры [18, с. 154]. Подтверждением тезиса исследователей, что религия является важным компонентом национальной культуры этнической общности, являются полученные на вопрос «Согласны ли Вы со следующим суждением – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"?» эмпирические данные. В массовом сознании превалирует позиция, рассматривающая вероисповедание как часть этнокультуры (63,3%); по типу религиозности утвердительно ответили 73,2% самоидентифицирующихся как «убежденно верующие», 65,3% «верующих» и 46,5% «колеблющихся»; противоположной позиции придерживаются 36,8% опрошенных в подгруппе «неверующие» и 38,9% «убежденно неверующие». Но при этом одна треть неверующих и каждый пятый в подгруппе убежденно неверующих затруднились выразить свою позицию. Если посмотреть результаты опроса по возрастному разрезу, то 69,2% опрошенных «до 20 лет», 62,0% «от 20 до 30 лет», 63,6% «от 30 до 40 лет», 56,6% «от 40 до 50 лет», 64,2% «от 50 до 60 лет» и 56,7% «от 60 лет и старше» придерживаются позиции, что исповедуемое вероучение является частью этнокультуры их народа. Противоположное суждение, в сравнении с другими подгруппами, отмечено опрошенными в возрастной когорте «от 20 до 30 лет» (16,1%) и «от 60 лет и старше» (16,7%), хотя в последней подгруппе одна треть респондентов затруднилась выразить свою позицию. По образовательному параметру существенных отличий не наблюдается: в пределах от 63,9% респондентов, имеющих базовое среднее образование, до 66,4% со средним специальным образованием рассматривают религию как часть национальной культуры своей этнической группы. Не согласных с данным тезисом, по сравнению с другими подгруппами, больше в подмассиве с низким образовательным статусом – 16,7% с базовым средним образованием.

Анализ выраженности религиозной идентичности показывает ее важность, наряду с другими типами самоидентификации, для опрошенного городского населения, более того, респонденты подчеркивают значимость собственной конфессиональной принадлежности, что свидетельствует о существовании интенсивной религиозной идентичности, предполагающей чувство сильной связи с единоверцами. Кроме того, обозначение чувства единства с последователями одного вероисповедания закономерно ставит вопрос о состоянии и культуре доверия. Если обратиться к самому понятию «доверие», то исследователи отмечают, что оно (доверие. – Авт.) является «феноменом, с трудом поддающимся универсальной концептуализации. Под доверием скрываются многообразные компоненты осознанного и бессознательного, связанные с отношением к людям и социальным объектам, их оценка в контексте "надежности"» [19, с. 111].

В социологическом исследовании 2017 г. был затронут вопрос доверия к различным социальным слоям и структурам российского общества (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос «Кому Вы в наибольшей степени доверяете?» (%)

Table 3 Distribution of answers to the question "Who do you most trust?" (%)

Варианты ответов	Доверяю	Не доверяю
Своей семье	84,3	3,8
Родителям	69,9	3,2
Друзьям	30,1	8,1
Коллегам	6,9	8,1
Представителям своего народа	4,0	6,1
Представителям своей религии	8,7	8,3
Федеральной власти	3,1	20,0
Республиканской власти	1,1	31,6
Республиканскому правительству	0,7	27,4
Местной власти	0,5	33,9
Правоохранительным структурам (суду, полиции, прокуратуре)	0,9	38,1
СМИ (газеты, журналы, Интернет и т.д.)	0,9	40,1

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

В рамках данного исследования для нас интерес представляют данные, показывающие степень доверия к единоверцам. Так, эмпирические данные свидетельствуют о том, что конфессиональная принадлежность человека не рассматривается опрошенными как фактор, влияющий на формирование определенной степени доверия: почти одинаковая доля респондентов отметила позиции «доверяю» и «не доверяю» представителям своего вероисповедания. Иными словами, можно сделать вывод о слабой выраженности обобщенного доверия, то есть доверия вообще к своему окружению. Причины здесь могут быть самые разные, начиная от недоверия к исламскому духовенству и духовным лицам и заканчивая уже личностным уровнем.

Резюмируя анализ данного блока исследования, можно утверждать, что признак или параметр обозначения существующей связи или чувства общности со своей группой является констатацией социально-психологических индикаторов проявления типов социальной идентичности, в данном ракурсе религиозной (исламской) самоидентификации, выражением сплоченности, демонстрирующей, во-первых, яркость религиозной идентичности, во-вторых, индикатор ее значимости и силы в общественных процессах. Но при этом в массовом сознании довольно слабы позиции доверия к единоверцам, что свидетельствует о существовании в латентной форме определенных проблем в межличностном общении.

Заключение

Изучение проблемы религиозной идентичности городского населения Дагестана показывает превалирование в его массовом сознании с существенным преимуществом от других позиций республиканского типа социальной идентичности. При этом исследование не выявило заметных различий при самоидентификации в разрезе отношения к религии, а также по социально-демографическим параметрам. Анализ места религиозной идентичности среди типов социальной идентичности констатирует ее важность для опрошенных горожан, а она занимает второе ранговое место в этой

иерархии. Авторская гипотеза о доминировании религиозной идентичности над иными типами самоидентификации в позициях убежденно верующих и верующих результатами исследования не подтвердилась, более того, процентные показатели подгруппы верующих почти равны с подмассивами колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, обозначающих самоидентификацию с единоверцами. Вместе с тем результаты исследования показывают наличие заметных отличий в процессе самоидентификации по возрастному признаку: так поколение до 40 лет подчеркивает значимость религиозной самоидентификации, а более взрослая когорта акцентирует внимание на российском, профессиональном и политическом типах социальной идентичности. Такая позиция объясняется тем, что эти поколения отличаются друг от друга: старшее поколение выросло при другой политической системе и воспитано на совершенно противоположной идеологии на базе атеистического мировоззрения, в то время как мировоззренческие установки молодого поколения сформировались на фоне религиозного, в данном контексте исламского, возрождения. Несмотря на довольно противоречивые процессы, происходящие в религиозной сфере, стремление духовных лидеров проникать в социальную ткань, молодое поколение показывает свою ориентированность на религиозное мировоззрение, хотя можно наблюдать несогласованность между обозначением своего отношения к религии (тип религиозности) и интенсивностью их культового поведения.

По результатам исследования установлено существование в массовом сознании городского населения республики несогласованности и даже непоследовательности: так, при обозначении осознания чувства общности со всеми дагестанскими народами респонденты подчеркивают значимость для себя религиозной принадлежности – «для меня имеет очень важное значение моя религиозная принадлежность», причем она имеет большой вес в их массовом сознании. Более того, данной позиции придерживается подавляющая часть респондентов практически по всем параметрам анализа (отношение к религии, социально-демографический). Кроме того, можно проследить превалирование республиканского типа идентичности при одновременном обозначении важности конфессиональной принадлежности и обращает на себя внимание позиция неверующих и убежденно неверующих, которые обозначают свое отношение к вере, но при этом подчеркивают суждение «для меня очень важна моя религиозная принадлежность». Также в массовом сознании городского населения можно отметить существование тесной связи между этническим и религиозным компонентами: так, больше половины опрошенных рассматривают собственное вероисповедание как часть этнокультуры своей общности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 45-61.
2. Там же.
3. Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. – 2012. – № 4. – С. 10-24.
4. Бабич Н.С., Хоменко В.И. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 89-96. DOI: 10.19181/socjour.2013.2.384.
5. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. – 2017. Т. 23. – № 3. – С. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.

6. Юрасов И.А., Павлова О.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 7 (125). – С. 24-29.
7. Там же.
8. Рыжова С.В. Указ. соч.
9. Там же. – С. 51.
10. Мчедлова М.М. Указ. соч.
11. Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. – Махачкала, 1996. – 108 с.
12. Рыжова С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 49-58. DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
13. Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
14. Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия): Информационно-аналитический бюллетень. – М.: Институт социологии РАН, 2012. – 97 с.
15. См.: Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественной жизни современной России. – М.: Научная книга, 2005; Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: Новое литературное обозрение, 2006; Широкалова Г.С., Аникина А.В. Политический выбор РПЦ как фактор, определяющий ее будущее // Социологические исследования. – 2007. – № 10; Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // URL: http://www/religare.ru/article_print.php?num=58; Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. – 2009. – № 4; Рамазанов Р.О. Проблема исламского самосознания в современном обществе // Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Махачкала, 24–25 апреля 2019 г.) / Под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. – Махачкала: АЛЕФ, 2019; Рамазанов Р.О. Вопросы толерантности и религиозная идентичность дагестанских народов // Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Майкоп, 23–25 мая 2019 г.) / Отв. ред. С.А. Ляшова. – Майкоп, 2019. – С. 190-195.
16. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35-45.
17. Старые и новые лики национальной проблемы / Отв. ред. А.А. Галкин. – М.: Институт социологии, 2005. – 304 с.
18. Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 143-158.
19. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: Монография / Отв. ред. Л.М. Дробижина. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 400 с.

REFERENCES

1. Simonova O.A. K formirovaniyu sociologii identichnosti [Towards the formation of the sociology of identity]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2008. No. 3. Pp. 45-61.
2. Tam zhe.
3. Mchedlova M.M. Sovremennye parametry vozvrashcheniya religii: rakursy problem [Modern parameters of the revival of religion: the problem of perspective]. Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2012. No. 4. Pp. 10-24.
4. Babich N.S., Homenko V.I. Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podhoda k izmereniyu religioznosti [Logical and practical works of a multidimensional approach to measuring religiosity]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2013. No. 2. Pp. 89-96. DOI: 10.19181/socjour.2013.2.384.
5. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2017. T.23. No.3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
6. Yurasov I.A., Pavlova O.A. Diskursivnoe issledovanie religioznoj identichnosti [Discursive study of religious identity]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2018. No. 7 (125). Pp. 24-29.
7. Tam zhe.
8. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2017. T.23. No. 3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
9. Tam zhe.
10. Mchedlova M.M. Sovremennye parametry vozvrashcheniya religii: rakursy problemy [Modern parameters of the revival of religion: the problem of perspective]. Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2012. No. 4. Pp. 10-24.
11. Kurbanov M.R., Kurbanov G.M. Religiya v kul'ture narodov Dagestana [Religion in the culture of the peoples of Dagestan]. Mahachkala, 1996. 108 s.
12. Ryzhova S.V. Religioznost', etnokonfessional'naya identichnost' i problemy mezhetnicheskogo soglasiya [Religiosity, ethno-confessional identity and problems of interethnic harmony]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2019. No. 2. Pp. 49-58. DOI: 10.31857/S013216250004006-9.
13. Malashenko A.V. Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza [Islamic landmarks of the North Caucasus]. M.: Gendal'f, 2001. 180 p.
14. Identichnost' i konsolidacionnyj resurs zhitelej Respubliki Saha (Yakutiya). Informacionno-analiticheskij byulleten' [Identity and consolidation resource of residents of the Republic of Sakha (Yakutia) Information and analytical Bulletin]. M.: Institut sociologii RAN, 2012. 97 p.
15. Sm.: Mchedlov M.P. Religiovedcheskie ocherki. Religiya v duhovnoj i obshchestvennoj zhizni sovremennoj Rossii [Religious studies essays. Religion in the spiritual and social life of modern Russia]. M.: Nauchnaya kniga, 2005; Mitrohin N. Russkaya pravoslavnaya cerkov': sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problem [The Russian Orthodox Church: current state and current problems]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006; Shirokalo G.S., Anikina A.V. Politicheskij vybor RPC kak faktor, opredelyayushchij ee budushchee [Political choice of the POC as a factor determining its future]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2007. No. 10; K. Kaarijnen, D. Furman Religioznost' v Rossii v 90-e gody [Religiosity in Russia in the 90s]. URL: http://www/religare.ru/article_print.php?num=58; Kublickaya E.A. Osobennosti religioznosti v sovremennoj Rossii [Features of religiosity in modern Russia]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2009. No. 4; Ramazanov R.O. Problema is-

lamskogo samosoznaniya v sovremennom obshchestve [Problem of Islamic consciousness in modern society]. Dialog kultur v globaliziruyushchemsya mire. Dialog kultur i kultura dialoga [Dialog of cultures in globalized world. Dialog of cultures and culture of dialog]. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) (Makhachkala, 24–25 aprelya 2019 g.). Pod red. V.E. Manapovoy, O.S. Mutievoy. Makhachkala: ALYEF, 2019; Ramazanov R.O. Voprosy tolerantnosti i religioznaya identichnost dagestanskikh narodov [Problems of tolerance and religious identity of daghestan people]. Pozitivnyy potentsial islama kak faktor etnosotsialnoy konsolidatsii Rossii [Positive potential of islam as factor of ethno-social consolidation of Russia]. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Maykop, 23–25 maya 2019 g.). Otv. red. Lyausheva S.A. Maykop, 2019.

16. Filatov S.B., Lunkin R.N. Statistika rossijskoj religioznosti: magiya cifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological reseaches]. 2005. No. 6. Pp. 35-45.
17. Starye i novye liki nacional'noj problem [Old and new faces of the national problem]. Otv. red. A.A. Galkin. M.: Institut sociologii, 2005. 304 p.
18. Yusupova G.N. Bor'ba etnicheskikh grupp za status. Rol' religii [The struggle of ethnic groups for status. The role of religion]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2012. No. 3. Pp. 143-158.
19. Mezhnacional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossijskogo obshchestva: [monografiya] [Interethnic solidarity as resource of consolidation of Russian society: [monograph]. Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: Institut sociologii RAN, 2016. 400 p.

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Madina M. Shakhbanova, Doctor in Sociological Sciences, Senior Researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
ORCID id: 0000-0003-1325-9452
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.12.2020

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122
УДК 371

**ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ
СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ И ЕГО ВОСПИТАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

АБРАМОВ Сергей Михайлович

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: abramowwwwsm@mail.ru

АКУЛОВ Сергей Александрович

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: sergei1954akulov@rambler.ru

Анотация: В статье проблема патриотизма рассматривается как содержательно изменяющийся общественный феномен с точки зрения его природы и сущности, которые не являются неизменными. Особое внимание уделяется тому, что патриотизм замкнул на себе нереализованные надежды социальных групп и слоев общества, ожидания которых оказались выше его политических и культурных возможностей. Научная новизна работы заключается в том, что в ней говорится о зависимости патриотизма от поколенческого сдвига или смены поколений, так как появление нового дееспособного субъекта социального действия, обладающего не только постматериальной независимой от ушедшей советской натуры, но и новой идеализированной системой ценностей, способно предопределить изменения в патриотических настроениях в обществе. В работе утверждается, что различные интерпретации патриотизма, несмотря на его кажущуюся естественность и извечность, создают предпосылки для появления стереотипизированных химерических конструкций. Отмечается, что традиционно формой патриотического фетишизма выступает институт образования, сведенный к логике «сервиса» – к оказанию образовательных услуг, выстроенный сообразно заданной вертикали ценностей и приоритетов, очерченных государством, в рамках которого патриотизм не воспитывается, а провозглашается. Институт образования, для которого фрейм воспитания патриотизма перестал быть организующим принципом, больше не прошит сильными временными связями в пределах прямого контакта поколений, их смысловым диалогом. Как следствие, патриотическое воспитание слабо интегрировано в образовательный процесс. Другим следствием этой ситуации является слепота института образования в современной России в отношении

поколенческих сдвигов и их влияния на общественное развитие. Сегодня российскому государству (его политической элите) намного важнее воспроизводить форму патриотизма на уровне официальных формул, но не его буквальный смысл. Статья опирается на принципы научности, объективности и креативности.

Ключевые слова: патриотизм, фиджитал-поколение, эффект подражания, симулякр патриотизма, институт образования

Для цитирования: Абрамов С.М., Акулов С.А. Попытка осмысления феномена патриотизма в контексте смены поколений и его воспитания в отечественной системе образования. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 109-122.
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122

Original article

AN ATTEMPT TO COMPREHEND THE PHENOMENON OF PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF GENERATIONAL CHANGE AND ITS UPBRINGING IN THE DOMESTIC EDUCATION SYSTEM

Sergey M. ABRAMOV

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
e-mail: abramowwwsm@mail.ru

Sergey A. AKULOV

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
e-mail: sergei1954akulov@rambler.ru

Abstract: In the article, the problem of patriotism is considered as a meaningfully changing social phenomenon from the point of view of its nature and essence, which are not invariable. Special attention is paid to the fact that patriotism locked onto itself the unfulfilled hopes of social groups and strata of society, whose expectations turned out to be higher than its political and cultural capabilities. The scientific novelty of the work lies in the fact that it speaks of the dependence of patriotism on a generational shift or generational change, since the emergence of a new capable subject of social action, possessing not only a post-material independent of the departed Soviet nature, but also a new idealized system of values, is capable of predetermining changes in patriotic sentiments in society. The paper argues that various interpretations of patriotism, despite its seeming naturalness and eternity, create the preconditions for the emergence of stereotyped chimerical constructions. It is noted that the traditionally form of patriotic fetishism is the institution of education, reduced to the logic of "service" – to the provision of educational services, built in accordance with a given vertical of values and priorities outlined by the state, within which patriotism is not brought up, but proclaimed. The Institute of Education, for which the frame of education of patriotism has ceased to be an organizing principle, is no longer stitched with strong temporary ties within the direct contact of

generations, their semantic dialogue. As a result, patriotic education is poorly integrated into the educational process. Another consequence of this situation is the blindness of the institution of education in modern Russia in relation to generational shifts and their impact on social development. Today it is much more important for the Russian state (its political elite) to reproduce the form of patriotism at the level of official formulas, but not its literal meaning. The article is based on the principles of science, objectivity and creativity.

Keywords: patriotism, phigital generation, imitation effect, simulacrum of patriotism, institute of education

For citation: Abramov S.M., Akulov S.A. An attempt to comprehend the phenomenon of patriotism in the context of generational change and its upbringing in the domestic education system. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 109-122. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122

Возрастание интереса к проблеме патриотизма, как правило, характерно для общества, входящего в новые формы своего существования и переживающего переходный этап в своем развитии. Как следствие, в таком переходном обществе возникает острая потребность поиска утраченных смыслов, осмысления традиций, закрепляющихся и сохраняющихся в его исторической памяти, без которой ни одно общество не живет. Исследование проблемы патриотизма представляет особые трудности, что становится поводом для его осмысления. Его анализ не обходится без оценочных суждений, он неизбежно сопряжен с системой толкований, как личной, так и пристрастной, задевающей интересы политических и культурных элит всех видов.

Ни в коем случае не претендуем на первенство, говоря о том, что в основе патриотизма лежит личная интеллектуальная, эмоциональная и чувственная привязанность личности к стране, ее национальной культуре, преломленная через интересы и верования правящего класса, восприятие которой каждым индивидом осуществляется через сферу внутреннего самоконтроля, что направляет деятельностное бытие личности. Вместе с тем следует отметить, что патриотизм личности включает его гражданское самосознание, связанное с формированием у индивида чувства гражданской идентичности и ответственности, которые определяют уровень проникновения и форму сложных разновидностей патриотизма – от личного до государственного.

Полагаем, что устойчивость современного патриотизма, ориентированного исключительно на текущий момент, связана с его способностью вбирать в себя все его сложные виды и формы – ностальгический, идеологический, романтический, государственный, которые обладают собственной динамикой и, как следствие, обуславливают и определяют личное и общественное поведение и настроение людей посредством эмоциональной насыщенности стереотипов, в том числе мифологических, предельно упрощающих понимание окружающей реальности и сводя ее к появлению в массовом сознании дихотомии – борьбы сил добра и зла, кого любить, кого ненавидеть.

Склонны предположить, что особенность настоящего момента заключается в попытке поставить общество под тотальный контроль посредством перехода от патриотизма к государственному патриотизму и далее к новой его модели – военно-мобилизационному патриотизму. Одно из оснований этой политики содержится в исторической памяти русского народа, ибо Россия большинство веков своей истории выступала в качестве осажденной крепости.

Благоприятным фактором является состояние современного российского общества, которое сопровождается ростом социального неравенства, попранием социальной справедливости, утратой социального оптимизма, распадом и разобщенностью социальных общностей, фрустрирующим фоном напряженности людей и многочисленными флуктуациями, которое одновременно испытывает сильное и агрессивное воздействие со стороны средств массовой информации на индивидуальное сознание, что позволяет многократно умножать возможности трансляции заданного образца патриотизма (патриотизм – одно из порождений медиапространства), построенного на неопределенных общественных идеалах. Подчеркнем, что «пропаганда проникает в уже открытые умы и утверждает в них не новые мысли, а только оформляет те, которые уже существовали» [6, с. 129]. В этом смысле пропаганда вторична. При этом, безусловно, нельзя отрицать колоссальную роль психотехник (сознательное искажение информации) и социальных технологий (сознательное введение в заблуждение; злоупотребление рекламными технологиями) для мобилизации воли людей. Как справедливо указывает А.И. Юрьев, «вся информация, создаваемая в средствах массовой информации и в политических публикациях, предназначена только лишь для эмоциональной сферы человека, учитывающей закономерности восприятия, памяти, внимания, настроений, переживаний» [7, с. 422].

Есть все основания полагать, что агрессивная теледиета способна спровоцировать в человеке патриотические наклонности, так как телевидение, благодаря тонкости своего влияния, запускает в действие эффект подражания («быть как все»), искажая представления зрителей о реальности. Между тем именно такой тип квазипатриотизма, формируемый агрессивной пропагандой, лишен морально-нравственного смысла; как следствие, он нарушает целостность и упорядоченность общественных процессов и ведет к нарастанию энтропии, что в целом обуславливает нарушение ценностно-мотивационного ядра национального, гражданского самосознания.

Как было сказано, патриотизм непредставим без пропаганды; целые поколения воспитывались и продолжают воспитываться на телевидении, то есть области, находящейся под жестким контролем государства, заинтересованного в формировании традиционных представлений – не иметь своего мнения, доверять коллективному мнению «соплеменников».

Обозначим только несколько линий, которые представляются особенно важными, искажающими суть современного патриотизма: это перенос акцентов с интересов людей на интересы власти (государства) и выдача их за интересы людей (социума); развитие псевдосоциальной солидарности – «мы вместе»; широкое использование и эксплуатация государственного и административного ресурса, в том числе подконтрольных СМИ; использование старой дилеммы *вера – знание* в пользу навязывания патриотических верований, а не знаний («патриотизм выше знаний»); реальная социальная информация, исходящая из всех источников, закономерно подменяется источником социального творчества – патриотизмом;

широкое использование лингвистической мимикрии, придающей привычным словам намеренно благозвучный смысл, таким как *народ, порядок, дисциплина, власть*, и отказ от дискредитированных иностранных понятий: *демократ, рынок*; постоянная одержимость идеями и образцами прошлого (перерастающая в болезненную зависимость от прошлого, которое рассматривается в «романтическом духе», так как утрата представлений о будущем объективно заставляет искать идеал в мифологизированном прошлом), мешающая субъекту видеть реальное настоящее, перенасыщение прошлым; игра в великодержавность для компенсации внутренних экономических и внешнеполитических провалов страны (правящие элиты любят играть в великодержавность).

Нельзя не отметить, что избыточность патриотизма, оторванного от полезного прошлого, политизирует и накаляет политические чувства социальных групп и слоев общества (всех его сегментов), как бы они ни были далеки от него прежде, завораживает своей силой упрощения повседневной жизни, подталкивает людей к стереотипному мышлению, появлению предрассудков, стандартизирует ценности, что важно – создает иллюзии, благодаря которым события социальной жизни отдельных индивидов, социальных групп приобретают признаки реальности. Как указывает Ж. Бодрийяр, «все, что происходит, аннигилируется на телевизионном экране» [2, с. 285].

Обратим внимание на то, что патриотизм, на наш взгляд, задан соотношением потребности (в данном случае элиты) и ситуации (например, международной изоляции), в то же время он построен на подчинении мышления идеологической модели, которая подразумевает придание индивидуальному «Я» поведенческой ориентации с помощью закрепленной картины мира, не всегда соотношенной с потребностями общества (у общества потребности могут быть иллюзорными, целенедостижение которых маскируется воспеванием прошлых побед) и власти (реальными потребностями, реализации которых мешают трудноразрешимые проблемы в экономике, образовании, экологии и других областях общественной жизни). Другими словами, это положение «иллюзия – реальность» является мощным источником патриотического романтизма, как неотъемлемой части государственного патриотизма, с помощью которого можно вести в любом направлении все новые поколения.

Полагаем, что сегодня массовое сознание, захваченное повседневными проблемами, опустошенное историческими разочарованиями (низкий уровень качества жизни вместо опережения и процветания) и встревоженное неопределенностью перспектив, требует новых идеалов, которые имеют свойство обращаться в свою противоположность. Обращает на себя внимание то, что доминирующая идеология в рамках такой формы патриотизма как минимум должна отражать реальные потребности общества, его развития, но она их искажает.

Имеет смысл отметить, что, даже если мы согласимся с тем, что подъем патриотических настроений стал результатом определенной стратегии государства, с помощью которой оно пытается компенсировать отступление от собственных социальных обязательств, факт остается фактом – патриотизм сейчас стал объективным фактором, определяющим общественно-политическую обстановку в стране. В конечном счете сегодня обществу посредством (и вопреки) патриотизма, высвобождающего националистический инстинкт (возможно, избытком национализма предполагается заменить недостаток гражданских свобод), сделана попытка навязать мобилизационную модель, охватить и сковать страну «обру-

чем» патриотизма. Безусловно патриотизм позволяет заглушить остроту социальных противоречий, поддерживать социальную дисциплину в обществе, а с другой стороны, разбудить и обострить национальные чувства. Сложно сказать, какое место в этом процессе занимает убежденность, а какое – притязания. Ограничимся тем, что скажем: нельзя ни одному обществу отказывать в праве на патриотизм, природа и сущность которого не являются неизменными. Он опирается на чрезвычайно гибкий политический язык, способ выражения политических аргументов при помощи апелляции к родине (стране), который исповедует та или иная часть общества.

При этом логика политической элиты трансцендентно отражает потребности только какой-то части общества, желающей быть наглухо застегнутыми в армейский френч – «мы солдаты», жить по законам психологии войны, военной организации общества. Фактически социально-политический контекст общества обуславливает и его патриотические настроения, выраженные в вышеуказанной форме.

Нет смысла отрицать, что активное использование в СМИ мифа военной угрозы, «призраков по вызову» (термин Г. Павловского) катализирует формирование патриотизма. Идея «врага», который должен быть разбит либо уничтожен, внешней угрозы в конечном итоге обуславливает моделирование индивидуального поведения посредством широкой и расчетливой пропаганды идей патриотизма, сопровождаемых демонстрацией патриотических сцен. Безусловно, пропаганда патриотизма большей частью основана на стереотипизации мышления отдельных социальных групп общества.

Склонны предположить, что сегодня широкой социальной опорой патриотизма выступает поколение традиционалистов или возрастная аудитория – к ним отнесем послевоенное поколение, шестидесятников и семидесятников, воспитанных в парадигме государственного патриотизма в условиях холодной войны. Сегодня это самое лояльное и патриотическое поколение из всех, отличающееся крайним, предельным настроением. Именно эту аудиторию проще всего мобилизовать – это факт несомненный. Другой опорой патриотизма выступает потерянное поколение, или поколение «свободы». Авторитаризм, укреплению которого оно содействует, является для него, как правило, привычной, естественной средой обитания. Его представители инфантильны, недостаточно критичны и агрессивны, поэтому являются социальной базой всех провластных патриотических движений. Как субъект социального действия, ностальгирующие по СССР, они не способны продавить какие-либо перемены (изменения) в обществе, оставаясь надежным демиургом существующего статус-кво.

Одна из очевидных проблем патриотизма состоит в том, что он связан исключительно с традиционалистами (чье сознание целиком приковано к матрице старого), в то время как должен быть обращен к молодежи, к ее потребностям.

Обратим внимание на то, что сегодня выросло новое поколение, которое воспитано не только на телевидении, но и на интернете, причем это более дееспособное и деятельное поколение – условно назовем его «цифровым поколением», увлеченное фиджитал-культурой (цифровой культурой), способное изменить реальность на ту, которая его больше устраивает. Поэтому так велико значение этого поколения, которое практически ничем не связано с советским прошлым и не охвачено «обручем» патриотизма, общими ностальгическими воспоминаниями. В отличие от названных выше поколений, фиджитал-поколение больше ориенти-

ровано на актуальные постматериальные ценности, различия между которыми обусловлены степенью идеологизации, нормами понимания объективности.

Тем не менее нам представляется очевидным, что границы, разделяющие людей, проходят *не между поколениями, а внутри них*; традиционалистов и представителей нового поколения размежевывают их взгляды, ориентиры, духовные опоры и практические действия.

Между тем фиджитал-мировоззрение нового поколения, которое, как, впрочем, и каждое поколение, безусловно ищет свою цель жизни, способно спровоцировать серьезные противоречия, множество мировоззренческих конфликтов с предыдущим поколением традиционалистов, с которым оно чувствует свою ценностную разделенность (не путать с психологическими перегородками) и с которым у них нет никакой социальной близости, ибо оно обладает беспрецедентными возможностями (технологическая продвинутость, открытость, непредвзятость и критичность мышления, решимость, высокий уровень толерантности) выбирать и контролировать свои предпочтения. Важно понимать, что ему также чуждо патологическое невежество – один из синдромов современной России. Кроме того, его отличает высокая резистентность, так называемая внутренняя сопротивляемость или невосприимчивость к любому внешнему воздействию, стойкое несогласие с отсутствием права выбора, свободы, нежелание выполнять и подчиняться чужой воле.

Надо четко представлять, что образец смирения (смирительная рубашка) не относится к формуле (логике) их поведения. У них нет чувства тоски по большой стране – Советскому Союзу. Как следствие, из всех поколений, которое надеется только на себя, оно в наименьшей степени подвержено мимикрии, т.е. намеренному притворству, особенно публичному, что особенно характерно для среднестатистического обывателя российского общества, как правило, прячущегося за маской ложного притворства, признания данного феномена. В то же время следует признать, что у этого поколения нет глубокой и разветвленной одной системы ценностей (что во многом характерно для любого поколения), верований, убеждений. Реальность для них – постоянно меняющийся калейдоскоп виртуальных событий. А это опаснее мимикрии, это ворота хаоса.

Нет смысла отрицать, что новое и непонятое поколение, со свойственной ему критической рефлексией происходящих событий, будет находить другие (новые) пути самореализации, в том числе творческой, нельзя недооценивать его склонность реально смотреть на вещи. Ошибочно полагать, что новое поколение, растущее в контекстах, контролируемых взрослыми и пытающимися конструировать его судьбу, захочет жить по «взрослым сценариям» своих «отцов», подойдет к пониманию патриотизма, гражданской позиции личности со старых позиций, а значит, неизбежно наполнит их новым глубоким смыслом. Поэтому, несмотря на то что новое поколение находится рядом с миром отцов или взрослых, на самом деле оно чрезвычайно далеко от них. Следовательно, изучение поколений требует коррекции в форме новых критических дополнений. В противном случае получается дурная бесконечность, одно повторяет другое.

Несомненно, в условиях смены поколений предстоит поиск нового объяснения патриотизма и его предназначения. Конечно, это упрощение – считать, что проблема патриотизма определяется только межпоколенческим сдвигом. Необходимо принимать во внимание и культурно-историческое пространство обще-

ства, в том числе состояние гражданского воспитания, аксиологический потенциал современного образования, наряду с его гуманитарной составляющей.

Отметим, что на современном этапе развития российского общества, в общественном сознании, которого цель и смысл патриотизма подменены необратимо, происходит болезненная смена базового психотипа. В обществе приоритетное значение получает процесс, основанный как на манипулятивных и спекулятивных действиях со стороны государства – намеренная героизация прошлого страны через сокрытие «скелетов в шкафу», антиамериканская и антиевропейская риторика провластных средств массовой информации, не отличающих сущее от кажимости, так и на постепенном втягивании представителей всех поколений в осознанное построение системоукрепляемой общности, постепенно развивающейся и меняющейся.

Склонны предположить, что любые попытки государства навязать обществу тот или иной тип патриотизма всегда есть насилие над личностью, которое заставляет человека верить в идеи патриотизма правящего класса, и как следствие, помещает его в симулякр патриотизма, в искусственно созданное матричное образование с заданными и неизменными характеристиками. В итоге патриотизм превращается в имитацию патриотизма, некое симулятивное образование. Одновременно он, как правило, сводится к политической воле и политическому интересу правящей группы, который реализуется за счет стратегических действий, основанных на искажении или сокрытии информации, что обуславливает негативный и в конечном счете антинародный сценарий.

Полагаем, что сегодня патриотизм привлекает к себе людей, стратифицированных по образу жизни. Однако требуется анализ того, как представляет себе патриотизм отдельная человеческая единица, которой предстоит сделать выбор в сторону того или иного типа патриотизма, особенно в бифуркационный период развития общества.

Склонны полагать, что значимость патриотизма для развития общества актуализирует вопрос, связанный с факторами его формирования. В то же время различные интерпретации патриотизма, несмотря на его кажущуюся естественность и извечность, создают предпосылки для появления стереотипизированных химерических конструкций по причине столкновения в многонациональном государстве местного и государственного патриотизма или в многонациональной системе противоречий между имперским патриотизмом и патриотизмом маленькой нации.

Отрицание патриотизма, как и его обожествление, – это две неприемлемые крайности. В них проявляется две стороны фетишистского сознания – отрицание и восстановление некоего идола, которое на протяжении долгого времени оставалось неотъемлемой чертой советской действительности. Отрицание патриотизма – это свержение исторической личности, сложившейся в многовековой культуре российского общества; восстановление означает абсолютизацию застывшей маски, безжизненной личины. Сегодня складывается впечатление, что фетишизация патриотизма сводится к тому, чтобы компенсировать потерю реального, показать реальное через воображаемое.

Бесспорно, приоритетной формой патриотического фетишизма выступает институт образования, сведенный к логике «сервиса» – к оказанию образовательных услуг, выстроенный сообразно заданной вертикали ценностей и приоритетов, очерченных государством. Институт образования выступает приоритетным

каналом воспитания, передачи и усвоения идеи патриотизма. Его особенность заключается в том, что он больше не контролируется мощной идеологией, которая вынесена за пределы школы, несмотря на появившиеся зачатки запрета на критику государственной политики. Более того, государство утратило контроль за действием групп (педагогов), выступающих в качестве регуляторов массовидного поведения, осуществляемого через институт образования с разнообразием педагогических программ и процесса обучения. Институт образования, для которого фрейм воспитания патриотизма перестал быть организующим принципом, больше не пропитан сильными временными связями в пределах прямого контакта поколений, их смысловым диалогом, настраивающим на понимание прошлого. Как следствие, патриотическое воспитание слабо интегрировано в образовательный процесс.

Нет сомнений в том, что современная школа в отличие от советской потеряла свою тотальность, стремление контролировать все, чем живет личность обучающегося. Контроль приобретает характер внешнего бюрократического мероприятия, поощряющего сознание обучающегося к патриотизму по привычке или инерции.

Проследим эволюцию школы. В советское время школа, несомненно, выступала «территорией тотального контроля». Тем не менее ее преимущество состояло в том, что она позволяла жить с логически осмысленным опытом патриотизма, который яснее всего проявлялся в образе жизни. Важным достоинством советской школы оставалось то, что свою главную задачу она видела в воспитании личности (граждан страны), подрастающего поколения, которое было объединено (слито) с обучением.

Затем она сменяется школой «гибридного контроля» за разными лакунами социальных групп. Развитие получает патриотизм на традиционной основе, эмоционально осмысленной. Память о войне 1941–1945 гг. оставалась важной частью механизма военно-патриотического воспитания. В начале 90-х школа становится «территорией хаоса» с отказом от какой-либо идеологии. Здесь выделяется формы игрового патриотизма с элементами традиционного и уже догматического. Происходит разделение его на государственный и личный. Перед ней стояла задача реформатирования сознания подрастающего поколения.

В настоящее время школа постепенно эволюционирует в «территорию организованного хаоса». Несмотря на то, что сегодня нет единого понятия патриотизма, тем не менее постепенно идет агрессивное навязывание идеи государственного патриотизма, сопровождаемого градом громких деклараций. Его формирующей основой выступает День Победы – 9 мая, который остается мощным коллективным ритуалом, значение которого разделяется практически всеми поколениями страны. В то же самое время отмечается заметное снижение роли воспитательной и духовно-нравственной составляющей в образовательном процессе школы, что обусловлено общим политическим и социальным климатом страны. Главную задачу современная школа видит в передаче новому поколению набора компетенций.

Трудно не согласиться с тем, что воспитание патриотизма проходит в ходе социализации в рамках сложившейся образовательной системы. Однако при этом школа должна быть основана на усвоении классического отечественного и зарубежного культурного наследия, опираться на нормы научного мышления, акту-

альные базовые ценности российской цивилизации и категории религиозной культуры своего общества, национального сознания, и на его духовный опыт.

К числу других средств воспитания патриотизма отнесем технологии манипуляции общественным сознанием в соответствии с заданными стереотипами среды, ограничивающими способность индивида сохранять естественный режим мышления (формированием так называемого мифомышления), что неизбежно сопровождается процессом деперсонализации личности, попаданием ее в сложную систему психологических зависимостей. Игра на архаических ценностях и через ценности становится важным фактором включения индивида в пространство патриотизма.

Критически важно проследить эволюцию воспитания патриотизма как единого процесса. Как минимум, патриотизм вырастает на почве истории семьи (воспитания на дому), которая остается единственным социальным институтом, обеспечивающим наилучшим образом его формирование и воспитание, где не надо апеллировать к сознанию и сознательности подрастающего поколения. Его содержанием становятся семейные ценности, когда ребенок входит в так называемую почву, род, социальную группу как часть самости. Здесь преобладает неформализованное воспитание патриотизма. Новый этап воспитания патриотизма свое логическое продолжение получает уже в рамках общеобразовательной школы, где его воспитание в основном построено на основе формализованных ценностей. Новый, вузовский этап является критическим, сложным периодом, ибо в его рамках начинается переосмысление всех или какой-то части ценностных представлений, в том числе патриотических. Имеет смысл указать на очевидную опасность: перевод школы и вуза на электронный (дистанционный) формат или вариант обучения значительно снижает роль воспитания, практически сводит его на нет. И завершающий его этап назовем послевузовским, когда патриотизм построен на основе самовоспитания, самоподдержания, периодического обновления патриотических взглядов. Не исключено, что указанный этап носит дискретный характер. Он подвержен мощному влиянию государственной пропаганды.

В современном обществе институт образования традиционно построен на классно-урочной системе в школах или лекционно-семинарской – в вузах. В данной рамочной конструкции слабо действуют рациональные способы осмысления и понимания прошлого и настоящего, которое плохо воспринимается молодым поколением с хорошо развитым интеллектом, для них это скучно. Они не мотивированы к самостоятельной познавательной деятельности. Одна из вероятных причин – снижение эффективности института автодидактики.

Приметой времени стало то, что учащиеся предпочитают искать информацию в интернете, часто полностью и автоматически отдаваясь в руки интерпретаторов. Собственная точка зрения не артикулируется в дискуссиях, становится для многих ненужным, а то и раздражающим «тараканом в голове». В результате «молодежь, – говоря словами Ф. Ницше, – как бы прогоняется сквозь строй столетий» [4, с. 202], историю эпох, культур и нравов человечества, что превращает индивида в «штампованную» личность. И это прямо противоречит человеческой природе, как природе творческой. Действительно, обучаемые неодинаково реагируют на события истории. Как справедливо указывает Марк Блок, «чувствительность к событиям настоящего очень различна в зависимости от различий в темпераменте...» [1, с. 105]. Темперамент не единственный фактор, который обуславливает интерес к прошлому. Характер, задатки личности, направленность, спо-

способности, а также социальная среда обуславливают познавательную деятельность. А это только индивидуальный уровень. Поднимаясь на личностный, мы сталкиваемся с массой социальных феноменов, формирующих и определяющих наше восприятие.

Отечественный институт образования, построенный на принципах Болонского процесса, поднимает людей слабо развитых, для которых свойственно снижение уровня понятийного мышления, ослабление понимания и осмысления причинно-следственных связей исторических событий и явлений. Это также не избавляет их от опасности незнания, выступающего источником гражданского безмолвия. Как следствие, здесь возникает неразрешимая проблема мотивации сильных и слабых. Отметим, что не все в образовательном процессе сводится к мотивации, но все насыщается ею. Безусловно, мотивация становится усложняющим фактором и для преподавателя, остро ставя перед ним вопрос: как мотивировать и кого. Как указывает С.Л. Рубинштейн, «существенная задача педагога заключается в том, чтобы найти на каждом этапе развития наиболее адекватные для учащегося мотивы, соответственно преобразуя и переосмысливая задачу, которую он ставит перед ними» [5, с. 500].

Практика показывает, что еще одной стороной образовательного процесса традиционно выступает монолог, в ходе которого преподаватель, особенно учитель в школе, выступающий не только трансформатором знания, но еще и воспитателем, утверждает свое мнение, в то время как истина рождается посредством многостороннего взаимодействия, соответствия склонностям, самоактуализации и интересам обучаемых. Считается, что обучаемые должны проявлять «горячий интерес» к историческому процессу, идеям патриотизма – и чем больше, тем лучше. На практике фактически сталкиваемся с его отсутствием.

Между тем преподавание истории, в рамках которого и должно идти воспитание патриотизма (и не только истории), нередко сводится к унифицированной «книжной истории». Как следствие, такой образовательный процесс, протекающий на формальном словесном уровне, не ориентирован на ее практический аспект, глубокие и объективные интерпретации исторического прошлого, что обеспечивает всего лишь *фоновое* понимание исторических событий или одних событий в ущерб другим. Более того, преподавательский состав подходит к выбору отдельных фрагментов, событий (назовем их удобными) исторического процесса без придания ему причинно-следственных связей и морально-нравственной оценки. Отсутствие стремления соединить воспитание патриотизма с историческим процессом, с историческим опытом и проблемами реальной действительности (повседневности) превращает процесс обучения в простой педантизм. Наоборот, умение вместить глубокий исторический контекст и историческую взаимосвязь событий в образовательный процесс, не выпрямляя линий, соединяющих прошлое с настоящим, показать нерасторжимость феномена патриотизма с развитием личности отражает мастерство педагога.

Школа, где происходит первая встреча с историей, в том числе высшая, транслирует границы между истиной, претензии на которую текучи, в связи с проблемами настоящего и национальными мифами (на какой-то момент оказывающимися важнее реальности), в которые продолжает верить общество, в репрезентации прошлого. Тщательно смешивает их с фактами, закрепляя их меняющиеся границы. В итоге происходит перемещение истины по пространству памяти, что неизбежно ведет к новым интерпретациям хорошо известных фактов.

Однако, на наш взгляд, именно школа, в том числе высшая, должна стать тем местом, где усваивается национальная память государства, воспитываются основы патриотизма через взаимопроникновение прошлого и настоящего. Посредством приобщения к коллективной памяти, которое сопровождается сильным эмоциональным воздействием, события прошлого возвращаются в день нынешний.

Невозможно отрицать, что патриотизм, который не состоит из непреложных категорий, будучи встроенным в систему образования, внимая инстинкту власти, ее идеологическим видениям, вовлекает индивида в иллюзорное пространство правдоподобия и мифотворчества, в котором человек наиболее управляем. В результате патриотизм приобретает мнимый характер, направляющий трансляцию культурных моделей поведения. Отметим, что в иллюзорном пространстве воображение затеняет реальное, а сознание индивида превращается в сознание зрителя, который считает, что те образы (как правило, клишированные), которые ему предлагают, и есть реальность.

Очевидно, что перенасыщение общественного сознания патриотизмом сопровождается состоянием непрерывного его перевозбуждения, что приводит познающего субъекта к временной выключенности из потока событий, который уже не имеет решающего значения для его жизни, перед ним больше нет насущной задачи подняться до логического самопознания. Полагаем, что в рамках именно рационально-организованной памяти «патриотическое воспитание выходит на первый план. Это воспитание не должно быть коммунистическим или монархическим. Оно должно быть максимально деполитизированным» [3, с. 211], – справедливо указывает В.В. Запарий.

Итак, подведем итоги. Во-первых, современный опыт страны заставляет задуматься о том, как избежать превращения патриотизма в фетиш, ради которого отбрасываются вопросы и проблемы текущего состояния общества. Во-вторых, смысловое или рационально организованное содержание патриотизма должно выстраиваться в соответствии со спросом на него – индивидуальным, коллективным и национальным; в то же время осмысление патриотизма должно пересекаться с реальностью в тех точках, где происходят возмущения, вызванные столкновением реальности со стереотипами. Одна из этих точек, несомненно обладающих статусом бифуркаций, – школа, точнее, организованный в ней современный образовательный процесс. Мы, педагоги, зачастую по разным причинам не видим нового поколения и представляем фиджитал-поколение как очередную интеллектуальную абстракцию. Но это поколение, весьма возможно, окажет серьезное влияние в перспективе на развитие страны, и нужно уже сейчас серьезно изучать его оформляющуюся систему ценностей, в том числе в пространстве патриотизма. В этом и заключается сопряженность смены поколений и патриотического воспитания. В-третьих, сегодня российскому государству (его политической элите) намного важнее воспроизводить форму патриотизма на уровне официальных формул, но не его буквальный смысл. В-четвертых, учитывая остроту феномена патриотизма и значимость его для укрепления общества и государства, необходимо разработать интегрированную программу его воспитания, которая должна быть не суммой разрозненных и разовых мероприятий, а долгосрочной и системной деятельностью по его воспитанию, важнейшим приоритетом отечественной системы образования всех уровней, большая часть которого должна проходить вне формальных программ обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: ПОСТУП, 2018. – 320 с.
3. Запарий В.В. Патриотизм и высшее образование / Естественно-научное, техническое образование и философская культура: Мат-лы респуб. науч.-практ. конф. (28-30 сентября 2000 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 260 с.
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
6. Хоффер Э. Человек убежденный: личность, власть и массовые движения. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 200 с.
7. Юрьев А.И. Может ли общество одновременно думать и чувствовать? / Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 512 с.

REFERENCES

1. Blok M. Apology of history or the craft of a historian. M.: Science, 1986. 256 p.
2. Baudrillard J. Simulacra and simulation. M.: POSTUP, 2018. 320 p.
3. Zapariy V.V. Patriotism and higher education. Natural-scientific, technical education and philosophical culture. Materials of the republican scientific-practical conference (September 28-30, 2000). Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2000. 260 p.
4. Nietzsche F. On the benefits and harms of history for life. Works in 2 volumes. Vol. 1. Literary monuments. M.: Mysl, 1990. 829 p.
5. Rubinstein S.L. Foundations of general psychology. SPb.: Peter, 2002. 720 p.
6. Hoffer E. A convinced man: Personality, power and mass movements. M.: Alpina Publisher, 2017. 200 p.
7. Yuryev A.I. Can a society think and feel at the same time? Society and Politics: Contemporary Research, Search for Concepts. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2000. 512 p.

Информация об авторах: Абрамов Сергей Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
abramowwwsm@mail.ru

Акулов Сергей Александрович, старший преподаватель кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
sergei1954akulov@rambler.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Sergey M. Abramov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Management, Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia
abramowwwsm@mail.ru

Sergey A. Akulov, Senior lecturer of Personnel management sub-faculty of the Ural State Mining University,
Ekaterinburg, Russia
sergei1954akulov@rambler.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.01.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 12.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.02.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / The authors declare no conflicts of interests

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Original article

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-123-133

UDC 378.184 /37.013.77

**SELF-DETERMINATION IMPACT ON MOTIVATION IN THE CONDITIONS
OF PROFESSIONAL EDUCATION**

Alla G. MIKHAILOVA

Sevastopol State University,

P.S. Nakhimov Black Sea Higher Naval School,

Sevastopol Russia

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9419-543X>

steba1971@mail.ru

Abstract. Introduction: Self-determination theory plays a crucial role in self-awareness forming. It suggests that people are motivated to grow and change as well as to be able to become self-determined by three universal psychological needs: for fulfillment of competence, connection, and autonomy. The article examines the main criteria and indicators of self-determination. Socio-pedagogical conditions are proposed which provide the effectiveness of the process of forming social self-determination among students.

Materials and methods: the methodological basis is the ideas of personal and professional development as the basis the foundation of achieving a professional “acme” in the works of such scientists as A.S. Anisimov, A.A. Bodalev, A.A. Derkach, V.G. Zazykin, A.K. Markova, N.V. Kuzmina and others. Scientists focused on interdisciplinary connections and integration approaches in the study of the problems of personality self-determination.

Results: recommendations are given for the design of activating methods of self-determination. The research hypothesis is based on the assumption that the formation of self-determination in the educational process of the university will be effective if proposed conditions are realized: providing the interconnection of formation processes and person’s self-development; inclusion of students in a variety of activities in order to acquire social experience and a system of social roles for further self-development; trainings for motivational growth and classes aimed at developing skills of self-organization and self-regulation in stressful situations.

Discussion and Conclusions: according to these conclusions, a set of recommendations were developed: external and internal factors of social self-determination should be considered in the system, with its inherent connection with the environment, since changes in the social environment entail changes in the system of factors; in order to study personal properties, develop mutual understanding and determine ways of development and correction, one should use high-quality psychodiagnostic techniques, trainings for motivational growth, aimed at developing skills of self-

organization and self-regulation in stressful situations; it is necessary to ensure the activity of students in a variety of activities.

Keywords: self-determination, motivation, professional education, university students, communicative interaction.

For citation: Mikhailova A.G. Self-determination impact on motivation in the conditions of professional education. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 123-133. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-123-133

Научная статья

ВЛИЯНИЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НА МОТИВАЦИЮ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

МИХАЙЛОВА Алла Григорьевна

Севастопольский государственный университет; Черноморское высшее военноморское училище им. П.С. Нахимова
г. Севастополь, Россия
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9419-543X>
e-mail: Steba1971@mail.ru

Аннотация. Введение: Теория самоопределения играет решающую роль в формировании самосознания. Это говорит о том, что люди мотивированы меняться, а также стремиться к самоопределению благодаря трем универсальным психологическим потребностям: достижению компетентности, связи и автономии. Предложены социально-педагогические условия, обеспечивающие эффективность процесса формирования социального самоопределения студентов.

Материалы и методы: методологической основой являются идеи личностного и профессионального развития как основы достижения профессионального «апогея» в трудах таких ученых, как А.С. Анисимов, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В. Зыкин, А. Маркова, Н.В. Кузьмина и другие. Ученые подчеркнули междисциплинарные связи и интеграционных подходах при исследовании проблем самоопределения личности.

Результаты исследования: даны рекомендации по структуре активирующих методов самоопределения. Гипотеза исследования основана на предположении, что формирование самоопределения в образовательном процессе вуза будет эффективным при реализации условий: обеспечение взаимосвязи процессов формирования и саморазвития человека; включение студентов в различные виды деятельности с целью приобретения социального опыта и системы социальных ролей для дальнейшего саморазвития; тренинги для мотивационного роста и занятия, направленные на развитие навыков самоорганизации и саморегуляции в стрессовых ситуациях.

Обсуждение и заключение: в соответствии с этими выводами был разработан комплекс рекомендаций: внешние и внутренние факторы социального самоопределения должны учитываться в системе, с присущей ей связью с окружающей средой, поскольку изменения социальной среды влекут за собой изменения в системе факторов; для изучения личностных свойств, развития взаимопонимания и

определения путей развития и коррекции следует использовать качественные психодиагностические методики, тренинги для мотивационного роста, направленные на развитие навыков самоорганизации и саморегуляции в стрессовых ситуациях; необходимо обеспечить активность студентов в самых разных видах деятельности.

Для цитирования: Михайлова А.Г. Влияние самоопределения на мотивацию в условиях профессионального образования.// *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 123-133
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-123-133

Acknowledgement: *I express my gratitude to the anonymous reviewers.*
Благодарность: *выражаю благодарность анонимным рецензентам.*

Introduction: Self-determination can play an important role in people's motivation during professional education, which can help them feel more committed, interested, and satisfied with done things.

In psychology, self-determination is an important concept that refers to each person's ability to make choices and manage one's own life. This ability plays an important role in psychological health and well-being [14]. Self-determination allows people to feel that they have control over their choices and lives. It also has an impact on motivation – people feel more motivated to take action when they feel that what they do will have an effect on the outcome” [15, www].

To provide the growth of stronger self-determination one should improve: self-awareness; self-regulation; goal-setting abilities; decision-making skills.

In the course of communicative interaction, a person realizes one's place in society [13], the result of which is self-determination as a formed self-awareness [12]. At the same time, despite significant innovations in the field of content and technology of education, universities do not provide the level of personal training that would correspond to the renewal of target, content and procedural characteristics of production, since the social functions of higher education have been lost.

The methodological foundations of the problem of self-determination were studied by S.L. Rubinstein, who characterized self-determination as one, which expresses the essence of the principle of determinism: “its meaning is to emphasize the role of the inner moment of self-determination, loyalty to oneself, non-sided subordination to the external” [17, p. 382].

It would be useful to refer to self-determination theory. It suggests that people are motivated to grow and change as well as to be able to become self-determined by three universal psychological needs: for fulfillment of competence, connection, and autonomy.

- **Competence:** Students need to learn different skills. “They are more likely to take actions that will help them achieve their goals” [15, www].
- **Connection or Relatedness:** Student needs “to experience a sense of belonging and attachment to other people” [15, www].
- **Autonomy:** Student need to feel in control of her/his own goals. This sense plays a major part in helping students feel self-determined [15].

“Self-determination of a person is a complex scientific problem with philosophical, sociological, psychological and pedagogical aspects» [21, p. 29].

There are three types of motivation involved in the test-taking process: motivation in the actional phase; one in the preactional phase and one in the postactional phase. The last phase is considered to be the most important because it cause the student to improve one's skills.

The three above mentioned major theoretical frameworks in motivation (the Achievement Goal Theory, Self-Determination Theory and Expectancy-Value Theories) are the foundation of motivation. "Different instruments aiming at measuring the degree of motivation in tests have also been developed and tested based on these theoretical frameworks, however, these tools are mostly context specific and therefore so far none of them can said to be better than the others or being seen as 'the' instrument" [20, www].

Material and methods: the methodological basis is the ideas of personal and professional development as the basis the foundation of achieving a professional "acme" in the works of such scientists as A.S. Anisimov, A.A. Bodalev, A.A. Derkach, V.G. Zazykin, A.K. Markova, N.V. Kuzmina and others. Scientists focused on interdisciplinary connections and integration approaches in the study of the problems of personality self-determination.

Analysis of domestic and foreign sources and pedagogical practice indicate that the following contradictions take place in modern education:

– between the need of society for competent specialists who have social responsibility and are ready for productive interaction, and the low level of this readiness formation among university graduates;

– between the need for changes in higher education aimed at the development of self-determination, and the lack of conditions for the effectiveness of this process.

The need to resolve these contradictions made it possible to formulate the problem: what are the ways of self-determination forming and how does it impact on students' motivation in the conditions of professional education.

The purpose of the study is theoretical substantiation and experimental and verification of a set of conditions under which the formation of self-determination will be effective.

The research hypothesis is based on the assumption that the formation of self-determination in the educational process of the university will be effective if the following conditions are realized:

– a system of criteria and indicators for assessing the levels of self-determination among students in the educational process of the university has been determined;

– the method effectiveness of forming self-determination in the process of the experiment was checked.

In accordance with the intended goal, object, subject and hypothesis, the following research tasks were set:

1) to clarify the content of the concept of "social self-determination" based on the analysis of foreign and domestic experience;

2) to determine the system of criteria and indicators for assessing the levels of formation of person's self-determination;

3) to develop a methodology for the formation of self-determination among students;

4) to conduct experimental work on the implementation and verification of the conditions under which the formation of self-determination will be effective.

The research methodology was based on: psychological aspects of the problem of personality development (K.A. Abulkhanova-Slavskaya, B.G. Ananiev, L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, S.L. Rubinstein, V.I. Slobodchikov, etc.).

To solve the problems posed in the study and verify the initial assumptions, a set of complementary research methods was used: theoretical: (analysis of philosophical, sociological, psychological, pedagogical, social literature on the problem under consideration; analysis of documentation on the organization of the educational process at the university; analysis, synthesis, and systematization for theoretical generalization of the main approaches to solving the research problem); experimental: methods of participatory observation, active learning and modeling, analysis of performance results, as well as psychodiagnostic techniques; experimental activity and pedagogical experiment.

Results: many scientists have studied the individual elements of the phenomenon of self-determination. From the standpoint of philosophy and sociology, the concept of “self-determination” was defined as a property of consciousness, which can be considered:

– in the context of the social formation of an individual, its entry into social spheres and the development of norms, attitudes, values adopted in society [1-2; 10; 17; 18];

– as a key element of psychological well-being; people like to feel in control of their lives;

– as a conscious independent choice of a person's life path and positions, the choice of values, moral norms, profession, religion, living conditions [2];

– as the presence of an active life, personal and professional position [2-5].

The concept of “social self-determination” was defined as:

– the phenomenon of group interaction, which manifests itself in specially designed situations of group pressure [12];

– a person's choice of criteria, norms of self-assessment, values: what is needed for society [11];

– the person's awareness of his/her position, which is formed within the coordinates of the system of relations and how it develops (to the collective subject, to his place in the team), the social activity of the individual and social self-determination depend [1; 17];

– a structural component of a person's life self-determination, associated with the development of a person at all stages of a person's life; search for the realization of personal inclinations and abilities within the framework of activities based on individual life and social attitudes [21];

– a person's revision of the criteria used by him at various stages of one's development, since values and mentality in society itself change [3, 4, 18].

Although social self-determination is a goal for people, it is impossible not to be guided by external sources. Motivation not only contributes to the effectiveness of interaction, but also undermines it, depending on the existing social and environmental factors [5].

Both intrinsic and extrinsic motivations are very important determinants of human behavior that motivate us to meet three basic needs:

1. Autonomy: people need to feel that they can control their behavior.

2. Competence: achievements, knowledge and skills that need to be developed.

3. Connection: each of us in one way or another needs other people

Taking into an account the theory of needs by E. Desi and R. Ryan, we take into account that interpersonal events and feedback, which are directed to a sense of competence when performing an activity, enhance the internal motivation of interaction [3].

Based on the above, we consider social self-determination as a mechanism of social determination, which is influenced by the individual's own activity. The future professional activity of the subject of interaction is inevitably associated with the emergence of social situ-

ations of professional development, the progressive resolution of which, ultimately, leads to the achievement of productive work [4].

In connection with the diagnosis of the considered social self-determination, there is a need to study its dynamics and characterize the levels of formation. For this purpose, we have identified the relevant criteria and indicators. In the scientific literature, a criterion is understood as a feature on the basis of which an assessment, determination or classification is carried out, a method of verification.

When identifying the criteria, we relied on structural analysis. In our opinion, a criterion of the same name can correspond to each structural component of social self-determination.

In the structure of social self-determination of a person, we have identified the need-target, cognitive, emotional-volitional, activity, reflexive-value criteria.

The need-target criterion is characterized by the formation of the individual's need for communicative interaction, the desire to gain readiness for interaction. The cognitive criterion is characterized by the formation of knowledge. Cognitive interests of students in a certain area of knowledge and practical activity are combined with the cognitive attitude of the individual to activity, understanding its value and significance. The reflexive-value criterion is characterized by the formation of the personal value-semantic foundations of self-determination (personal values, experiences, social responsibility), which ensure the process of personification of the personality. The activity criterion is represented by the attitude of the individual and the world around, his/her readiness and ability to creatively transform reality.

In each criterion, we have identified indicators that can be used to describe the quality of social self-determination of a university student.

The need-target criterion as the formation of the individual's need for communicative interaction, the desire to gain readiness for interaction includes indicators: the presence of needs for communicative interaction, readiness for communication, and focus on the formation of communicative skills in students.

The cognitive criterion as the formation of professional knowledge includes indicators: the presence of knowledge in a particular area, intersubject erudition. The reflexive-value criterion as the formation of personal value-semantic foundations includes, as indicators, the presence of communicative and organizational-evaluative skills, social responsibility. The activity criterion as the formation of the readiness and ability to creatively transform oneself and reality includes the readiness for self-development, the ability for self-improvement. On the basis of the selected criteria and indicators, it is possible to investigate the qualitative and quantitative characteristics of such a complex personal formation as social self-determination.

Discussion and Conclusions: the pedagogical experiment made it possible to develop a scale of levels of social self-determination in accordance with the criteria. This scale, which includes three levels: high, medium, low, was determined by us based on the results of the respondents' answers. The main experimental work was carried out on the basis of the University.

Diagnostics of the level of social self-determination of a person should be comprehensive and include pedagogical testing. Since there are two main elements of self-determination – internal (the urge to certain behavior based on external sources, which leads to external rewards) and external (regulated by obedience, compliance, as well as external rewards and punishments, which determine human behavior), we single out the external and internal criteria of social self-determination, which we diagnosed using the locus of control technique.

External and internal factors of social self-determination must be considered in the system, with its inherent connection with the environment. Changes in the social environment entail changes in the system of factors.

The Sevastopol State University became the experimental base of the research. 78 students took part in the research work (45 people – in the control group, 33 – in the experimental group). Organization and stages of research: ascertaining (2018) – implementation of empirical research; formative (2019) – implementation of the developed socio-pedagogical conditions and control stage (2020) – analysis of the results obtained, comparison of data with the ascertaining stage.

To determine the level of formation of the need-target component, we applied “Need for communication” methodology by Yu. M. Orlov, which measures the immediate needs associated with activity in the field of communication and the method “Assessment of the need for approval” or “Scale of social desirability” D. Crown and D. Marlowe to measure the severity of social desirability [16, p. 138]. One can also use the “Diagnostics of the need to seek sensations” by M. Tzuckerman, which measures an inclination to risky behavior, “Questionnaire by Yu. Orlov” to measure the need in achieving.

To measure the level of formation of the cognitive component, we used the “Study of the prevailing type of memorization” technique, the purpose of which is to reveal the prevailing amount of memory for different types of presentation of verbal material. “The study consists of four experiments. In the first experiment, words for memorization are presented by ear. In the second – visually, and each word should be clearly written on a separate card. In the third experiment, the motor-auditory form of presentation is used, and in the fourth, the combined one, which combines auditory, visual and motor perception of the material” [16, p. 45].

To determine the level of formation of the emotional-volitional component “The ability of a person to self-determination and self-regulation, orderliness, purposefulness and consciousness is possible due to volitional manifestations of the personality. Will is a mental function that literally permeates all aspects of a person's life, makes him free from external influences” [16, p. 70].

The concept of will is associated with the concept of *Locus control*, which is based on the opinion about the difference between people in terms of where they localize control over significant events. “Locus control (from Latin “locus” is place, location and French “controlle”– check) is a quality that characterizes a person's tendency to ascribe responsibility for the results of one’s activities (internal locus of control) or to circumstances (external locus control)” [16, p. 70].

Locus of control refers to the extent to which a person feels that he/she has control over the events that influence lives. “When you are dealing with a challenge in your life, do you feel that you have control over the outcome? Or do you believe that you are simply at the hands of outside forces?” [5, www].

Psychologists refer to as an internal locus of control when you believe that you have control over what happens. And if you have no control, then you have what is stated as an external locus of control. “Your locus of control can influence not only how you respond to the events that happen in your life, but also your motivation to take action Locus of Control and Your Life” [5, www].

Internal type. A person believes that occurring events depend, first of all, on his/her personal qualities (competence, purposefulness, level of abilities, etc.) and are natural consequences of his/her own activity.

External type. A person is convinced that his/her successes and failures depend, first of all, on external circumstances – environmental conditions, the actions of other people, chance, luck or bad luck, etc.

The directionality of the locus of control should be considered as the relative excess of the results of one measurement over another. In the practice of psychodiagnostics, the locus of control characterizes the cognitive style manifested in the field of education, including professional.

The results of diagnostics of the locus of control showed that the most of the students are of the external type. Most of the respondents are convinced that their successes and failures depend primarily on external circumstances – the actions of other people, environmental conditions, etc., which proves the need for the development of social self-determination. Internal locus of control is often used synonymously with “self-determination” and “personal agency”. In general, persons with an internal locus of control tend to be better off. “In some situations, having an external locus of control can be a good thing – particularly when a person's level of competence in a particular area is not strong. For example, a person who is terrible at sports might feel depressed or anxious about their performance if they have a strong internal locus of control” [20, www].

In order to study the level of communicative actions in the structure of self-determination, we tested the methodology “Assessment of the activity component”, based on solving practical tasks. Students of the control and experimental groups were asked to complete a series of sequentially presented tasks, each of which was a logical continuation of the previous one. All tasks are based on solving conflict situations.

The reflexive-value component of social self-determination is a complex system that includes all the skills for self-organization. Therefore, it was diagnosed based on an assessment of the skills of professional self-organization. The research procedure included the questionnaire “Diagnostics of the peculiarities of self-organization - 39 (DOS-39)” by N.G. Miloradova, A.D. Ishkova [8].

The development of social self-determination of university students is an expediently organized personality-oriented educational process. For each stage, pedagogical goals and expected results, organizational forms, methods and means used for the consistent development of social self-determination are determined.

Knowledge of the theoretical foundations of the process of social self-determination is a guarantee of high-quality preparation of graduates for conscious readiness for group interaction. The model of integration of full-time and distance forms in education is considered as promising in the development of social self-determination.

The creation of social and pedagogical conditions for productive learning, upbringing and personality development in the educational process ensured the effectiveness of the process of forming students' social self-determination, namely:

- providing the interconnection of formation processes and person's self-development [21];
- inclusion of students in a variety of activities in order to acquire social experience and a system of social roles for further self-development;
- trainings for motivational growth and classes aimed at developing skills of self-organization and self-regulation in stressful situations.

In the experimental group, training was conducted with the implementation of the proposed social and pedagogical conditions; in the control group, classes were conducted in the traditional way without taking into account the recommendations of our study.

At the first stage, the interconnection of formation processes and self-development of a personality was ensured on the basis of trainings for motivational growth. "Social and psychological training of program-targeted orientation" was used, which had the following structure: organizational moment; the main part, including the motivational moment and the broadcast of new content; summing up and homework. For the formation of empathic abilities, training was applied, the purpose of which was to create conditions for improvement and personal growth, to form the ability to analyze one's own emotional world and the ability to empathize with others.

The main objectives of the training were: awareness of their experiences; the formation of observation; development of skills to understand non-verbal signals of another person; formation of the ability to empathize with the interlocutor.

At the second stage, training was conducted to increase self-esteem and develop the ability to make decisions. One of the primary goals of rope training is to build and build trust in people.

At the third stage, work was carried out in small groups with the methods "Brainstorming", TRIZ, Algorithm for solving inventive problems.

Recommendations proposed by Kendra Cherry were used to increase motivation [4]. "It is known that people often feel more motivated when they have control over the situation. One of the main reasons students dislike "group work" is that they lose their individual sense of control and contribution.

To take back control in group interaction students should

- find a way to make each person feel empowered and influential;
- do not prevent others from putting forward their ideas;
- allow group mates to determine what goals they wish to pursue" [4, www].

Diagnostics of levels after the formative experiment was carried out by means of diagnostic tests. For each of the previously identified criteria, we analyzed the dynamics of changes in the levels of students' social self-determination formation.

The results of the data obtained indicated that the complex of pedagogical conditions aimed at the effective formation of social self-determination significantly increased the high level of the respondents of the experimental group in comparison with the results of the initial diagnosis during the ascertaining experiment.

Thus, a comparative quantitative analysis of the results of experimental work showed the effectiveness of the proposed socio-pedagogical conditions in the process of forming social self-determination. The results obtained prove the necessity and expediency of the developed and experimentally tested methodology.

A comparative qualitative analysis of a stable personality characteristic (Locus of control), reflecting a person's predisposition to explain the causes of events by external or internal factors, made it possible to identify problems and outline prospects for their solution.

According to these conclusions, we have developed a set of recommendations:

1) for the purpose of the effectiveness of the process under study, external and internal factors of social self-determination should be considered in the system, with its inherent connection with the environment, since changes in the social environment entail changes in the system of factors;

2) in order to study personal properties, develop mutual understanding and determine ways of development and correction, one should use high-quality psychodiagnostic techniques, trainings for motivational growth, aimed at developing skills of self-organization and self-regulation in stressful situations;

3) in order to acquire social experience and a system of social roles for further self-development, it is necessary to ensure the activity of students in a variety of activities.

Methods of increasing motivation in order to form self-determination within the framework of inclusive education are prospects for further research.

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya A.K. Strategy of life. M., 1991. 230 p.
2. Ananiev BG Man as a subject of knowledge. 3rd edition. Series: Masters of Psychology SPb.: Peter, 2016; 288 p.
3. Cherry Kendra. Self-Determination Theory and Motivation. October 07, 2019; URL: <https://www.verywellmind.com/what-is-self-determination-theory-2795387> [accessed 10 December 2020].
4. Cherry Kendra. 5 Surprising Ways to Get Motivated. Psychological techniques to help you get more motivated. July 23, 2020; URL: <https://www.verywellmind.com/surprising-ways-to-get-motivated-2795388> [accessed 10 December 2020].
5. Courtney E. Ackerman, MSc. Self-Determination Theory of Motivation: Why Intrinsic Motivation Matters. URL: <https://positivepsychology.com/self-determination-theory/> [accessed 10 December 2020].
6. Golovakha E.I. Life perspective and professional self-determination. Kiev: Naukova Dumka, 1988.144 p.
7. Golovko O.N., Korepanov A.L., Lei V.A. Pedagogical professionalism as a factor in the development of student's abilities. Modern Science. № 5-1, 2020; Pp. 325-329.
8. Ishkov A.D. Educational activity of a student: psychological factors of success: Monograph M.: ACB, 2004; 224 p.
9. Kostsova M.V., Mikhailova A.G., Grishina A.V., Chunikhina L.V. Features of professional motivation among counselors with different pedagogical experience (on the example of ICC "Artek. Modern Science. № 11-1, 2020; Pp. 351-357
10. Leontiev D.A., Shelobanova E.V. Professional self-determination as the construction of images of a possible future. Questions of psychology, 2001; № 1. p. 57-65.
11. Markova A.K. Psychology of professionalism. Publisher: International Humanitarian Foundation "Knowledge". URL: https://www.studmed.ru/markova-ak-psihologiya-professionalizma_6b2fa1cadce.html [accessed 05 December 2020].
12. Mikhailova A.G., Kostsova M.V. Stages of the formation of readiness to overcome emotional barriers of communication. Historical and Social-Educational Idea., v12. № 3. 2020; p. 101-119 DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2020-12-3-101-119>
13. Mikhailova A.G., Golovko O.N. Formation of professional and communicative competence in the practice of the university (on the example of IT specialists). International scientific journal, 2020; № 2. p. 34-37.
14. Mikhaylova A.G., Nikitaeva M.V., Kokodey T.A. Formation of personal qualities by means of acmeological approach in the context of professional becoming. Volume 87, 000282020. International Scientific and Practical Conference "Teacher Professionalism: Psychological and Pedagogical Support of a Successful Career" (ICTP 2020) DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208700028> [accessed 10 December 2020].
15. Motivation and Psychological Well Being Across Life's Domains. Canadian Psychology Copyright 2008 by the Canadian Psychological Association 2008; v 49, No. 1, p. 14-23
16. Psychological diagnostics of personality spheres [Electronic resource]: laboratory practice. Ural. state ped. un-t; author-comp. Yu.E. Vodyakha. Electron. Dan. Ekaterin-

- burg, 2018. 1 electron. disk (CD-ROM)
17. . Rubinstein S.L. Principle of creative amateur performance: To the philosophical foundations of modern pedagogy. Questions of psychology. Scientific archive. p. 101-109 URL: <http://voppsy.ru/issues/1986/864/864101.htm> (date of access: 03.11.2020) [accessed 10 December 2020].
 18. . Serikov G.N. Socially significant aspects of personality self-determination Bulletin of SUSU. Education. Pedagogical Sciences. 2014; v6, № 4. p. 27-32.
 19. . Self-determination URL: <https://www.britannica.com/topic/self-determination> [accessed 10 December 2020].
 20. . TSANG Hoi Ka. Student Motivation on a Diagnostic and Tracking English Language Test in Hong Kong Carrie. Institute of Education. University of London. 2013; p. 44 URL: [https://discoveryucl.ac.uk/id/eprint/10017892/1/Thesis_\(Carrie_Tsang\)_Final%20copy.pdf](https://discoveryucl.ac.uk/id/eprint/10017892/1/Thesis_(Carrie_Tsang)_Final%20copy.pdf) [accessed 10 December 2020].
 21. . Zhurkina A.Ya. Sergushin E.G., Sergushina O.V. Theoretical aspects of the formation of social and professional self-determination of students of educational organizations. Integration of education. 2016; v.20. № 1. p. 29-36.

Information about the author: Alla G. Mikhailova, senior lecturer, Foreign Languages Department, Sevastopol State University; senior lecturer, Foreign Languages Department, P.S. Nakhimov Black Sea Higher Naval School, Sevastopol
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9419-543X>
steba1971@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Информация об авторе: Михайлова Алла Григорьевна, ст. преподаватель кафедры «Иностранные языки», Севастопольский государственный университет, ул. Университетская 33, г. Севастополь. Ст. преподаватель кафедры «Иностранные языки», Черноморское высшее военно-морское училище им. П.С. Нахимова, ул. Парковая 10, г. Севастополь
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9419-543X>
e-mail: Steba1971@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 13.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 28.01.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ**BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING**

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикующиеся в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное пособие или просто найденный в сети текст без

The editorial board of the journal “Historical and Social-Educational Idea” examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: “Antiplagiat.ru” and “Advego Plagiatus”.

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not

явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);

- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);

- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модифи-

possible.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);

- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a re-publication (cases of a duplicative publication);

- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published

каций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

in the journal (even if it is modified). If the article is already paid for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article. We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be re-published in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала и предполагает, что описанная в ней работа ранее не была опубликована (за исключением публикации в виде реферата или как часть опубликованной лекции, автореферат диссертации); что она не рассматривается для публикации в ином издательстве.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской и авторской этики. и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE; www.publicationethics.org), и положений главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе оригинальности текста «Антиплагиат».

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в 2-4-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

- уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
- указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;

Требования к оформлению авторских материалов:

- Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>.
- Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf), шрифт - Times New Roman, размер шрифта - 14, междустрочный интервал - одинарный (1)
- Объем полного текста рукописи 12 - 20 страниц. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.
- Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию.
- Автоматические переносы не допускаются.
- Автоматические сноски не допускаются.

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными требованиями и тщательно вычитаны.

- Индекс УДК (см. справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/>);
- Название работы (Приводятся на русском и английском языках)
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
- фамилия, имя, отчество автора полностью,
- должность, звание, ученая степень автора,
- полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
- идентификатор автора в системе РИНЦ, Open Researcher and **ORCID ID**, (если нет ORCID ID, то можно зарегистрироваться в <https://orcid.org>)
- адрес электронной почты автора;

Аннотация

- аннотацию на русском языке — не менее 150-200 слов
- аннотация на английском языке — не менее 200-250 слов
- ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке:

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи.

Структура аннотации:

- **Введение (Introduction):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Методы (Methods):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Анализ (Analysis):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Результаты (Results):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Требования к аннотациям на английском языке:

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке.

Abstract paragraphing:

- **Introduction(Введение):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Methods(Методы):** раздел, в котором автор излагает свою методiku с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Analysis(Анализ):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Results(Результаты):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

Информация о спонсорстве. (Приводятся на русском и английском языках.)

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами, рецензентам.

Текст самой статьи

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD (Структура статьи). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения, в соответствии с порядком изложения аргументации.

- Введение (**Introduction**);
- Обзор литературы (**Literature Review**);
- Материалы и методы (**Materials and Methods**);
- Результаты исследования и обсуждение (**Results и Discussion**);
- Заключение (**Conclusion**).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) **Введение (1–2 стр.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме этого, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) **Обзор литературы (1–2 стр.)**. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) **Материалы и методы (1–2 стр.)**. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура и инструментарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) **Результаты исследования и обсуждение**. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) **Заключение**. В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выводы

ды, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 25]

Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Библиографические ссылки на русском языке (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются**.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники – не менее 30%.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25] (vancouver- стиль).

Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

References: (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [***]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <https://translit.ru/>

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой.

Структура библиографической ссылки в REFERENCES для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en]* ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Пример:

Khalilov T.A. Sistema i sovetskij chelovek. Obsuzhdenie knigi N.E. Erokhina [System and the Soviet Man. Discussion of the N.E. Erokhin's Book]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2018, No. 2, pp. 270-285. (In Russ). DOI: 10.23683/2218-5518.2018.2.270285.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Историческая и социально-образовательная мысль
2021. Том 13 № 1

Дата выхода в свет 28.02.2021
142 ст.

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301